

Виолетта Орлова

ЕСТЕСТВОЗНАТЕЛЬ

Тернистый Путь

Виолетта Орлова

Естествознатель. Книга
2. Тернистый путь

«Автор»

2023

Орлова В.

Естествознатель. Книга 2. Тернистый путь / В. Орлова —
«Автор», 2023

Учеба в Троссард-Холле, элитной школе Королевства, куда не принимают без вступительных экзаменов – это ли не абсолютная удача? Возможно. По крайней мере, поначалу Артур думал именно так. Однако вскоре он понял, как глубоко заблуждался. Учителям едва ли можно доверять, на территории Троссард-Холла происходят необъяснимые события, на школьников объявляют охоту... Более того, в самый разгар учебного года все ученики и преподаватели неожиданно исчезают. Артур отправляется на поиски друзей, но не окажется ли его путь слишком сложным? Сможет ли он дойти до конца, сохранив верность своим идеалам? Раскроет ли все загадки, связанные со своим прошлым? Окунитесь с головой в увлекательный, разнообразный и смертельно опасный мир «Естествознателя».

© Орлова В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 Или та, в которой появляются новые лица	7
Глава 2 Или та, где мы так поспешно оставили Артура в полном одиночестве	11
Глава 3 Или Дом проводника	19
Глава 4 Или в семье дружат – живут не тужат	23
Глава 5 Или дорогу осилит идущий	30
Глава 6 Или град Кагилу	35
Глава 7 Или стан армутов	48
Глава 8 Или замыслы нечестивых	54
Глава 9 Или возврат к первой главе данной книги	58
Глава 10 и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно	65
Глава 11 Или за свою свободу бороться надо с собой	74
Глава 12 Или не украл, так взял, а вором стал	92
Глава 13 Или мойте иногда за шкафами: там можно найти много любопытных вещиц	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Виолетта Орлова Естествознатель. Книга 2. Тернистый путь

Карта Беруанского Королевства

Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? (Мф 6.22-23)

Глава 1 Или та, в которой появляются новые лица

Время: задолго до произошедших в первой книге событий

За маленьким окошком свирепый ливень яростно прибивал к земле желтую пожухлую траву. В небольшом домике с соломенной крышей было холодно и неудобно; через проеденные насекомыми отверстия капала вода, образуя на полу мелкие лужицы. Чумазая девочка, одетая в нищенские лохмотья, старательно вытирала их протухшей тряпкой. Бедняжка знала, что это совершенно бесполезное занятие, но в то же время ей казалось, что если она не успеет вовремя вытереть маленькую невинную лужицу, то вскоре та превратится в огромный океан, который затопит обветшалую лачугу. Девочка дрожала от холода, но не смела жаловаться. В конце концов, внутри лучше, чем снаружи – это неоспоримый факт.

Внезапно ветхий домик словно всколыхнулся, и хлипкая дверь протяжно застонала, выпуская кого-то в свою обитель. Юная труженица вновь поежилась, но на сей раз не от холода. Непреодолимый страх вплотную подобрался к ее сердцу – ведь ей это не предвещало ничего хорошего. Пришла хозяйка, которая отсутствовала вот уже семь рассветов, и ее неожиданное появление развеяло смутные мечты бедняжки – она-то надеялась, что женщину съели волки. Несколько тяжелых напористых шагов, сухое предупреждающее покашливание – и в комнате показалась старуха собственной персоной.

На вид нежданной гостье было около восьмидесяти смрадной, морщины на ее лице прорезались так глубоко, что в них оседала пыль. Ее светлые волосы, отдаленно напоминавшие сухую колючую солому, были аккуратно перевязаны голубым бантом, а франтоватая лаковая шляпка являлась вполне логичным завершением почтенного облика пожилой дамы. При этом имелось что-то в ее внешности чудное и даже неестественное. После беглого взгляда на ее персону оставалось странное послевкусие, будто что-то здесь не так. Присмотревшись повнимательнее, можно было понять, что загадка кроется в ее глазах, которые, невзирая на солидный возраст, сохранили какую-то девичью сумасбродность. Они были неестественно большие, цвета янтаря, и в них плясали веселые огоньки, как бывает у молодых девушек, когда они хотят понравиться своим возлюбленным.

Старуха была одета в длинную соболиную шубу, из которой торчали две маленькие аккуратные ручки, постоянно теревшиеся друг о друга, словно в предвкушении вкусного обеда. Женщина явно была погружена в себя, и все происходящее вокруг мало ее волновало. Ее глаза светились какой-то веселой сумасшедшей идеей; она качала головой и даже немного притопывала в возбуждении.

Девочка с безотчетным страхом глядела на хозяйку, не осмеливаясь подать голос. Она жила у этой женщины уже достаточно давно, чтобы знать все пагубные привычки своей кормилицы. Впрочем, слово «кормилица» можно было употребить здесь с весьма большой натяжкой.

Наконец старуха перестала плясать и остановилась посреди комнаты, переведя дух. Затем она поежилась, что могло бы означать, что она хоть чуть-чуть осознает происходящее.

– Холодно вато здесь... – задумчиво произнесла она, в то время как ее желтые глаза неестественно искрились весельем. – Холодно вато... А где моя любимая крошка? – вдруг спросила она, в беспокойстве оглядываясь по сторонам.

Девочка содрогнулась от ужаса и неприязни.

– А, вот ты где, моя дорогая. Будь хорошей, разожги камин. – Голос старухи звучал не как просьба, а скорее как приказ, однако же глаза ее будто не соглашались со своей владелицей – они по-прежнему светились добротой и лукавством.

Бедняжка молниеносно кинулась к камину. Она так торопилась, выполняя приказание, что руки ее дрожали, не в силах удержать огниво. Наконец ей удалось разжечь костер, и гостиная начала постепенно согреваться.

– Чем ты занималась без меня, крошка?

– Я... мыла полы... – пробормотала та еле слышно. Пожилая женщина весело расхохоталась, обнажив белые, совсем неиспорченные зубы.

– Глупое занятие. Но сегодня ты не будешь скучать, моя дорогая. Я решила сделать с тобой что-нибудь эдакое... Необычное... – весело добавила она, повергнув несчастную в невероятный ужас. – Ты же знаешь, как мне нравятся эксперименты. А ты как раз подходишь для воплощения всех моих чудесных идей. Я шла домой и думала, почему бы мне не изменить твой облик... Вот сколько тебе смрадной, дитя? – последнюю фразу она произнесла по-матерински нежно и опять безумно расхохоталась.

– Тринадцать, – пробормотала девочка, наивно ответив правду. Старуха в первый раз в жизни поинтересовалась чем-то, что касалось лично ее.

– Уже тринадцать... А такая страшная, никудышная, прямо комок грязи... Полное ничтожество, – совершенно спокойно и рассудительно произнесла пожилая женщина, хотя дикий блеск в ее глазах не выдавал ни малейших признаков разумности.

Служанка вдруг упрямо сжала губы.

– На себя посмотри, старая карга! – звонко выкрикнула она и сразу же замолчала, подавившись страхом. Девочке стало дурно от своей безрассудной смелости. Ну, по крайней мере, перед смертью ей не будет стыдно за свое поведение. В этом доме ее постоянно звали ничтожеством, хотя она точно знала, что подобный эпитет к ней не относится. В последнем она не могла быть уверенной наверняка, все-таки ей не приходилось встречать людей в этом лесу и не с кем было сравнить себя. Однако, следя за поведением своей наставницы, ей удалось понять, что та называет гадкими именами все, что движется и никоим образом не относится к ее собственной персоне. Только себя она трепетно любила и всячески превозносила.

И сейчас оскорбление словно пощечина просвистело в воздухе. Хозяйка остолбенело вытаращилась на девочку, и ее желтые стеклянные глаза на секунду замерли в отвисших веках. Потом она начала смеяться так сильно, что дом, казалось, заходил ходуном. Ее морщинистый подбородок затрясся всеми своими складками. С потолка посыпалась какая-то ветошь.

Девочка в панике кинулась к двери, надеясь ускользнуть от старых крючковых лап. И, о чудо, ей удалось выбежать из комнаты. Юная мятежница просто не чувствовала своих ног – так быстро она бежала! Вслед за ней стрелами летели бурные проклятия и ругательства, значения которых она не совсем понимала. Наконец предбанник, крыльцо и все ступеньки оказались позади нее, и страшный дом выпустил девочку в суровые чертоги холодного промозглого леса. Ее босые ноги безжалостно терзали острые камни и мокрые от дождя коряги, но бедняжка не ощущала ровным счетом ничего.

– Прощай навсегда! – надрываясь, прокричала храбрившаяся беглянка оставшемуся позади опостылевшему дому. Однако пробежав еще несколько единичных шагов, девочка замерла, и ее ступни будто бы приклеились к холодной земле. Несчастная вскричала от ужаса, пытаясь сдвинуть их с места – но, увы... Они не принадлежали ей больше. Такое бывает в кошмарных снах, когда ты спасаешься от преследования и тебе надо непременно убежать, но ноги словно ватные – они не слушаются более своего хозяина! Девочка обреченно развернулась на носках и медленным размеренным шагом побрела в сторону проклятого дома. Ее ноги сами несли взбунтовавшееся тело назад, туда, откуда вряд ли она когда-либо сможет уйти. Незадачливая беглянка была готова разрыдаться от страха – там ее ждала верная смерть.

Стоило несчастной только взойти на порог, как она увидела перед собой статного черно-волосого мужчину с пучком березовых веток в одной руке. Незнакомец с притворной ласковостью улыбнулся и гостеприимно указал мятежнице на дубовый стул. Девочка в страхе попятилась. Ей было не убежать от мучительницы. Проклятая могла все на свете, и главным ее фокусом было перевоплощение. Вряд ли такие дары давались обычным людям. Но дары ли? Или скорее проклятия?

Мужчина вышел невероятно ладным, высоким, стройным как ива, но его выдавали неестественные, будто картонные, темно-желтые глаза. Они горели безумием, как и у хозяйки.

Красавец весело смотрел на испуганного ребенка, для пушкого устрашения помахивая в воздухе розгами. Девочка в первый раз видела мучительницу в образе мужчины – возможно, так она выглядела куда более привлекательной, но от этого не менее страшной. Бедняжка даже на секунду подумала о том, что ей нравится выбранный хозяйкой образ, но она тут же отогнала прочь подобные мысли. Никогда она не будет восхищаться своей кровопийцей! Цвет спелого помидора залил ее щеки, и она исподлобья уставилась на мучительницу.

– Я красен лицом, не так ли, милая? – довольно ухмыльнулся мужчина, словно книгу прочитав глаза своей подопечной. – Я только немного накажу тебя. Ведь ты оскорбила меня и пыталась убежать, – объяснила хозяйка низким мужским басом, – а потом сотворю с тобой что-нибудь эдакое.

Девочка ничего не могла сделать, она была в плену у этой странной женщины. Мужчина замахнулся розгой, и удар пришелся ей по спине – она терпеливо молчала, проявляя завидное упрямство. Еще один и еще. Она по-прежнему не произносила ни звука, до боли сжав тонкие губы. Кормилица могла повелевать всем ее телом, но не душой.

Внезапно сильный грохот, раздавшийся в противоположной части дома, спас девочку от предстоящей расправы. Бедняжке показалось даже, что земля под ней встряхнулась и готова вот-вот разверзнуть свои недра и принять ее в смертельные чертоги. От взрыва невиданной силы вылетело стекло – единственное в том прогнившем насквозь доме. Оно с ужасным треском приземлилось на пол, разделяя служанку и ее хозяйку, которая от страха стала белее чистого снега.

– Что это? – хрипло прошептал мужчина, затравленно озираясь по сторонам. И все-таки он был бесподобен, этот последний образ хозяйки. Настороженный и испуганный, будто дикий зверь, заметивший охотников, мужчина выглядел великолепно – у него было красивое, немного поэтичное лицо с точеными скулами, большие глаза и изящные губы аристократа, который слишком любит себя. Его длинные ресницы еще дрожали от возбуждения, вызванного предстоящей расправой над своей жертвой, а в глазах плясали безумные огоньки.

– Именем Вингардио, приказываем всем выйти из дома! – раздался чей-то громкий повелительный голос.

Девочка встрепенулась. Это был ее шанс. Что следовало ей предпринять? Часто мы этого не осознаем, но нам постоянно приходится делать выбор. Между добром и злом. Она свой выбор сделала быстро, не колеблясь ни секунды.

Воспользовавшись замешательством хозяйки, бунтарка схватила осколок стекла, который валялся на полу и, нисколько не сомневаясь, с дикой яростью воткнула его ненавистной кормилице в спину. Мужчина охнул от неожиданности и боли, и некрасиво, как мешок опилок, осел на дощатый пол. Его желтые глаза в немом удивлении уставились на служанку, а картинно поднятые вверх аккуратные черные брови только удваивали это чувство неприятия ситуации – мужчина не верил в то, что умирает. Наконец, его фигура сжалась и сморщилась, словно огромный фиолетовый гриб; теперь на полу лежала уродливая старая женщина. Эта особа с длинными сухими волосами и морщинистым, как сушеное яблоко, лицом лежала сейчас в маленькой луже собственной крови с удивленным выражением остекленевших глаз.

Теперь, когда жизнь больше не отплясывала в них свой безумный танец, она казалась совершенно обыкновенной старухой – страшной и гнилой. И даже крови у нее было немного – лишь небольшая лужица. Именно такие мысли пронеслись в голове юной убийцы. Все это произошло за считанные секунды. Потом она почувствовала необычайный прилив сил – какая-то необъяснимая энергия входила в ее тело и распирала изнутри. За каждый выбор, сделанный в жизни, нужно отвечать. Девочка поняла, что в ее сердце словно появилась вторая сущность, с которой теперь ей придется считаться – настолько могущественной она ощущалась.

Глава 2 Или та, где мы так поспешно оставили Артура в полном одиночестве

Артур поднялся с восходом солнца. Он чувствовал себя полностью разбитым, словно не спал вовсе. За окном начинало светать, туман рассеялся, и погода в целом благоприятствовала путешествию. Полузнь непредсказуем: вчера мог идти град, а сегодня уже жара. Близился июнь.

Выходя из шале Морских львов, юноша в последний раз оглянулся. Столько радостных мгновений было пережито здесь, столько счастья. Теперь все произошедшее представлялось каким-то сказочным сном. Их детские расследования, волнения из-за единбола, домашние задания и веселые песни у камина. Быстро проходят беззаботные дни, но они мало чему учат. Только трудности закаляют сердце. Думая таким образом, Артур на секунду почувствовал себя древним стариком. Он даже улыбнулся такой мысли. И впрямь вышло забавное сравнение.

А потом начался лабиринт. Но после слов Ирионуса он уже совсем не казался страшным. Звуки диких зверей в нем не пугали и не отталкивали. Теперь Артур знал, что естествознатели все продумали таким образом, чтобы сюда не зашел чужак. Но своим опасаться было нечего. А он как раз таки, сам того не желая, являлся «своим».

В лесном лабиринте было мокро и грязно, но клипсянин удачно выбрал себе одежду и обувь. С его непромокаемого плаща темно-зеленого цвета стекала вся вода, заботливо защищая своего обладателя от влаги, а высокие ботинки Всадников были удобным решением для того, кто вздумал побродить по полузньскому лесу. В такой экипировке юноша мог бы даже пойти на болота; впрочем, путешественник не сомневался, что они ему повстречаются и без его воли.

В какой-то момент Артур вошел в прекрасный сад, который они случайно обнаружили с Тинном. Тут по-прежнему распускались цветы, а на высоких пышных деревьях сверкали яркие, сочившиеся сладким соком плоды. Путник не отказал себе в удовольствии остановиться здесь на некоторое время и отведать эти дары природы. Румяные яблочки и наливные сливы, брызгавшие соком при малейшем прикосновении, серебристо-синий виноград, будто сверкающий бисер, и сладкая жимолость – все это помогло Артуру пополнить запас сил и немного подняло настроение. Его дальнейший путь был настолько туманен и расплывчат, что было глупо лишать себя возможности поесть плодов в волшебном саду естествознателей. Безмятежность и умиротворение царили в этом месте, и клипсянину было действительно сложно заставить себя выйти из сада. Сила естествознателей немного обманывала и его тоже.

Но все же путник продолжил идти дальше, и казалось, нет конца и края бесчисленным поворотам древесного лабиринта. Вот уже несколько часов кряду он шел вперед без всякого понимания того, в какую сторону продвигается. Солнца не было видно, и высокие деревья, заслоняющие собой небо, создавали поистине гнетущую атмосферу.

«Скорей бы выйти отсюда...» – подумалось мальчику. Ноги его начинали немного уставать, но он не хотел останавливаться. Его целью было прийти в деревню до заката солнца.

Один раз страннику все-таки пришлось ненадолго сделать привал. Во-первых, следовало забраться на дерево, чтобы посмотреть, в правильном ли направлении он движется. Ну а во-вторых, нужно было немного подкрепиться. «Тин бы уже давно потребовал тренировочный обед...» – подумалось Артуру, когда он разворачивал свои скромные пожитки. День пролетал незаметно, но, к счастью, около полудня, мальчик смог выйти из лесного лабиринта.

Перед глазами отважного клипсянина предстал колоритный сельский пейзаж. Теперь на многие единомили вперед простирались бескрайние поля. Одни выглядели запущенными, другие же, напротив, вполне ухоженными. Аккуратные стога сена, золотистая пшеница, запахи свежей земли, навоза и ржаного хлеба и, конечно же, много, очень много слепней. Солнце

светило довольно сильно, что нехарактерно для полужня; его знойные лучи и эти противные насекомые немало донимали Артура. Казалось, тут давно наступил июнь.

«Может, тоже дело рук естествознателей...» – подумал про себя клипсянин, в удивлении озираясь вокруг. Людей юный путешественник совсем не встречал. Изредка ему попадались тощие, полуживые козы, с несчастным видом пощипывавшие траву и одновременно отмахивавшиеся от слепней. Некоторые из них живо напомнили юноше старика Тритона, дряхлого капризного единорога с неимоверно длинной бородой. Здешние козы тоже были с бородами.

В какой-то момент путник вышел на проселочную дорогу – совершенно разбитую, но все-таки дорогу, которая, как надеялся мальчик, могла вывести его напрямик в деревню. В отдельных местах на мостовой виднелись следы конных повозок, что немного утешало Артура. Возможно, ему удастся нанять в деревне экипаж. Все-таки на лошадях он бы добрался до Беру куда быстрее.

И все же... Сколько нужно было идти? Неделю? Месяц? Артур плохо себе это представлял. Рассчитывать на то, что существовала прямая дорога от деревни до столицы, было наивно. А плутать по лесу можно бесконечно. Артур возлагал большие надежды на то, что в деревне он сможет отыскать проводника и лошадей. Однако, глядя на измученных коз, он все больше сомневался в успехе своего предприятия.

Еще долгое время до смерти уставший юноша брел по разбитой дороге, покуда, наконец, вдали не замаячила темная неприступная стена, которой не было конца и края. И отнюдь не человек был виновен в ее появлении, а сама природа постаралась возвести подобную неприступную громадину. Это был тот самый таинственный лес, о котором ему рассказывал Тин. Место многообещающее и манящее, но сейчас Артур мечтал поскорее пройти его, не задерживаясь. Как бы ни был интересен путь, клипсянину хотелось убедиться, что с его друзьями все в порядке.

Он остановился на секунду передохнуть, в волнении созерцая это чудо природы. Тут было чему изумляться. Хоть Клипс, родной город Артура, и стоял у леса, но такого великолепия мальчику наблюдать еще не приходилось. Здешние деревья, казалось, были даже совсем не такого цвета, какого им полагается быть. Не зеленые, но какие-то синеватые, разлапистые, чудаковатые, как в сказке. А еще очень много сосен, можжевельников и елей. Бирюзовая листва с красным налетом от заходящего солнца трепетала под полужньским ветерком и словно бы даже издавала легкую волшебную трель, как серебряные колокольчики. И хоть Артур был еще далеко от леса, он уже различал эти манящие звуки, видел могучие стволы, с которыми могло бы сравниться разве что только беруанское древо по величию и красоте.

У подножия леса уютно примостилась маленькая бедная деревушка. Она словно бы тихонько прикорнула на ступне у своего господина – безмолвная, полуживая, где не было видно ни людей, ни скота, кроме тех коз, с которыми Артуру уже довелось повстречаться.

Созерцая все это, мальчик даже как-то и не заметил, как перед ним на дороге возник темный силуэт.

«Наконец-то человек...» – подумалось Артуру. Он ускорил шаг. Ему не хотелось спать на улице, и он надеялся до заката солнца успеть прийти на постоялый двор или же, на худой конец, остановиться переночевать у каких-нибудь добрых людей. Юноша шел довольно быстро и вскоре он поравнялся с одиноким мужчиной, неподвижно стоявшим на дороге.

Вначале путник думал было порасспрашивать незнакомца про деревню и постоялый двор. Также ему пришло в голову спросить, не видел ли тот единорогов в небе. Все-таки если школьники покинули Троссард-Холл на единорогах, этот факт вряд ли мог остаться незамеченным для жителей деревни. Однако, к его большому разочарованию, человек оказался слепым – его глаза были перетянуты черной тряпкой. Незнакомец смотрелся ужасно неприглядно: в потрепанной рубахе и фетровой шляпе, с огромным горбом на спине, который будто бы придавливал его к земле. Лицо у него поросло рыжими жёсткими волосами, напоминавшими

мочалку, а руки, казалось, были одна короче другой. Перед слепым на земле одиноко валялся маленький полотняный мешочек, наполненный медными монетками.

– Подайте на хлеб, подайте, добрый человек! – с акцентом заголосил он, когда услышал шаги Артура. Тому стало жалко нищего, и он расстался с одной из своих монеток. Венгерик со звоном упал на другие монетки в мешочке, и бродяга жадно потянул носом воздух, словно деньги могли издавать какой-либо запах.

– Не подскажите, по этой дороге я дойду до центра города? – вежливо поинтересовался у нищего Артур.

– Города! – язвительно фыркнул нищий, смачно сплюнув на дорогу. – Если нашу захудалую деревню уже величают городом, то меня, наверное, можно считать самым королем! – с этими словами мужчина грубо расхохотался, видимо, весьма довольный шуткой. Впрочем, он резко оборвал свой неприятный смех и уставился на путника, словно действительно мог его видеть сквозь повязку на глазах.

– Какой молодой голос! Ты, паренек, похоже, не из местных? – подозрительно спросил нищий, зачем-то вытянув вперед клюку, на которую ранее он наваливался всем своим весом.

– Если бы я был местным, то вряд ли спрашивал у вас дорогу, – с иронией заметил Артур, сделав шаг назад. Незнакомец ему явно не понравился.

– Хм... Справедливо, – согласился с ним нищий и махнул клюкой в ту сторону, откуда только что пришел Артур. – Я знаю, что в той стороне школярей¹ учат... Ты, наверное, тот самый школяр и есть, не так ли?

Артур хотел, конечно, поспрашивать у местных жителей про единорогов и пропавших школьников, однако этот проходимец совсем не вызывал в нем доверия. Юноше показалось, что от незнакомца исходит какая-то смутная, не вполне понятная опасность. Поэтому он снова тихонько отступил, уже намереваясь улизнуть.

– Стоять! – неожиданно громким голосом закричал бродяга и угрожающе стукнул своей палкой почти в том месте, где стоял Артур. – Тебя в твоей школе разве не учили вежливости?

Юноша от неожиданности оступился и чуть не растянулся на дороге прямо перед нищим.

– Подайте на хлеб... – опять жалостливо затынул тот и поводит вокруг себя клюкой. Неожиданно у Артура создалось подозрение, что оборванец вовсе и не собирался его так просто отпустить.

– Больше дать не могу, – быстро сказал он и обошел бродягу. Однако тот чрезвычайно резво двинулся вслед за ним, несмотря на свои увечья.

– Я проведу тебя до деревни.

– Я сам, – сухо произнес Артур и ускорил шаг, намереваясь в случае чего перейти на бег, но приставучий незнакомец ринулся вслед. Он был высок и шагал размашисто; один его шаг равнялся трем шажкам Артура. От него неприятно пахло навозом и потом. Все его лицо закрывала шляпа, и понять, какой он наружности, было очень сложно.

– Я покажу. Мало ли что. Здешний народец не любит чужаков. Тем более этих школярей.

– Чего вам от меня надо? – наконец грубо спросил Артур, впрочем, с некоторым беспокойством. Слабость во всем теле подсказывала ему, что он не скоро теперь сможет применить свои навыки естествознателя.

– У тебя в кошеле, – кивнул бродяга на суму Артура, – венгерики еще есть?

– Вы, похоже, не слепой? – с подозрением осведомился юноша, на что бродяга помотал головой – жест, который мог означать все что угодно. Потом он натянул рукава на свои странные руки и сделал резкий угрожающий выпад в сторону Артура. Это был сигнал для последнего – он кинулся бежать, с ужасом чувствуя за спиной тяжелое дыхание своего преследователя. Тот уже снял повязку, не посчитав нужным более притворяться. Его горб тоже каким-

---

¹ школьник

то образом исчез, и нищий слепец оказался вполне проворным малым, который бежал куда быстрее Артура.

Юноша очень быстро устал, после дальней дороги долго бежать было тяжело. Поняв, что ему не скрыться от бродяги, он резко остановился и развернулся в сторону своего преследователя. Бродяга едва успел затормозить и чуть не сбил его с ног. Видно было, что такое поведение мальчишки его немало удивило и даже повергло в какой-то ступор.

– Подойдете ко мне – сломаю руку, – бесстрашно проговорил Артур нищему, глядя ему прямо в глаза. И неожиданно этот прием подействовал – тот добродушно улыбнулся всеми своими белыми и ровными зубами.

– Да брось. Я ж не всерьез. Просто хотел помочь, проводить тебя до деревни... Я вообще-то проводник, встречаю купцов из Беру... Сейчас вот занесла меня нелегкая, тут околачиваюсь.

– Вы были в Беру? – живо поинтересовался Артур у своего необычного собеседника. – Можно ли туда пройти через лес?

– А ты хитрый малый. Недаром, что школяр, – заметил нищий. Затем он снял шляпу: у него были рыжие, немного вьющиеся волосы, что было, видимо, предметом его особой гордости. От него нестерпимо воняло, и Артур, будучи не в силах превозмочь этот ужасающий аромат, отошел на почтительное расстояние. Клипсянин уже не боялся обманщика, страх его развеялся как дым.

Внезапно их беседе помешали двое. Они явно были из деревни; небрежно расстегнутые рубахи и простоватые лица выдавали в незнакомцах деревенских работяг. Однако на поясах их висели длинные палки, что отличало их от других рядовых обитателей деревни.

– Опять эти кровососы! – громко воскликнул бродяга, театрально заломив свои несуразные руки. Юноша понял, что эти люди были, вероятно, жандармами – то есть теми, кто следит за порядком в деревне. В Клипсе тоже были такие, они охраняли покой граждан, но на самом деле оказывались обычными пьяницами, которые были охочи до золота и бутылки эля.

Двое незнакомцев изучающе поглядели на Артура и бродягу, видимо, взвешивая в уме, сколько можно с них содрать. Один из них, который был одет в темно-зеленые безразмерные рейтузы на подвязках и простецкую рубаху, указав длинным тощим пальцем на одежду бродяги, противно осведомился:

– И много денег ты уже украл у честных жителей? – этот вопрос он задал, подойдя к нищему вплотную и практически столкнув его своим животом на обочину. Под «честным жителем» он, вероятно, предполагал Артура.

– Не более чем вы, дармоеды, – грубо молвил нищий, угрожающе сжимая в руке клюку.

– Что он сказал! – возмутился другой жандарм, сердито натягивая свои рейтузы чуть ли не до ушей. – Как твое имя, пес?

Нищий насупился и не сказал ни слова. Он и так понял, что дела его прескверны.

– Подожди, это же Алан Воришка, – заметил один из жандармов. – Ходит, промышляет тут... Единственный, наверное, сумасшедший в наших краях, кто рискнул бы добратся до Беру и обратно...

– Так он специально и ходит туда-сюда, чтоб побольше денег содрать с купцов... У-у, нечисть! – сказал другой, презрительно сплюнув на дорогу.

Жандарм полностью согласился со своим приятелем и довольно грубо схватил несчастного бродягу за локоть:

– Итак, говори, сколько ты содрал с этого достопочтенного путника? А не скажешь, так мы тебя отправим куда следует...

Человек, которого называли Аланом, молча глядел себе под ноги. Его совершенно здоровые глаза моргали, словно он сейчас расплачется. Артур незамедлительно вмешался в этот разговор:

– Подождите... Он не крал у меня денег... Вообще-то он просто провожал меня до деревни... Мало ли кто может встретиться на пути. Эта дорога кишит разбойниками и плутами.

Стражники озабоченно переглянулись: их полные лица выражали недоумение.

– Но разве он не вымогал у тебя деньги?

– Нет, конечно, я о чем вам и толкую! – на их манер стал говорить Артур. Стражники уныло переглянулись. Они ужасно огорчились тем, что затея отобрать у нищего самозванца кошель с монетами разбилась в пух и прах.

– Опять никаких улик... Ну погоди, Алан, мы тебя из-под земли достанем! – они мрачно подтянули свои вечно спадающие штаны, поправили подтяжки и побрели дальше по дороге, думая, с кого бы взять пошину за нарушения, да побольше.

Бродяга только насмешливо хмыкнул.

– Спасибо, – за него сказал себе Артур, и тот весело рассмеялся. – Да, парень, ты даешь... Тебя бы в мои ряды, мы бы с тобой таких дел наворотили!

– Я не ворую у людей, – отрезал Артур и пошел в сторону деревни.

– Но зачем тогда... Зачем ты помог мне? Я ведь мог бы и отнять у тебя все деньги, я даже подумывал об этом... Пару раз, – он задумался и добавил, мерзко хихикнув: – Нет, всего один, честное слово...

Артур молча удалялся, не считая нужным что-либо объяснять.

Прохвост пошел следом за ним, изредка бросая в его сторону любопытные взгляды.

– Слушай, парень, а почему ты спрашивал у меня про Беру?

Артур пожал плечами и ответил:

– Мне нужно в столицу. Но я не знаю дороги.

Бродяга задумался.

– Я могу быть тебе полезным. Я как раз туда направляюсь.

Клипсянин с сомнением посмотрел на нищего и покачал головой. Мальчику не хотелось, чтобы его сопровождала эта неблагонадежная личность, неизвестно чем промышляющая на здешних дорогах.

– Спасибо, я сам справлюсь, – твердо ответил он.

Бродяга грубо расхохотался, и от этого неприятного шакальевого смеха у Артура поползли мурашки по спине.

– Нет, прости, приятель, но нет. Не справишься. Ты не протянешь и дня, как тебя сожрут дикие звери. Со мной ты и твой кошель в полной безопасности. Кстати, можешь мне немного заплатить за услуги проводника. Поверь, других ты не сыщешь в деревне. Там люди боятся из дома выходить, а ты говоришь – в столицу!

– Нет, – сухо ответил Артур. Он не любил, когда ему что-то навязывали, тем более что ему показалась странной прилипчивость бродяги. Зачем ему вдруг так захотелось быть проводником? Ради пары монеток? Юноша не желал, чтобы ночью его ненароком прирезали, поэтому перешел на быстрый шаг, надеясь, что бродяга отвяжется. Действительно, пройдя какое-то время, Артур обернулся и увидел, что нищий стоит позади и пристально смотрит ему вслед.

Клипсянин передернул плечами. Неужели во всей деревне не сыщется ни одного проводника и хоть какой-нибудь захудалой лошади, не говоря уже о единорогах, что было бы совсем хорошим разрешением его проблемы.

Впрочем, подходя к поселению, мальчик начинал все более сомневаться в правильности своих действий. Не зря же жандармы упоминали, что только Алан-воришка ходит в Беру. Мальчик шел еще около часа и, наконец, совершенно обессиленный, приблизился вплотную к деревне. На дороге перед ним возник деревянный колышек с прибитой к нему дощечкой, которая извещала о том, что Артур наконец-таки прибыл в первый пункт своего долгого пути. Поселение называлось весьма незатейливо: «Та-что-примыкает-к-лесу». Быть может, несколько

длинно, зато без особых мудрствований. Удивительным был тот факт, что вокруг не было никаких стен, рва с водой либо же обычной оградки, на худой конец. Казалось, здешний народ, живший у опасной лесной чащи, не ведал страха, в отличие от клипсян.

Однако, чуть углубившись в Ту-что-примыкает-к-лесу, Артур понял, в чем дело. Местные жители были настолько бедны, тощи и несчастны, что, глядя на их бледные, осунувшиеся лица сложно было даже представить, как они справляются с переносом собственного тела, не говоря уже о каких-либо других заботах. Основной проблемой в этом крае было прокормить себя и свою семью во время смраднтя, все остальное отступало на второй план.

Деревня начиналась пустынными, заросшими огородами и покосившимися дряхлыми домами, без малейших признаков жизни. Дорога тут была одна-единственная, выложенная крупным камнем. Сейчас она уже изрядно подпортилась и нуждалась в основательной починке.

Артур сильно проголодался, и ему требовался отдых после длительного пути, однако, глядя на серые дома, он плохо представлял себе, где ему могли бы оказать данные услуги. Людей было крайне мало, в основном это были пастухи. То тут, то там из земли вырастали дома, но они были такие обветшалые, что казалось, скоро рассыплются в труху. У некоторых отсутствовала крыша, у других были выбиты стекла и они, как трупы, лишённые глазниц, возвышались над дорогой, угрожающе нависая над проходившими путниками. Лачуги словно бы лишний раз напоминали людям о бренности жизни и о том, что скоро придет и их черед.

Появление Артура никого не удивляло, хоть мальчик и был уверен в том, что путешественников в Той-что-примыкает-к-лесу не так уж и много.

Пройдя заброшенную часть деревни, Артур наконец вышел в более-менее зажиточный квартал. Тут находилось почтовое отделение – здание, впрочем, также с полуобвалившейся крышей, окруженное несколькими благовидными домиками, окрашенными в яркие краски.

Это был самый центр деревушки. Мальчик смотрел по сторонам, надеясь отыскать какую-нибудь лавку с продуктами, но тут его внимание привлек симпатичный пузатый, похожий на чайник, дом с соломенной крышей и канареечно-желтыми стенами. Это вполне миловидное строение выглядело крайне нелепо среди однообразных полуразрушенных домов. Казалось, этому щеголю стыдно от столь невозможной нищеты, и он своим несуразным видом пытается доказать, что вполне себе дотягивает до роскошного особняка. «Лавка нужных вещей. Походные котелки» – гордо гласила вывеска на домике, такая же несуразная, как и он сам.

«Неужели котелки – настолько нужная вещь?» – подумал про себя Артур. Скорее кусок мяса был бы нужнее, учитывая бедноту вокруг. Но домик притягивал его к себе, тем более что ему нужно было спросить о проводнике и, возможно, купить что-нибудь в дорогу.

Артур решительно зашел внутрь, при этом согнувшись в три погибели, так как дверной проем был чрезвычайно низким, будто задумывался для карликов, а не для обычных людей.

Внутри было невероятно тесно. Мальчику пришлось стоять, спиной упираясь в дверь, чтобы ненароком не задеть какую-нибудь вещицу, а тут их было великое множество, причем в нужности каждой из них вполне можно было усомниться. Например, зачем кому-то старая, согнутая кочерга или же разбитый фарфоровый стакан, неспособный удерживать в себе воду? Или полусгнивший ковер и рукомоийник без затвора для воды? А единственный валенок, к тому же с дыркой на пятке, мог использоваться разве что для украшения интерьера, но никак не по прямому назначению.

Во всех этих вещах, что Артур имел счастье созерцать, был какой-нибудь изъян. В одних предметах недочеты сразу бросались в глаза, в других же, напротив, надо было хорошенько присмотреться, чтобы понять, что они негодны. Посреди всего этого сонма всевозможного хлама Артур как-то не сразу распознал голову продавца. Увидев ее, юноша вздрогнул от неожиданности.

Голова тоже была довольно нелепая, и, если приглядеться, то и в ней можно было отыскать определенные изъяны. Она принадлежала мужчине, что само по себе, конечно, не является недостатком. При этом голова была лысая, гладенькая, даже немного маслянистая с аккуратными, но совершенно некрасивыми шишечками. На лице у этого субъекта росла черная порось, которую он сбрил почему-то частично, оставив на подбородке и на щеках неопрятные островки черных жестких волос. Серые маленькие глазки в упор глядели на Артура.

– Э-э... Здравствуйте, – неловко сказал мальчик. Голова степенно кивнула, даже не думая отвечать.

– Я пришел издалека... Есть ли где-то поблизости постоянный двор? Помимо этого, я хотел бы нанять проводника...

Хозяин лавки немного помолчал, установив в этом и без того некомфортном тесном помещении еще более напряженную атмосферу; затем он вдруг чихнул и, наконец, вымолвил:

– Издалека? Откуда ж, извольте спросить.

– Из Троссард-Холла, – сказал Артур, не считая нужным скрывать этот факт.

– Понятно, – был ответ. И снова мало чего обещающая тишина. Артур уже начал неуклюже разворачиваться, чтобы выйти из тесной захлавленной комнатухи, как вдруг куча мусора всколыхнулась, и из-под нее вылез невероятно полный человечек такого низенького роста, что, сделай толстяк хоть еще один шаг вперед, он бы уперся носом Артуру в пупок.

– В нашем городе есть только один проводник, – сказал хозяин лавки. Он так важно произнес слово «город», словно местная захудалая деревенька и правда была чем-то более значительным, нежели просто Та-что-примыкает-к-лесу.

– И кто это? – вежливо спросил Артур.

– Один чудака ходит туда-сюда. Правда, я думаю, единственное место, куда он обычно провожает клиентов, это на тот свет, – продавец осклабился и захохотал, невероятно восхищаясь своим чувством юмора.

– Вот как? – с кислой улыбкой выдавил из себя Артур. Эта перспектива его отнюдь не радовала.

– Но он единственный, понимаешь? Уникальный и неповторимый. Так что ты вполне можешь пройтись до Базарной улицы и остановиться в Собачьем тупичке. Там ты увидишь небольшой особнячок под номером 12, где и проживает вышеуказанный мною господин. Скажешь ему, что тебя направил старина Трюкко и он, пожалуй, не будет обманывать тебя.

– Понятно. Спасибо. А где можно арендовать повозку?

– С каретой, походными подушками, провизией и кучером? – деловито поинтересовался продавец.

– Да, это было бы отлично.

– В Беру.

– Так мне ведь как раз туда и надо, – с удивлением возразил Артур.

– Ну вот там ты и сможешь все это арендовать и вернуться опять сюда, – загоготал господин Трюкко, и юноша поспешил выйти из лавки нужных вещей. Он и так уже понял, что не видать ему лошади, даже самой захудалой и бородатой, как старик Тритон.

Уже стемнело. Дороги изредка освещались тусклыми фонарями, но эта роскошь присутствовала лишь на главной улице. Несмотря на вечер, стояла теплая почти оюньская погода.

«Странно это все», – промелькнуло в голове у Артура. Проходя по улице, он увидел еще одного нищего, просившего милостыню. Это был дедушка, весьма опрятный и чистый, невзирая на потертые одежды. Он с неудобством смотрел себе на руки, словно стыдясь своего занятия.

Жалостливый юноша кинул ему венгерик, отчего старик поднял глаза и благодарно улыбнулся.

– Доброго пути тебе, странник.

– Вы не знаете, где находится Собачий тупик? – спросил у него Артур. Мальчик понимал, что в темноте и без точного знания дороги он вряд ли с успехом осуществит свое предприятие по поиску проводника.

– Конечно, знаю. Улица, по которой ты идешь, упирается как раз в этот тупик. Там грязновато, но в целом можно переночевать.

– Я вообще-то не думал ночевать на улице... – с улыбкой сказал Артур. – Полузньская погода очень непредсказуема...

Старик удивленно воззрился на мальчика.

– Так на дворе ж давно оюнь.

Артур почувствовал, как у него сильнее забилося сердце.

– Оюнь? Как так? А когда же закончился полузнь?

– Да уж недели три-четыре миновало, – отвечал старичок, продолжая тарашиться на собеседника. Он явно недоумевал, как можно было пропустить начало оюня.

Артур медленно пошел вперед, прокручивая в голове то, что ему довелось узнать от нищего. Значит, уже наступил оюнь... Но почему вблизи Троссард-Холла была такая плохая погода? Вероятно, в лощине установился свой микроклимат... Получается, что его не было чуть дольше, чем он надеялся... И в пещере время все-таки идет по своим правилам. Артур стиснул зубы, стараясь не думать об отце. Найдет ли он его еще когда-либо? Возможна ли хоть сколько-нибудь их встреча? В эту секунду мальчику страстно захотелось вновь оказаться в пещере. Но он уже не мог переместиться обратно. Даже несмотря на очень большое желание. Артур почувствовал, как его глаза наполнились слезами. Он так мало времени провел со своим отцом...

Впрочем, юноша понимал, что сколько бы времени он с ним ни находился, ему все равно было бы мало. Ничто не может заменить нам близких людей. Когда они с нами, мы привыкаем к этому и считаем их в некотором роде своей собственностью, но только когда теряем – да, именно в этот самый момент мы понимаем, насколько, до какой степени эти люди были важны и значимы. И вроде истина эта не нова и понятна, но в полной мере ее осознать можно только тогда, когда уходит твой друг, родитель, возлюбленный. Все сразу меняется; то, что было важным ранее, становится совершенно бессмысленным и даже ничтожным. Серьезные вещи, наконец, выходят на первый план, и ты понимаешь, что любовь к другому важнее, чем к самому себе. И мир переворачивается с ног на голову, и из него, как из холщового мешка, высыпаются все ложные ценности, которыми этот мешок был забит до отказа, и только на дне его остаются настоящие сокровища: любовь, доброта, взаимопомощь, верность... Артуру больше всего на свете хотелось сейчас оказаться рядом с отцом, матерью, со своими дорогими друзьями. Но они все были далеко, в разных частях его расколотого мира, и юноше надо было скорее собрать эти части воедино, чтобы не страдать так сильно, как в эту минуту.

Артур шел по темной улице, практически не глядя по сторонам. В какой-то момент различить что-либо стало совсем сложно, и путник остановился в нерешительности. Прямо перед его носом на доме висела медная вывеска с надписью «Собачий тупик», 12.

Глава 3 Или Дом проводника

Особнячок, о котором говорил господин Трюкко из лавки нужных вещей, оказался вовсе не особнячком, а покосившимся доходягой, вполне обделенным жизнью, как, впрочем, и все здания в Собачьем тупичке. Своим передним фасадом он немного выдавался вперед и, возможно, лет через десять ему грозила участь завалить своими ничтожными обломками единственную, более-менее сносную улицу в здешней деревеньке. Перед особнячком раскинулся незатейливый, но очень аккуратный садик с чудесными гортензиями и рододендронами, которые как раз цвели в оюне. Пожалуй, благодаря этому саду, дом и вправду можно было с натяжкой назвать особнячком, так как другие здания, находившиеся в округе, этим достоинством не располагали.

Дом снаружи освещался факелами и при их мерцающем, загадочном свечении, он, казалось, принадлежал диковинным существам, но никак уж не людям. Некоторые окна в особнячке были заколочены досками крест-накрест, а крыльцу, что вело к двери, явно недоставало нескольких ступенек, которые от времени прогнили и провалились под землю. Артур смело прошел в сад, не огороженный забором, и с надеждой постучал в шаткую дверь. Он понимал, что доставит хозяевам немало хлопот своим поздним появлением, но у него не было выбора, ибо каждая минута была на счету.

Довольно продолжительное молчание было мальчику ответом. Затем послышались шаркающие шаги и старческое кряхтение. Потом дверь медленно отворилась. На пороге стояла женщина смрадной шестидесяти. Вполне опрятная, с седыми волосами, скромно убранными под чепчик, и благообразным лицом, она воплощала в себе образ милой фермерши, которая всегда даст хлеб проголодавшемуся путнику и напоит парным молоком ребятишек. Так, по крайней мере виделось Артуру. Но когда бабушка заговорила, стало очевидным, что вместо хлеба и молока мальчик мог бы здесь получить лишь отменный нагоняй веником или, что еще хуже, кочергой.

– Опять, побирушки, шляетесь, на ночь глядя! У-у, я сейчас позову Стеллу, он возьмет посох и вышибет мозги из твоей нищей башки! – злобно закричала она, увидев Артура.

– Нет, извините, вы не так поняли. Я вовсе не попрошайка, – смущенно начал возражать клипсянин.

– А кто ж может еще припереться в такое позднее время? Уж не воришка ли ты?

– Нет, понимаете, я ищу проводника, и мне сказали, что он живет в этом доме. У меня есть деньги, я заплачу... – Артуру стоило невероятных усилий, чтобы его голос не звучал жалобно, но у него это плохо получалось. Свирепая хозяйка смутила его. Однако стоило полному путешественнику упомянуть про деньги, как суровая дама вмиг подобрела, морщины на ее лице разгладились, и она вновь стала походить на добропорядочную фермершу. Видно, подобная метаморфоза происходила с ней не раз, и она уже вполне привыкла к такому быстрому переходу от враждебно настроенной фурии до гостеприимной хозяйки.

– Что же ты молчал, сынок? Ежели так, значит, дело это правое. Проводник, конечно... Заходи! – широким жестом барыни она пригласила путника в свою халупу. Затем она дала ему свечу, чтобы он смог осветить себе дорогу.

Внутреннее убранство напомнило Артуру их домик с Леврудой, и он почувствовал, как от грусти у него сжалось сердце.

– Что встал, пойдем на кухню, – уже вполне доброжелательно проворчала старуха, чуть подталкивая вперед своего нежданного гостя.

Кухня, она же столовая, освещалась довольно неплохо. Повсюду горели лампадки и еще какие-то приспособления, о существовании которых Артур ранее не имел ни малейшего представления. Все-таки этот дом действительно был особнячком по сравнению с другими. Посреди

зала стоял огромный, грубо отесанный деревянный стол из дуба человек на десять. Однако эта грубость нивелировалась белой вязаной салфеточкой, на которой примостилась ваза с сушеной лавандой, придававшей столу немного кокетливый вид. Все выглядело опрятно, никакой грязи и пыли, кухня была просторной и вполне уютной, вплоть до кружевных занавесок, прикрывающих заколоченные окна. Свежий, вкусно пахнущий хлеб и висевшие над кухонными принадлежностями сушеные пряные травы, связанные в пучок, довершали картину явно в пользу особняка.

– Голодный? – деловито поинтересовалась хозяйка, проницательно осмотрев Артура. Она словно бы определяла, сколько с него можно содрать венгериков.

– Я бы не отказался поесть, если вас не затруднит, – скромно ответил мальчик.

– Затруднит, не затруднит, это уже не важно, – заметила старуха и начала суетиться. Через пару минут перед Артуром появилась чашка молока, а на чугунной сковороде приятно зашипели блины. Мальчик с нетерпением косился на яства, желая как можно скорее к ним приступить.

«Тин бы уже наверняка умер с голоду...» – подумалось путешественнику.

В этот момент к ним на кухню забежал какой-то мальчик, приблизительно возраста Артура.

– Ого! – воскликнул он, в упор уставившись на гостя. В течение целой минуты оборванец внимательно и даже с каким-то странным интересом осматривал лицо Артура, отчего тому вмиг стало неловко.

– Что за фрукт? – пискляво спросил мальчишка у хозяйки.

– Гость наш. Имени не знаю. Как вас величать-то?

– Артур. Мне нужен проводник до Беру, – объяснил юноша.

– Ого! – снова присвистнул паренек и уселся на лавку рядом с Артуром.

Вновь прибывший выглядел совершеннейшим оборванцем и замарашкой и даже как-то не вписывался в окружающую обстановку. У него были босые ноги с неухоженными ногтями, рваные холщовые штаны с дырами на коленках и какая-то невообразимо грязная майка, которая, вероятно, когда-то давно имела белый цвет. Волосы у мальчонки были русые, короткие, челка постоянно спадала ему на глаза, и он привычным движением головы откидывал ее назад. Он был маленького роста с умными карими глазами и необычайно подвижными руками, которые ни на секунду не могли замереть в одном положении.

– В Беру... Очень интересно. Столичная пташка? Богатей, что ли? – немного с укоризной спросил оборванец.

– Нет, почему же, – хмыкнул Артур. – Просто мне надо туда и все.

– А красавец-то какой, хоть куда! – мальчишка произнес эти слова с таким непроизвольным восхищением, что Артур, с опаской глянув на своего странного собеседника, даже немного отодвинулся в сторону, насколько позволяла лавка.

«Ну и повезло же мне...» – пронеслось у него в голове.

– Нет, правда, у нас тут таких и не бывает ребят. Глаза голубы-ые, как у кагилуанского принца... – странные реплики сыпались одна за другой, и Артуру захотелось встать и покинуть этот особнячок, невзирая даже на вкусные блинчики, которые уже горкой сформировались прямо перед его носом.

– Да ты не робей, ешь, – насмешливо хмыкнул мальчишка. – Я всегда так, рублю сплеча, говорю, что думаю. Но это и неплохо, ведь так?

Артур неопределенно пожал плечами и сконцентрировал свое внимание на блинчиках, стараясь не замечать пристального взгляда сумасшедшего мальчишки.

– У тебя царапина на щеке. Надо бы замазать, чтоб инфекция не попала...

Тут мальчик позволил себе совсем уж возмутительную вещь: пальцем он потянулся в сторону гостя, словно намереваясь потрогать ранку на его щеке.

– Чего тебе? – грубовато спросил Артур, отшатнувшись от беспардонного мальчика.

– Девушка есть? – внезапно поинтересовался оборванец, и юноша чуть не подавился блином.

– Что, прости? – переспросил он.

– Ну что ж тут непонятного, девушка, говорю, имеется?

– Ну, Тэнка, ну нахалка. Чтоб тебя! Что к гостю пристала, видишь, кушает человек, устал с дороги! – недовольно проворчала хозяйка, обращаясь к оборванцу.

Артур с непониманием перевел взгляд с хозяйки на мальчишку, и тут только до него дошло, что перед ним вовсе не мальчик. А девочка, очень похожая на мальчика. Короткая стрижка, неопрятность и мальчишеский наряд сделали ее практически особой мужского пола.

Тэнка понимающе ухмыльнулась, обнажив ровные белые зубы.

– Я вот совсем не красotka, увы... – проницательно заметила она, будто прочитав мысли Артура. Тот корректно решил промолчать, яростно уставившись на свои уже остывающие блины, словно пытаясь найти в них хоть какое-то ободрение.

– Ладно, парень. Не буду смущать тебя. Я пошла спать. Надеюсь увидеть тебя во сне, – весело сказала она и прыснула со смеху. Затем, подбежав к бабушке, чмокнула ее в щеку. – Спокойной ночи, бабушка Грейда. Покорми хорошенько этого птенчика, он ведь голодный как волк.

– У, разбойница, смотри у меня! – с любовью в глазах проворчала старуха, впрочем, улыбнувшись от удовольствия, когда внучка коснулась ее дряблой морщинистой щеки. Тэнка скривила рожицу, показала Артуру язык и была такова.

– Ты уж прости ее, стрекозу. Она у меня такая, говорит, что думает. Хорошая девчонка, да только, чувствую, жениха ей сложно будет сыскать. Вы ведь, господа, загадку любите, тайну...

Артур понимающе улыбнулся бабушке Грейде. Он вспомнил Диану, красивую и загадочную девушку, которая сразу же покорила его сердце.

– Завтра утром вся семья соберется завтракать. Будет тебе и проводник. Вы с ним обсудите все, но если бы я была на твоём месте, то никуда бы не пошла и вовсе.

– Почему? – спросил Артур. Мальчик был готов к возражениям и фразам, что идти через лес далеко и опасно. Но госпожа Грейда сказала по-другому:

– Зачем тебе в столицу-то? Шумно, народу много, не продохнуть. Все ветки заняты. Суета сует. А здесь утречком выйдешь коровку подоить, посмотришь, как белые струйки льются тебе прямым в ведро, небо голубое, тихо так, куры яички уж снесли, и хорошо на душе становится, радостно, аж сердце щемит, жизнь прекрасна, и смерть моя откладывается... Я-то ведь старая уже, восьмой десяток мне пошел, и от жизни вроде и ждать уж нечего. Но коровка меня всегда в стойле ждет, и солнышко всегда так хорошо светит, что я думаю, как мне повезло, еще денек понаслаждаться такой красотой. Вот внук мой неумный тоже все в столицу рвется, все связи там с кем-то налаживает, хочет гнездышко приобрести. Говорит, там – жизнь. Но я-то знаю, что жизнь там, где мы есть, а не там, где нас нет.

Артур с удивлением покосился на хозяйку. Выглядела она гораздо моложе своих лет. Видно, на самом деле поняла какой-то важный жизненный принцип, который помогал ей сохранять молодость и оптимизм.

– Я учился в Троссард-Холле. Это школа, недалеко от вашей деревни. Но дело в том, что... Занятия неожиданно прервались... – начал Артур, не зная, как описать в двух словах бабушке Грейде трагедию, случившуюся с его друзьями. Мальчику хотелось вывести бабулю на беседу: может, она что слышала или видела.

Госпожа Грейда кивнула.

– Да, школа, слышала. Странная школа... И директор там – чудачка. Но я мало что про нее знаю, мой внук гораздо больше подкован. Слышала я только, что ученики-то бегут оттуда. Вон еще учебный год не закончился, а единороги уже в Беру полетели.

– Единороги? Вы видели? – живо переспросил Артур. Его догадки подтверждались. Скорее всего, ребята вернулись в Беру. Но почему? Зачем? Неужели школу закрыли после того, что произошло с беднягой Антуаном Ричи...

– Я не видела, но соседка моя видела. Говорит, небо аж потемнело от единорогов этих... Вот, тоже странности. Детей к единорогам допускать. Это все равно что трехлетнего ребенка верхом на жеребца посадить.

– Нет, не все равно, – возразил Артур. Он сразу вспомнил о том, как единороги бережно относились к своим всадникам.

– Ну, тебе виднее, наверное, – с сомнением сказала бабушка Грейда и потихоньку стала убирать со стола. – Завтра вставать рано, если хочешь с проводником потолковать, я разбужу тебя. Твоя комната будет наверху, можешь переночевать у нас, ведь тебе негде остановиться?

Артур покачал головой.

– Хорошо, иди наверх и сразу налево. Там нет постели, но много сена, сможешь лечь прямо на него. Если будет холодно – затоплю печь.

Артур поблагодарил гостеприимную хозяйку и пошел в свою спальню. Ему надо было отдохнуть после тяжелого дня и набраться сил перед долгим путешествием.

Глава 4 Или в семье дружат – живут не тужат

Утро в деревне начинается рано. Так рано, что обычные беруанцы еще и заснуть не успевают к этому времени, а крестьяне уже на ногах. И дел у них много, и в руках все спорится, и лениться им некогда. В то время как отгулявший ночь городской житель до позднего утра отлеживает бока в кровати, погрузившийся в ленивую, сладостную дрему, в деревне уже бурлит жизнь: мычат коровы, кричат петухи, суетятся куры, поют птички, пастухи выходят на пастбища.

Бабушка Грейда сама разбудила Артура, как и обещала. И когда мальчик, сонный и разбитый, спустился, за столом уже собралось почти все семейство. Господин Стелла, по всей видимости, муж бабушки Грейды, выглядел весьма почтенным дедушкой, с аккуратно подстриженными седыми усиками и большими массивными руками, в которых он держал трубку с табаком. Глядя на эти ухоженные руки, с ровными розовыми ногтями, легко было догадаться, кто в доме выполняет всю грязную работу.

Старик, как и его жена, выглядел весьма моложаво со своими темными, чуть волнистыми волосами, зачесанными назад, и розовыми, гладкими, сродни младенцу, щеками, которых почти не коснулись морщины. По правую сторону от почтенного господина сидел парень лет двадцати – возможно, тот самый неумный внук, о котором рассказывала вчера бабушка Грейда. Тэнки не было. Но вот и она, степенно, как королева, вошла на кухню. Артур с удивлением посмотрел на взбалмошную девчонку. Видно было, что она этим утром приложила титанические усилия, чтобы хоть как-то привести свою внешность в порядок. Она вымыла голову мылом, тщательно почистила грязь под ногтями и сменила свои лохмотья на солидное льняное платье, простоватое, но, впрочем, довольно приличное. Казалось, она даже немного попыталась накраситься, но у нее это вышло неумело, и в целом она по-прежнему была похожа на пацаненку, зачем-то нацепившего на себя женскую одежду.

Взрослые с изумлением посмотрели на преображенную девочку. По всему было видно, что не часто им доводилось лицезреть ее в таком нарядном виде. Только парень бурно отреагировал на ее появление. Откинув большую голову назад, он громко загоготал, брызжа слюной.

– Ну, Тэнка! Госпожа Тэнка... Ты чего так вырядилась, а? Уж не перед этим ли петушком франтоватым?

Артур нахмурился. Он уже хотел сказать что-нибудь язвительное в ответ, но конфликт был быстро исчерпан и без его вмешательства. Дедушка Стелла резко встал из-за стола и, отложив в сторону трубку, взял нахала за ухо.

– Сегодня без завтрака! – только и сказал он, даже не повышая голоса, и юношу как ветром сдуло. Судя по всему, в этом доме слово пожилого мужчины ценилось дороже золота.

Клипсянин мельком глянул на Тэнку. Девочка присела на краешек скамьи, красная, как поспевший помидор. Артуру стало ее жаль.

Бабушка Грейда, довольная тем фактом, что ее внучка наконец-то выглядит как подобает приличной девушке, начала подавать завтрак. Зазвенели тарелки с плошками, и стол вмиг преобразился. Тут было и молоко, и свежие яички, и оладушки на кефире с пылу с жару, и свой, деревенский белый сыр, и мягкий, только из печи, хрустящий хлеб. Артур еще хранил в памяти кулинарные изыски Мидия Варелли, но такая простая еда ему тоже пришлось по вкусу. Семья ела молча, и гостя никто ни о чем не спрашивал, словно и он сейчас тоже был какой-то частью этой семьи, например, чьим-нибудь дальним родственником.

Потом началось чаепитие; люди погрузились в чарующий аромат свежесваренных трав: чабреца, полыни и одуванчика. Откуда-то, словно по волшебству, появились круглые бублики и мягкие мятные пряники с золотистой хрустящей корочкой. Все было удивительно свежим и вкусным. Дедушка Стелла ел медленно и степенно, как и подобает главе семейства. Один

маленький кусочек он мог пережевывать в течение нескольких минут. Бабушка Грейда, напротив, почти ничего не ела, а только смотрела, чтобы никто ни в чем не нуждался, и все тарелки не пустовали. Она в суете бегала от стола до печи и подкладывала горячих оладушек в миски, когда те в какой-то момент освобождались. В конце концов, ей, видно, порядком надоела эта беготня, и она тяжело уселась на лавку, вытерев красное потное лицо краем своего белоснежного фартука.

– Где ж младшенький-то? Проказник наш, – умильным голосом произнесла она, подбостранно глядя на мужа. Господин Стелла согласно кивнул и уже хотел было подняться и осуществить правосудие, как вдруг на лестнице показался еще один член семейства.

– Кажется, я опоздал, простите, дорогие мои. Люблю поспать, городская привычка, знаете ли, – весело проговорил парень.

Что-то в интонациях этого голоса показалось Артуру знакомым, и он внимательнее приоткрылся к его обладателю. Молодой человек был чуть постарше Артура, но ненамного. Ладный, высокий, с невероятно длинными руками и рыжей копной волнистых волос, он мог бы даже сойти за красавца. Однако неопрятная щетина на лице, немного нахальный вид, непропорционально длинные руки как будто чуть разного размера – все это несколько портило его в остальном безупречную внешность.

Парень беззаботно спустился по лестнице, по-видимому, нисколько не опасаясь праведного гнева господина Стеллы. Его пронизательные, умные глаза осмотрели каждого, чуть дольше задержались на Тэнке и, наконец, остановились на Артуре.

– А-а, это ты, школяр! Вот мы и встретились. Я же говорил тебе, что буду твоим проводником, а ты мне не верил. . .

– Алан? – в удивлении вскрикнул Артур, никак не ожидая встретить нищего попрошайку в таком солидном доме.

– Нет, что ты, советник короля к твоим услугам, – сыронизировал юноша, чуть поклонившись своему недавнему знакомому.

– Господа, этот парень меня спас от тюрьги, представляете? – театральным голосом проговорил он. Но достопочтенное семейство и не думало насмехаться. Все как один с уважением посмотрели на Артура.

– Вы уже знакомы? – с интересом спросила Тэнка. Алан насмешливо глянул на сестру, картинно приподняв красивые длинные брови. Но он имел достаточно ума и такта, чтобы не смеяться публично над своей влюбленной родственницей.

– Да, познакомились вот давеча. Дармоеды хотели наживы – денег с меня содрать. А этот вот субчик мне помог, выгородил меня. Так что, бабушка Грейда, он у нас дорогой гость.

Последняя фраза стала словно сигналом для хозяйки: она вскочила со своего места и принялась с удвоенным рвением обхаживать Артура. Делала она это с такой интенсивностью, что у мальчика быстро закружилась голова.

Алан какое-то время внимательно наблюдал за Артуром, а потом поинтересовался:

– Ну что, приятель, готов прибегнуть к услугам Алана Воришки?

Клипсянин улыбнулся:

– А у меня есть выбор?

– Да, пожалуй, ты прав. . . – хмыкнул Алан. – Но позволь, кто тебя направил в мое логово? Уж не толстяк ли Трюкко?

– Да, и он также предупредил меня, что своих клиентов ты провожаешь совсем не туда, куда им надо.

– А на тот свет? – понимающе улыбнулся Алан. – Не бойся, школяр, из леса я тебя выведу. Я уже не первый год совершаю подобные путешествия.

Их беседу прервала Тэнка. Она зачем-то выбежала на середину кухни и важным писклявым голосом обратилась к своим сородичам:

– Слушайте все! Алан поведет Артура в Беру, не так ли? А я... Я уже решила. Они заведут меня по дороге в Кагилу, к моим родителям. Мне надоело чахнуть в этой деревне.

Господин Стелла так возмутился, что даже привстал из-за стола.

– Ты. Никуда. Не. Пойдешь, – отрывисто произнес он, гневно посмотрев на нахалку.

– Нет, пойду, – уверенным голосом возразила Тэнка и топнула ногой для пущей убедительности. – Я хочу повидать родителей, и никто не может запретить мне это сделать.

– Кагилу не по дороге, сестрица. Это большой крюк, а школяру надо как можно скорее быть в Беру, – спокойно возразил Алан, видимо, уже давно привыкший к капризам Тэнки. Но, к удивлению всех присутствующих, Артур вдруг произнес:

– Я согласен по дороге заглянуть в Кагилу. Напротив даже, я на этом настаиваю.

Тэнка победоносно улыбнулась.

– Вы слышали, что он сказал? Кто платит, тот и заказывает музыку! Я иду к родителям, ура-а-а-а!

– Но это слишком опасно! – беспомощно возразил дедушка Стелла, чувствуя, как власть уплывает у него из рук. Ему не хотелось, чтобы внучка покидала их дом. Конечно, она была невозможным сорванцом и хлопот с ней не оберешься, но она вносила в их размеренный быт толику неопределенности и чудачества, без которых жизнь быстро становится скучной.

– Да и потом, родители сами хотели, чтобы ты пожила у нас, на свежем воздухе...

– Я уже наелась вашим свежим воздухом! – бойко возразила девочка, но, когда увидела, как поник головой дедушка, подбежала к нему, распахнув объятья.

– Дедушка, бабушка, вы мои самые любимые! Я только немного побуду у родителей, а на обратной дороге Алан заберет меня к вам. Я не хочу всю жизнь просидеть под землей... Просто поздороваюсь с родителями и все...

– Что ж... Так тому и быть. Если, конечно, наш любезный гость не против, что с ним пойдет такая ослица, – добродушно заключил дедушка Стелла, и Артур покачал головой, улыбаясь.

– Я не против, – сказал он и тут же пожалел об этом, потому что взбалмошная девчонка кинулась к нему и повисла у него на шее, раскачиваясь из стороны в сторону как маятник у часов.

– Мой сказочный принц, ты не пожалеешь, что взял меня с собой! – полушутливо, полусерьезно пропела девочка, и Артур даже на мгновение засомневался, не слишком ли поспешным было его решение.

Семейство засуетилось; каждый пошел заниматься своим делом. Алан же подозвал к себе юношу и тихо сказал:

– Выступить надо немедленно. Я бы хотел показать тебе карту, чтобы ты знал, на что подписался, когда решил зайти в Кагилу. Мне кажется, ты не вполне понимаешь, насколько это огромный крюк. Вернее, сам крюк может, и не такой уж огромный, но мы можем заплутать... Уж не втюрился ли ты в мою сестрицу, что идешь у нее на поводу?

Артур даже улыбнулся от дикости такого предположения.

– Мне действительно нужно в Кагилу. Я не знал, что этот город находится так близко от деревни. Я знаком с одним человеком, который родом оттуда, и мне необходимо его повидать.

Алан покачал головой.

– Он находится вовсе не близко, но в целом дойти туда возможно, не удлинив себе при этом путь на несколько месяцев. Пошли, я покажу тебе карту.

С этими словами долговязый юноша потянул Артура за собой на второй этаж. Там они зашли в тесную каморку, которая, видимо, была временным жилищем Алана в те редкие моменты, когда он останавливался у своих родственников. Комната была неопрятной, насколько это вообще возможно в таком чистом и аккуратном домике. Грязное тряпье валялось на полу, и Артур узнал в нем вчерашние одеяния нищего.

– Я не всегда промышляю на дороге, – с некоторой гордостью заметил Алан, проследив за взглядом юноши. – Так что не думай, школяр, я не так уж и плох, как может показаться при первом взгляде.

– Мне все равно. Это твое дело, – заметил Артур, пожав плечами. Ему и вправду не было никакого дела до занятий его нового знакомого, главным для него было в кратчайшие сроки добраться до столицы, а все остальное отступало на задний план.

– Вот, смотри, на столе карта. Я покажу тебе, где находится Бери, а где – Кагилу.

Алан развернул длинный свиток, где корявым почерком были выведены основные города и деревни. По всему было видно, что парень сам начертил ее во время своих продолжительных странствий.

– Вот эта точка – мы. Та-что-примыкает-к-лесу. Видишь? Деревня находится, как ты уже заметил, у самого подножия леса. Вначале я предполагал идти с тобой через лес, так опаснее, но в разы быстрее. За полторы недели мы бы дошли до Бери по дороге купцов... Если двигаться аккуратно по ней, то, пожалуй, можно и за неделю дойти. Но Кагилу находится на равнине. Нам придется огибать лес по полю, не углубляясь в него. – Алан прочертил дугу пальцем вдоль кромки леса, чтобы Артуру было понятнее.

– До Кагилу ходу – неделя. А потом мы углубимся в лес. Здесь сложность будет в том, чтобы найти купеческую дорогу. Если все будет нормально, то идти нам еще недели полторы.

– В целом не такая уж и большая разница, – пожал плечами клипсянин.

– Да, но я описал тебе лучший вариант развития событий. В противном случае нам идти около месяца. Знаешь, как тут говорят местные ребята? По лесу можно идти месяц, если все пойдет хорошо, и неделю, если все плохо.

– Почему так? – не понял Артур, которому казалось, что все должно быть с точностью до наоборот.

– Потому что заплутать в лесу легко, но в целом за месяц можно худо-бедно найти дорогу и выйти к столице. А за неделю при плохом раскладе в здешних краях люди гибнут на раз. Вон уже сколько сгнуло: приятель мой, кучер Гипсар из соседнего дома, да и купцы пропадают постоянно. Тут нужен человек, который хорошо знает лес и то, с чем там можно столкнуться.

– И этот человек – ты? – с иронией произнес Артур.

– И этот человек – я. Ты быстро схватываешь, недаром, что школяр, – Алан улыбался, но Артур понял, что тот абсолютно серьезен. Он действительно профессионал своего дела и совершенно ничего не боится. Мальчику оставалось лишь довериться в полной мере своему проводнику, что тот и сделал. Впрочем, у него и правда не было другого выбора.

– Единственное, что меня волнует – Тэнка, – честно сказал Алан. – Она будет замедлять наше продвижение, а у меня срочные дела в Бери. Тебе повезло, школяр, что ты нашел меня сегодня. Завтра я был бы уже в пути.

– Путь до Кагилу такой же опасный, как через лес? – поинтересовался Артур.

– Нет, иначе бы не могло быть и речи о том, чтобы брать ее с собой. Дело не в этом. Просто она будет уставать и замедлять наше продвижение!

– Я? Уставать? – послышался сзади чей-то недовольный возглас. Оказалось, что Тэнка уже давно пробралась к Алану в комнату и подслушивала их разговор. – Да я могу идти как мужик, не останавливаясь, несколько дней кряду! – пылко заявила она. – Мне этот поход – как до поля и обратно с коровой! Я сильная!

В тот момент, пока она говорила, Артуру вновь смутно привиделось, что перед ним не девочка, а мальчик, так в ней было мало женского. И как-то не вязался с ее обликом этот дурацкий девчачий наряд. Артуру даже подумалось, что вчера в своих дырявых холщовых штанах она выглядела куда гармоничнее, чем сейчас.

Алан рассмеялся.

– Тэнка, крошка, в прошлый раз родители посылали за тобой единорога. Ты уже забыла, сколько ты летела?

Тэнка в ответ на эти слова насмешливо фыркнула.

– С тех пор я уже выросла. Я иду с вами и точка. Разглагольствовать об этом нет смысла. Когда мы выступаем?

Алан тяжело вздохнул и переглянулся с Артуром. Им в голову пришла одна и та же мысль: «Ох уж эти женщины».

– Чем быстрее, тем лучше. Но мне надо собраться, – сказал Алан и выпроводил ребят из своей комнаты.

– Ну что ж, Артур, – немного насмешливо выговаривая его имя, произнесла сорвиголова. – Может, тебе тоже надо собрать вещи?

– Я собран, – просто ответил юноша.

– Отлично. Пойдем тогда в сад, в доме духота, да еще и воняет горелыми оладьями.

Они вышли в опрятный цветущий садик. Забора здесь не было, но по его краям росли кустики жимолости, как бы являясь своего рода ограничителями территории. Оюнь набирал свою силу.

– Одно мне не дает покоя... – немного задумчиво произнесла девочка. – Зачем ты согласился идти в подземный город?

– Мой друг живет в Кагилу. Я очень хочу ее повидать, но не уверен, что встречу ее там.

– Друг? – белесые брови девочки поползли вверх. – Хороший друг, раз ты ради нее готов проделать этот путь с риском заблудиться и остаться навсегда в лесу?

– Очень хороший, – с мечтательной улыбкой подтвердил Артур, вспомнив красивое лицо Дианы.

Тэнка помрачнела как тучка.

– Значит, у меня совсем нет шансов? У тебя все-таки есть девушка? – с характерной для нее прямотой спросила она.

– Да, есть, – ответил Артур, не желая говорить неправду. Ему было неловко отвечать на вопросы девочки потому, что ему не хотелось ее обижать.

Тэнка немного помолчала, а затем сказала:

– Ты очень немногословен, Артур, и мне это нравится. И ты мне очень нравишься. Будь я на месте твоей девушки, я бы не оставляла тебя одного.

При этих словах Артур нахмурился. Тэнка невольно разбередила его волнения относительно своих друзей. Он действительно переживал, что с ними могло что-то произойти. Более всего его волновал тот факт, что голоса исчезли. Голоса, из-за которых Тин чуть было не придушил его подушкой. Голоса, которые подчиняют волю. Неужели его друзья сейчас сидят дома, в безопасности гигантского дерева? Неужели Диана вернулась в подземный город, хотя всегда так не любила его? Сомнение поднялось в душе Артура. Правильно ли он сделал, когда согласился идти в Кагилу? Не лучше ли было сразу отправляться в Беру, что казалось быстрее и безопаснее? Но желание увидеть Диану было сильнее. Даже самая ничтожная вероятность встретить ее там была сильнее любых других его желаний.

– Прости меня. Частенько я говорю раньше, чем думаю, – заметила Тэнка, увидев, какая буря эмоций отразилась на лице Артура. – Я ничего про тебя не знаю, и ты не рассказываешь о себе. Думаю, когда мы подружимся, ты будешь больше мне доверять. Я бы хотела стать твоим другом.

– Что ж, согласен, – подмигнул ей клипсянин, неожиданно представив на ее месте Тина со своим длинным светлым чубчиком и неумным аппетитом.

Через какое-то время к ребятам в сад спустился Алан. Его внешность претерпела некоторые значительные изменения. Проводник сбрил неопрятную щетину со своих щек и расчесал длинные рыжие волосы. Теперь он неожиданно из грязного попрошайки превратился в

молодого бравого красавца, которого любая девушка, хоть сколько-нибудь смыслящая в мужской красоте, приметит за версту. С кустистыми рыжими бровями, чуть вытянутыми скулами и вполне себе аристократическим лицом он стал меньше походить на нагловатого деревенского простофилю – скорее на городского франта.

Одет он тоже был вполне прилично: в походные штаны черного цвета и такого же кроя тунику с длинными рукавами. К поясу он прикрепил кривоватый нож, являвшийся неизменным атрибутом всех его походов. За спиной на лямке у него висела большая холщовая сума с многочисленными кармашками. Снаружи отделана она была кожей, а в некоторых местах даже оторочена мехом. На голову он нацепил шляпу с длинными полями, с которых свисала москитная сетка.

– В нашей компании вроде только одна девочка, – насмешливо заметила Тэнка, глядя на брата.

– Никогда не знаешь, что за красотку повстречаешь на своем пути... – пропел Алан и серьезным голосом добавил: – Я не вижу твоего скарба, сестренка. Ты идешь в поход в этих женских тряпках? Может, соберешься как следует?

– Хорошо, хорошо... Только кто вот тебя назначил начальником?

– Наш прекрасный принц, – насмешливо поддразнил девочку Алан, и лицо Тэнки тотчас же стало багрового цвета. У нее, как и у всех обладателей светлых волос и белой кожи, был один недостаток: она всегда очень явно краснела.

Когда она убежала, Алан придиричиво осмотрел Артура.

– Неплохая экипировка, школяр. В школе, что ли, выдали?

– Почему ты все время называешь меня школяром? – вопросом на вопрос ответил Артур.

– Я сразу понял, что ты учишься в Троссард-Холле. Откуда бы еще ты пришел к нам в деревню? Разве что из леса, что маловероятно, – ответил Алан.

– И что тебе известно про эту школу?

Алан покачал головой.

– Очень мало. Сам-то я никогда не учился в подобных заведениях, – последнюю фразу он произнес несколько пренебрежительно, но по выражению его глаз Артур понял, что Алан, возможно, ему немного завидует. – Я самоучка, – пояснил парень.

– Я тоже был самоучкой, – признался Артур.

– А в школе? Тебе нравилось учиться?

– Да, очень.

– А почему же ты оттуда сбежал? – с любопытством спросил Алан.

– Я вовсе не сбежал.

– Да, а те, другие, тоже не сбежали? – Вопрос застал Артура врасплох. С одной стороны, ему хотелось, чтобы Алан поведал все, что ему известно о пропавших школьниках, с другой мальчик не знал вполне, до какой степени стоит быть с ним откровенным.

– Я не имею понятия, – сухо ответил он, не желая больше затрагивать эту тему.

– Хм, а из тебя слова клещами надо тянуть, Артур. Школьная привычка, да?

В этот момент прибежала Тэнка, и неприятный допрос был окончен. Девочка наконец-то сменила свое неуместное льняное платье на вполне мужскую походную одежду и все недоразумения, связанные с ее обликом, отпали – она снова была совершеннейшим пацаненком. За спиной у нее болтался тяжеленный мешок, в котором одежды было явно больше, чем требовалось для их недельного похода.

– Вот мы и готовы, – заметил Алан. – Осталась одна немаловажная организационная деталь... Школяр, тебе надо расплатиться за ночлег.

Артур согласно кивнул и пошел в дом, где заботливая бабушка Грейда накатила ему такой счет, что его кошелек полегчал, наверное, вполовину. Юноше еще повезло, что он худо-бедно

получал стипендию, иначе пришлось бы ему ночевать на улице вместе с тем старым нищим, который поведал ему о том, что на дворе оюнь, а никак не полузнь.

Затем были прощания, когда все семейство вышло провожать путников. У бабушки Грейды были глаза на мокром месте, ну а господин Стелла выглядел таким же суровым, как и во время завтрака, ибо его положение главы семейства не позволяло ему открыто проявлять свои эмоции. После продолжительных проводов трое отважных путников поспешно устремились в сторону леса.

Глава 5 Или дорогу осилит идущий

Жители Той-что-примыкает-к-лесу сегодня стали свидетелями странного, почти невероятного зрелища. Трое молодых людей, среди которых (что особенно возмутительно) была особа женского пола, стремительно покидали пределы спасительной деревушки. И двигались они не в поля на работы, а напрямик к лесу. Крестьяне непонимающе глядели вслед этим чужакам, которым не сидится в родных краях. Впрочем, простые люди долго не изумлялись. В недоумении почесав голову, они вновь приступили к работе, которой не было конца и края. И мысль эта о странных путешественниках быстро покинула их головы, не задерживаясь, как, впрочем, и любые другие мысли.

А путники тем временем прошли всю деревню. Артуру снова довелось взглянуть на знакомый, канареечного цвета, домик, а затем еще на несколько подобных благообразных строений. Ближе к окраине местность становилась запущеннее, а дома мельче. Они словно бы преклоняли свои колени перед красотой и силой старого леса.

Когда Артур подошел к нему вплотную и увидел перед собой гигантские ели, у него перехватило дух от их невероятной красоты. Волшебные мохнатые занавеси длинных раскидистых ветвей цвета морских волн словно бы приоткрывали путникам другой, затерянный мир. Земля была мягкой и податливой, будто перина, и виновником этого явления был бирюзовый нежный мох, который повсеместно покрывал почву. Деревья не были скученны, как в лабиринте, а напротив, давали друг другу достаточно места, чтобы вальяжно раскинуть ветки во все стороны и распушить иголки. Свет то тут, то там, проникал меж раскидистых ветвей, освещая своим чудесным сиянием этот диковинный лесной мир.

Когда путники вышли на опушку леса, Алан обвел рукой окружающий их пейзаж, показывая Артуру все великолепие этой местности.

– Теперь ты понимаешь, школяр, почему я проводник?

– Понимаю, – ответил Артур, и он действительно понимал.

– Смотрите, а вот и купеческая дорога! – Алан указал пальцем на неприметную тропинку, вымощенную камнем. Она была так незаметна потому, что практически полностью покрылась голубоватым мхом.

– Но мы по ней не пойдём, – весело закончила за него Тэнка.

– Да, сестренка, ты права как никогда. Мы будем идти вдоль леса, не заходя в его чертоги.

– А в лесу страшно? – озабоченно поинтересовалась девчонка.

– Не более, чем здесь, – отшутился рыжеволосый юноша. Но внимательный клипсянин приметил, что при этом вопросе Алан едва уловимо вздрогнул, будто бы вспомнив что-то неприятное, с чем можно было повстречаться в лесу.

– Купцы по-прежнему ходят по этой дороге? – поинтересовался Артур.

– А шут их знает. Может, кто-то и ходит. Я иногда провожал таких смельчаков. Но в основном это не беруанские купцы, а армуты. Они не так привязаны к своему месту жительства и часто могут забрести в лес, хотя их основные маршруты пролегают на равнинах. От Кагилу даже начинается Большой конный тракт, по которому они перегоняют своих лошадей в Беру. Впрочем, спрос на них небольшой, там ведь предпочитают единогого.

– Значит, до Беру можно пройти и по другой дороге?

– Поверь, школяр, лучше уж через лес. Никогда не хотел иметь дел с армутами, народец этот очень специфический, а главное – ненадежный. Тем более, что они рьяно охраняют свои дороги и пройти по ним невозможно без специального разрешения.

Разговаривая таким образом, путники незаметно прошагали первую половину дня. Лес по их левую сторону был настойчиво манящ; он, словно гостеприимный хозяин, уговаривал их зайти в гости, побродить по ковровой дорожке из мха и насладиться опьяняющим хвой-

ным ароматом. Но Алан был непреклонен, и они упорно шли не сворачивая. По правую руку от них простирались гигантские поля, заброшенные и неухоженные. Та-что-примыкает-к-лесу давно уже осталась за их спинами, но путешественники не оглядывались. Ближе к вечеру они подошли к прелестной полянке, которая вся была усеяна звездчаткой дубравной – маленькими белыми цветочками, по форме лепестков напоминающими звездочки.

При первом взгляде поляна производила впечатление диковатой, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что она располагает всем необходимым для того, чтобы путники могли разбить тут свой лагерь. Несколько крупных деревьев обрушились, создав нечто наподобие стола и стульев, а мягкий вездесущий мох довершил работу природы, наградив стулья удобными подушками. Приятно голосили лесные птички, настраивая уставших путешественников на скорый сон.

– Неплохое место для привала! – наконец воскликнул неутомимый проводник, и Артур с Тэнкой облегченно вздохнули, так как еще не привыкли к таким длинным переходам.

– Это просто зачарованная поляна! – с восхищением воскликнула девочка, отбросив, наконец, в сторону тяжелую суму. Так как Тэнка еще ни разу не ходила в настоящий поход, она совершенно не представляла, что необходимо с собой брать. О некоторых вещах она не подумала, другие же легкомысленно отбросила, положительно решив в пользу разнообразной одежды и обуви. Возможно, девочка немного лукавила, когда говорила Артуру, что собирается довольствоваться положением друга. И ее многочисленные наряды красноречиво говорили сами за себя.

Помимо ненужного тряпья, Тэнка также набрала различных книг. Девочка страстно любила читать, и если бы у нее спросили, без чего она не сможет отправиться в далекое путешествие, то она, не задумываясь, назвала бы свои любимые книги. Тэнка могла читать абсолютно все, но при этом беловолосая девочка как-то всегда отличала серьезную литературу от лишенной всякого смысла писанины, которую забываешь сразу же после прочтения. Хорошие книги дарят неоценимый опыт, и над ними можно бесконечно размышлять, в то время как легковесные книги, как она сама их называла, годились лишь для проветривания мозгов. Таким образом, франтоватая сума Тэнки была очень тяжелой, но при этом совершенно бесполезной для длительного похода. Для еды и других нужных вещей в ней просто не было места. Впрочем, девочка знала, что ее предусмотрительный братец позаботился о провизии.

И действительно. Если бы Артур не знал Мидия Варелли, то он бы, несомненно, счел, что впервые видит перед собой человека, с таким пиететом подходящего к еде в целом, и их провизии в частности. Казалось, Алан предвидел все возможные исходы их путешествия и набрал с собой столько еды, что можно было, наверное, накормить всех обитателей Троссард-Холла, включая учителей и единорогов. Когда он стал медленно доставать из своей бездонной сумы вещи, клипсянину только оставалось удивиться, как столько предметов могло помещаться в обычной походной сумке с кожаной лямкой через плечо.

Впрочем, начал Алан вовсе не с еды. Сперва он достал гладкие, гнущиеся во все стороны палки, а затем и покрывала, и с их помощью ребята соорудили неплохой тент, служивший им укрытием от дождя и зноя. Алан завесил края тента марлей, чтобы ночью их не донимали насекомые. Лопаткой недалеко от места их стоянки он вырыл нечто похожее на выгребную яму и заботливо огородил ее еловыми ветками. Затем он вытащил из своей сумы скатерть и вытоптал для нее полянку перед входом в шатер. Теперь их временное пристанище напоминало уютный и вполне обустроенный лагерь, где было все необходимое для комфортного времяпрепровождения.

Поблизости от стоянки росли дикие кусты малины и черники, и Тэнка, вся перемазавшись в их соке, довольно быстро набрала мальчишкам ягод. Она во всем помогала ребятам, таскала дрова и устанавливала шатер, но, когда дело дошло до приготовления еды, она поспешно ретировалась, заявив, что у нее отсутствует талант в этой области.

– Тоже мне, единственная девчонка в нашей команде, а готовить-то и не умеет! – пожаловался Алан Артуру. Он умело разжег костер, и теперь недалеко от их пристанища весело потрескивали поленца. Глядя на огонь, Артуру вспомнился поход в Хвойную долину, а особенно то, чем закончилась эта вылазка, которая изначально подразумевалась как беспечный отдых на море. Антуан в больничном крыле, бессмысленно показывающий перед своими глазами кружочки.

– Я взял с собой разных круп для супов, но сейчас, думаю, мы не будем варить похлебку. Бабуля дала нам свежих продуктов, надо сначала нам все это съесть, пока не протухло. – С этими словами проводник достал из сумы свежее мясо и нанизал его на прутики, не забыв предварительно посыпать какими-то сушеными травами.

– Вы не едите короедов? – поинтересовался Артур, с содроганием вспоминая основное блюдо в меню Мидия Варелли.

– Мы, в отличие от древесных жителей, предпочитаем мясо, – улыбнулся Алан. – Но я всегда был бы не прочь заглянуть в самый шикарный беруанский ресторан и отведать там короедов в брусничном соусе. Это моя давняя мечта, – шутливо признался он, и Артур так и не понял, правда это или нет.

Когда мясо стало покрываться золотистой корочкой, Алан взял чернику и тщательно помяв ее пальцами, помазал этой кашицей мясо.

– Учись, Тэнка! – сказал он сестре, которая только показала ему язык.

– Сам учись, – был ее ответ.

Тем временем Артур решил побродить по округе. Он с восторгом разглядывал природные сокровища леса. Оюнь во все времена отличался тем, что ягоды созревали, а цветы распускались практически одновременно. Именно с приходом этого благодатного времени года люди могли наслаждаться необыкновенным изобилием. В лесу наступление оюня особенно ощущалось. И как же разительно здешние места отличались от бедной растительности лощины, где располагался Троссард-Холл!

Артур углубился в лес и, к своему огромному удовольствию, обнаружил чистый родник, который впадал в небольшое озерцо, где можно было даже искупаться и умыться. Вода там была чистая, прозрачная и такая холодная, что, когда клипсянин стал пить ее, у него свело зубы. Ручей стекал с возвышенности, на которую мальчик уже не стал подниматься, не желая далеко отходить от лагеря. Красивое то было местечко. Бирюзовый заколдованный лес отражался в маленьком озерце, которое тоже сверкало всеми оттенками голубого. На своеобразном пляже вокруг озера лежали удивительной красоты камни: гладко отполированные, они были почти прозрачны, но из-за общего освещения тоже поблескивали голубыми оттенками, напоминая апатит, бирюзу и варисцит.

«Хрустальный пляж», – так Артур прозвал это место и нанес его на свою карту, которая находилась у него в голове или, вернее сказать, в его воображении. Ментальная карта.

Когда мальчик вернулся, стол уже был накрыт и ломился от яств, приготовленных Аланом Воришкой. Тэнка, не дожидаясь своих спутников, уже что-то с аппетитом жевала.

– Я нашел одно любопытное местечко тут поблизости, – сказал Артур. – Хрустальный пляж.

Тэнка прыснула со смеху.

– Какая прелесть! – воскликнула она.

– Я знаю, что ты видел. Это родник питьевой воды. Я уже останавливался здесь, когда ходил в Кагилу, – ответил Алан и, порывшись в своей суме, достал потертую карту. – Вот, глянь-ка! – он начал водить своим грязным от жира пальцем по карте, оставляя на ней масляные разводы. – Видишь, вот этот источник. Здесь можно набрать воды, так как следующий будет только в Кагилу.

– Интересно, родители очень удивятся, когда увидят меня? – задумчиво проговорила Тэнка, с аппетитом пережевывая мясо в черничном соусе.

– Как бы они не надавали мне по шее, сестренка.

– Ну, это вполне вероятно, – ответила нахалка. – А еще скажу им, что ты меня плохо кормил в походе и тогда тебе достанется вдвойне. Артур... Расскажи нам, зачем тебе в Беру.

– Повидать еще одного друга, – ухмыльнулся скупой на слова клипсянин.

– У тебя много друзей... – с иронией заметила Тэнка.

– У нашего школяра бесполезно что-то выспрашивать. Он умеет держать язык за зубами!

– Чего не скажешь о тебе! – подколола его Тэнка.

– Да и о тебе, моя милая сестрица.

Ребята славно поели. На свежем воздухе аппетит здорового человека удваивается, поэтому запасы Алана сразу как-то заметно оскудели. А потом Артур угостил их шоколадом с фабрики. Алан в первый раз в своей жизни познакомился с этим лакомством. Он долго недоверчиво взирает на черную плитку, которую клипсянин по-братски разделил между ними перед тем, как, наконец, попробовать яство на вкус. Оно изумило его и привело в совершеннейший восторг, как ребенка, которому купили леденец. Проводник причмокивал и пошлепывал языком во рту на свой лад, облизывал пальцы и восторженно улыбался.

– Диковинка! – только и твердил он, пока, наконец, не смог оторваться от лакомства. – Ну, школяр, угостил ты меня!

Тэнка отнеслась к шоколаду более прозаично: съев свою плитку, она по-хозяйски взяла у Артура добавку и, засунув изрядный кусок за щеку, с удовольствием проговорила:

– Теперь я буду питаться только этим.

На поляну быстро опустился вечер, и в воздух взвились мириады светлячков.

– Всем отбой! – строгим голосом проговорил проводник, но остальных не надо было уговаривать; так сильно им уже хотелось спать. Поэтому в маленьком лагере быстро стало тихо, и эта загадочная тишина не беспокоила путников, ведь они были не в глухом лесу. В нескольких шагах от них располагалась спасительная равнина, где не было ни одной живой души, кроме разве что кочевых армутов, переправлявших своих лучших коней по Большому конному тракту.

На следующий день Артур поднялся ранним утром, пока остальные спали. Он хотел сходить на Хрустальный пляж и окунуться в ледяную водичку. Юноша еще с Хвойной долины полюбил плавание, тем более что при этом он был весьма чистоплотным, и утренние купания в воде доставляли ему особое удовольствие. Воздух в лесу был поразительно чистым, и в нем чувствовались нотки хвои и древесной смолы. Когда Артур пришел на пляж и разделся, его сразу же нещадно атаковали москиты, которые невероятно обрадовались этому своевременному завтраку. Клипсянин, с досадой отмахиваясь от насекомых, с разбега нырнул в озеро, с наслаждением почувствовав, как ледяная вода обжигает его тело.

Какое-то время он спокойно предавался утренним процедурам, а когда уже надумал выходить из воды, то краем глаза увидел Тэнку. Нахальная девчонка сидела на берегу, подперев голову ладонями и совершенно беззастенчиво его рассматривала. Столкнувшись взглядом с возмущенным юношей, она насмешливо произнесла:

– Сейчас у меня есть некое преимущество перед твоей девушкой. Я имею возможность лицезреть тебя нагишом и, поверь мне, это того стоит! – Тэнка прыснула со смеху, а когда Артур окатил ее ледяной водой из родника, она сорвалась с места и была такова.

Клипсянин улыбнулся, подумав о том, насколько несносна эта девчонка. «Познакомить бы ее с Треверсом», – мелькнуло у него в голове. Мальчику почему-то показалось, что именно с ним, этим пухлым, веселым балагуром она смогла бы найти общий язык.

Когда Артур вернулся к лагерю, тут уже кипела работа по приготовлению завтрака.

– С добречком, школяр. Объясни-ка мне, почему моя сестрица все утро в таком приподнятом настроении?

– Думаю, потому, что завтрак в следующий раз будет готовить она, – сказал Артур и показал Тэнке язык, отчего та невероятно развеселилась.

Ребята спешно позавтракали. Алан взял с собой вяленое коровье мясо, и они поели его со свежим ржаным хлебом бабушки Грейды и запили все это чаем с шоколадом. Им предстоял непростой путь.

А дальше начался длинный переход, и Артур уже перестал даже понимать, сколько они прошли. День сменяла ночь, ребята останавливались передохнуть в шатре, а на следующее утро продолжали свою монотонную ходьбу. Один раз они набрали на поляну лисичек, чему были невероятно рады. Насобирав целую сумку грибов, путники на первом же привале пожарили их на масле в котелке, который имелся у Алана. Вообще, если говорить о походной утвари, то проще было бы сказать, чего у Алана не было, чем перечислять те многочисленные предметы, что наполняли его суму.

Путешествие закалило Артура, он стал выносливее и мог уже целый день идти без отдыха. Его кожа, и без того немного смуглая, приобрела еще более коричневый оттенок. Тэнка тоже загорела, что сделало ее еще более похожей на проказливого мальчишку, который целыми днями давит короедов на соседских ветках. Девочка терпеливо сносила все тяготы походной жизни и ни разу не пожаловалась, хотя было видно, что ей тяжело нести свои вещи.

Ребята довольно быстро сдружились между собой, однако же говорили в основном на отвлеченные темы. Артур по-прежнему не рассказывал им о своей жизни в школе, да и вообще о том, что с ним происходило до того момента, когда он, расстроенный, зашел в Ту-что-примыкает-к-лесу. Впрочем, ни Алан, ни Тэнка не спрашивали его, проявляя удивительный такт. Про них Артур, в свою очередь, тоже мало чего узнал.

Тэнка была родом из Кагилу, но при этом почти все время проводила в деревне у бабушки с дедушкой. Родители не хотели, чтобы их дочь жила в подземном городе, но при этом сами они переезжать не желали, так как привыкли к своему устоявшемуся быту в Кагилу.

Алан же, по его собственным словам, зарабатывал на жизнь тем, что время от времени водил людей через лес. Помимо Той-что-примыкает-к-лесу он знал также и о других людских поселениях, более крупных, куда в основном и устремлялись жаждающие наживы. Купцы платили неплохо, правда, не всегда им удавалось доходить до места в целостности и сохранности. Впрочем, Алан не любил говорить о своих неудачах. В основном же он болтал скорее о том, как ему удавалось вывести своих клиентов из самых опасных ситуаций. По его насмешливой манере изложения, изобилующей красочными описаниями и невероятными образами, Артур счел, что Алан скорее любит приврать, чем рассказывать правду.

Мальчик также не понял, зачем Алан стоял на дороге, промышляя будто нищий. Рыжеволосый юноша отшутился, сказав, что на него находят странные желания, когда ему становится особенно скучно без путешествий. Так это было или нет, Артур не знал, однако все-таки и не доверял ему в полной мере. Однажды Алан обмолвился о том, что он птица вольная и никто не властен над ним, и что его родители, совершеннейшие пьянчужки, якобы отказались от него в детстве, и поэтому он воспитывался у бабушки с дедушкой, которые, впрочем, были ему не родными. Какие-то сложные родственные отношения связывали его, Тэнку и госпожу Грейду, и было непонятным, кто в их семье в итоге кому приходится. Похоже, что они и сами уже забыли, но по привычке Алан называл их бабушкой Грейдой и дедушкой Стеллой.

Так ребята и шли, время от времени останавливаясь на привал. Прошло уже шесть дней, а на седьмой все изменилось, так как путники наконец-то оказались в окрестностях подземного города.

Глава 6 Или град Кагилу

В какое-то мгновение Артур заметил, что ландшафт стал потихоньку меняться. Сначала с путниками попрощались высокие ели, помахав им вслед ветвями, затем как-то неожиданно исчез мягкий мох, который создавал иллюзию того, что идешь по одеялам, набитым перьями.

Пропала также крупная черника, которая всю дорогу неизменно радовала ребят. Они употребляли ее в совершенно разных видах и формах, насколько только хватало фантазии у их проводника Алана. Сейчас же, увы, этот ценный продукт безвозвратно ушел из их рациона. Черника не исчезла совсем – вернее будет сказать, что кустики остались, но она сама превратилась в чахлое растение с крошечными полувысохшими ягодками и пожелтевшими листьями.

Да и вообще лес перестал уже быть теми сказочными воротами в неизведанный мир: теперь же он больше напоминал обычную заросшую дубраву с низкорослыми деревьями, где можно было встретить не сказочных существ, а лишь приземистые дубки и орешники. Идти стало сложнее, ведь храбрым путешественникам приходилось продирается сквозь колючие кусты. Алан, как и подобает проводнику, шел первым; он ловко орудовал кривым длинным ножом, расчищая дорогу от ненужных веток и докучливой паутины, которая здесь присутствовала в таком несметном количестве, что залепляла глаза и забивалась в нос.

К счастью, подобное продвижение было не таким уж и продолжительным и вскоре, к обеду седьмого дня путешествия, ребята, наконец, вылезли из леса, отплевываясь от липкой паутины и стряхивая со своей одежды несносных клещей и гнусов.

– Ну, сестренка, скоро тебе прощаться с нами! – энергично проговорил Алан с неприкрытой радостной улыбкой, и по всему было видно, что он невыразимо счастлив оставить здесь неугомонную Тэнку, которая, по мере того как путники приближались к Кагилу, становилась все более капризной. Порою она всячески старалась замедлить их продвижение, ссылаясь на хроническую усталость и плохое самочувствие. Пару раз девочка жаловалась на больную ногу, которая якобы стерлась в кровь от постоянной ходьбы. Впрочем, Артур подозревал, что все эти жалобы являются по большей степени надуманными, ибо Тэнка, хоть она никому и не признавалась в том, ужасно не хотела оказаться в Кагилу в отличие от своих спутников.

В последние дни белокурая девушка пребывала в неизменно отвратительном настроении, чьи перепады от просто плохого до невыносимо скверного уже начинали немало раздражать ее компаньонов. Лицо ее под выгоревшими белыми волосами то розовело, то краснело, то бледнело, и вся эта палитра цветов отчетливо проявлялась на нем. Будучи от природы болтливой и веселой, сейчас же Тэнка почти не разговаривала с ребятами и хмуро шла чуть поодаль от них.

За минувшую неделю девочка окончательно нафантазировала себе влюбленность в загадочного юношу, который так неожиданно забрел в их края. Ей нравилось его чувство юмора, немногословность, смелость, решительность, оптимизм. Последнее качество Тэнка особенно ценила, так как чувствовала, что, несмотря на кажущуюся беззаботность и хорошее настроение, у него на сердце имеется что-то, о чем он думает день и ночь. Проницательная девочка видела в нем заботы, которых у нее пока, к счастью, не было; также она отчетливо понимала, что ее голубоглазый красавец сильно тоскует по своим друзьям.

Впрочем, девочке, возможно, отчасти из-за недостатка жизненного опыта, все же не хватало проницательности понять, насколько необходимо Артуру поскорее добраться до места назначения. Тэнка, увы, не осознавала всей важности этого похода, который для нее был не более значимым, нежели увеселительная прогулка по саду. К тому же белокурая бестия привыкла все время добиваться своего; родители ни в чем не могли отказать прелестной дочери, а бабушка с дедушкой и подавно. Братья умело потакали всем ее капризам, даже самым диким и абсурдным, что в итоге плохо сказалось на ее характере. Тэнка мечтала, что Артур в конце

концов непременно оценит ее прямоту и смелость и, при лучшем исходе, останется с ней в Кагилу.

Как же она разозлилась, когда вдруг юноша осторожно поинтересовался, не знает ли она некой Дианы. Артур надеялся, что раз Тэнка родом из Кагилу, возможно, она сможет что-то поведать о его подруге.

– Не знаю и знать не желаю! – в совершенно оскорбленных чувствах заявила девушка удивленному юноше, который все никак не мог привыкнуть к перепадам ее настроения. – И хватит задавать мне подобные вопросы, я что, похожа на книгу адресов? – с этими словами Тэнка отбежала от них с Аланом, невероятно рассерженная. Бедняжка слишком явно представляла себе красивую длинноволосую брюнетку или же блондинку, рядом с которой она сама, низкорослая, с коротенькими жиденькими белесыми волосиками и образом пацаненка смотрелась бы просто смешно.

Алан весело рассмеялся и язвительно сказал Артуру:

– Жаль, что в школе не учат, как надо разговаривать с девушками, не так ли, школяр?

Юноша хмыкнул, но благоразумно промолчал. Про себя же он подумал, что с такими девушками, как Тэнка, лучше совсем не разговаривать и вообще желательно держаться от них подальше, насколько это возможно.

Наконец перед глазами путешественников раскинулась равнина – бескрайняя, покрытая однообразными низкорослыми ползучими кустарниками и полевыми цветами: пушистым клевером, адонисом, дурманом. И не было конца этим прекрасным лугам, заботливо укутанным сочным травяным ковром, который, впрочем, не был сплошным – то тут, то там виднелись проплешины, заполненные коричневым песком. Этот песок, подхваченный сильным ветром, поприветствовал ребят, как только они выбрались из леса, при этом чуть не сбив с ног. Видно, в здешних краях он был главным обитателем и властелином.

– Армуты любят степи... – вдруг мечтательно заметил Алан, с восхищением глядя перед собой. Было видно, что юношу тоже привлекал подобный пейзаж: песчаная равнина, совершенно лишенная каких-либо признаков жизни и этот несмолкающий ветер, заунывно жалующийся на свое одинокое существование.

Посреди полей можно было заметить огромный холм. Казалось, в этом месте земля вспучилась, образовав гигантский пузырь. Интересное дело, но если вокруг в основном преобладали низкорослые травы, характерные для степей, то этот холм весь зарос высокой зеленой крапивой. И, пожалуй, ни один прохожий был бы не в силах распознать в этой неблагоустроенной возвышенности купол гигантского подземного города, имя которому – Кагилу, что в переводе с местного наречия означало «рудокоп».

Такое название было выбрано не случайно. Дело в том, что холм, под которым располагался город, в действительности был самой настоящей горой, которая, по прихоти природы, уходила не ввысь, как обычные уважающие себя горы, а внутрь, будто амбициозно пытаясь достичь центра земли. В недрах этой природной диковинки были обширные залежи железной руды.

Здешние мастера считались самыми лучшими в обрабатывании драгоценных камней; все свои изделия умельцы продавали армутам, испытывавшим слабость к подобным безделушкам. Несмотря на несметные сокровища, которые таила в себе гора, обитатели ее были весьма бедны, и уровень жизни у них был скорее ниже среднего. Рудокобы, к сожалению, очень рано умирали от болезней – в основном от пневмокониоза и бронхита. Люди рады были бы покинуть это негостеприимное место, но чаще всего такой возможности у них просто не существовало. Кагилу был единственным крупным городом после Беру и Гераклиона. Но до Гераклиона путь был не близок, а в огромном Беру, и так страдающем от перенаселения, уже не имелось свободных веток.

Кагилу – это не просто город, составная часть беруанского Королевства. Он сам по себе был как маленькое царство подземного мира, со своими обычаями, законами, властителями и даже языком. Местные жители между собой говорили на особом наречии – кипачу. Но в школах, разумеется, детей учили официальному языку. На кипачу разговаривала в основном молодежь и люди из совсем уж неблагоприятных районов.

Город был выдолблен в шахтах, оставшихся после добычи драгоценных камней. Дома здесь плавно переходили один в другой, и порою, чтобы добраться, например, до центра, невольно приходилось пересекать чужие владения. Улицы здесь были узкие, и по ним никогда не проезжали повозки, запряженные лошадьми. Местные детишки играли не в чудесных садах на свежем воздухе, а подобно дворовым собакам лазили по бесконечным колодцам города, измазанные черной пылью с ног до головы. Их игры показались бы дикостью изнеженным беруанским детям, но кагилуанцы не жаловались. Это был их особый мир, к которому они полностью привыкли. Люди здесь, уже забывшие, что когда-то жили на древе, мнили себе, что именно в Кагилу находится центр мира, средоточие всех торговых и экономических интересов. Здесь кипела жизнь, которая, как им казалось, была просто невозможна за пределами подземелий.

Гору, где располагался город, в народе прозвали Ортилиан, от слова «ортий» – крапива. Данное растение как-то сразу прижилось на здешних полях, и оно же являлось основным продуктом, который предпочитали употреблять в пищу местные жители. Подобно тому, как беруанцы воспевали листья Ваах-лаба, кагилуанцы курили крапивные сигары, а на особые празднества вместо винотеля предпочитали крепкой крапивной настоечки. А так как жизнь здесь была сурова и безжалостна, к настойке некоторые прикладывались гораздо чаще, чем следовало бы.

Под горой люди употребляли в пищу также просперитей – личинки насекомых, которые по своему вкусу напоминали куриное мясо, но только более нежное. Некоторые даже разводили этих существ прямо в своих домах, так как огородами никто не располагал. Зажиточность кагилуанца определялась размерами его дома. Некоторые пещеры были поистине огромны, с несколькими уровнями, множеством спален и даже с погребями. Другие же напоминали проходной двор – сквозь них безнаказанно могли проходить граждане, которым надо было попасть в ту или иную часть города.

Проходных домов было много, и их жители, как правило, знали друг друга очень хорошо и постоянно сплетничали между собой. Их времяпрепровождение напоминало жизнь одной большой семьи, где родственники вместо того, чтобы с любовью и терпением относиться друг к другу, напротив, становятся непримиримыми врагами. Легко критиковать близкого, хорошо знакомого человека, чьи недостатки тебе прекрасно известны, а чужого, далекого и неизвестного, не маячащего ежедневно перед глазами, возводить на пьедестал.

В проходных домах люди критиковали друг друга постоянно. В непрекращавшихся сплетнях, подглядывании за соседями, обсуждениях чужих проблем и бултыхались «счастливые» обладатели этих жилищ, впрочем, вполне довольные своим положением. И, подобно короедам, которые, раз попав в главное блюдо, уже не осознают этого печального факта, они также не придавали значения тому, что, сплетничая и подглядывая, они совсем не делают себе чести.

Тэнке же повезло – ее родители являлись счастливыми обладателями огромного дома-пещеры, состоящего из целых десяти отсеков. Отдельное помещение использовалось в качестве кладовой и места для разведения просперитей, в остальных с относительным удобством проживала большая семья. У Тэнки было много братьев и сестер, в том числе и двоюродных. Отец ее был весьма удачливым рудокопом, которому однажды неслыханно повезло: во время своих работ он случайно наткнулся на залежи драгоценных камней. Ему удалось выгодно продать их проезжим армугам и на полученные деньги приобрести славную пещеру, где он посе-

лился с молодой красивой женой. У них было столько денег, что иногда они даже арендовали у армутов единорогов, чтобы отправлять младшую дочь в Ту-что-примыкает-к-лесу.

Когда Артур, Алан и Тэнка подошли к гигантскому холму, Алан остановился и сказал им:

– Есть несколько колодцев, по которым можно спуститься в город: на западе, на востоке и с южной стороны. К южному входу я идти не хочу, так как там постоянно околачиваются армуты. Сестренка, я надеюсь, ты взяла с собой проходной лист?

– Конечно, я же ничего не забываю, в отличие от тебя, – огрызнулась девочка, все еще думая о предстоящей разлуке с Артуром. В ней боролись два чувства: с одной стороны, она страстно хотела увидеть свою семью, с другой – приходила в ужас от перспективы оставаться одной в подземелье.

– Ну, школяр, что выбираешь: запад или восток? – поинтересовался Алан.

– А где находится Черное море? – спросил мальчик, несказанно удивив Тэнку и Алана.

– Откуда это у тебя такие познания в географии, школяр?

– Я бы хотел на него взглянуть, – уклончиво ответил Артур. Он вспомнил, как Диана рассказывала ему историю о том, что чуть не утонула в этом озере, которое жители Кагилу называли морем. Так может, она жила где-то недалеко от озера? Впрочем, все это лишь мечты, и Артур это очень хорошо понимал. Найти сейчас Диану в Кагилу было предприятием настолько невероятным и малоосуществимым, словно, выражаясь на беруанский манер, искать короюда на гигантском древе.

– Тогда нам на восток, а дом Тэнки на юге. Так что без разницы, где заходить, – с этими словами рыжеволосый юноша уверенно двинулся вдоль холма, ловко расчищая дорогу от крапивы. Вокруг была такая тишина, что Артуру плохо представлялось, что где-то под его ногами кипит жизнь. Люди работают, обрабатывают камни, учатся, едят. Конечно, воображение позволяло мальчику нарисовать себе различные картины жизни кагилуанцев, но все же он не мог не отметить, что его фантазии при этой тихой окружающей обстановке были слабо сопоставимы с реальностью. Когда вокруг ни души, а в воздухе такая оглушительная тишина, что даже насекомые не выдают своего присутствия, а ветер также замолкает, поддержав всеобщее безмолвие, то действительно слабо представляется оживленный таинственный город, который сейчас казался не менее призрачным, нежели мираж.

– Мы вряд ли еще увидимся, да, Артур? – продираясь сквозь заросли жгучей крапивы, серьезно заметила Тэнка. Она уже мучилась угрызениями совести оттого, что недавно так грубо разговаривала с объектом своих симпатий.

– Я не знаю, – честно ответил мальчик, не глядя на подругу.

– Я волнуюсь за тебя. Из-за моих капризов вам придется проделать сложный путь. Наверное, я была права, когда попросила взять меня с собой, – с сожалением проговорила девушка.

– Зато не было скучно, – ухмыльнулся Артур, вспомнив все проказы девочки-сорванца.

– Просто Алан... Он, конечно, отличный проводник... Но от Кагилу пешком ему приходилось идти лишь несколько раз, и он, вероятно, не так хорошо помнит путь. Вам нужно обязательно найти дорогу купцов, и она приведет вас напрямиком в Беру.

– Я думаю, мы ее найдем, – беспечно ответил Артур, глаза по сторонам. Они вот уже более часа обходили холм, но пока никаких колодцев не было видно и в помине. Артур уже с нетерпением ждал встречи с подземным городом, так как она несла в себе, пусть даже небольшую, но все-таки надежду увидеть Диану.

– Тебе не терпится встретиться с ней, да? – пробормотала пронизательная Тэнка, в два счета угадав его мысли. Артур не ответил, только посмотрел на нее, и этот взгляд красноречиво говорил о том, что девочка совсем недалеко от истины.

Алан чуть отдалился от них; видимо, ему хотелось поскорее оставить взбалмошную сестру и идти дальше. Во время похода клипсянин заметил, что их проводник как-то особенно торопится. Иногда он даже заставлял ребят идти до самой поздней ночи, ссылаясь на свои

неотложные дела в Беру. Артура, в принципе, это устраивало, так как и он хотел поскорее оказаться в древесном городе.

Алан ушел совсем далеко, но, впрочем, через некоторое время вернулся с каким-то странным обеспокоенным выражением лица.

– Что-то не так? – поинтересовался Артур.

– Я не совсем понимаю... – в волнении пробормотал рыжеволосый юноша. – Но колодца больше нет!

– Как нет? – удивилась Тэнка. – Может, ты просто проглядел его, братец?

– Нет, прохода действительно нет, я очень хорошо помню дорогу... Возможно, жители завалили его камнями, но зачем, я не знаю. В любом случае, это удлиняет наш маршрут на несколько часов. Попробуем войти через западный вход... Не могу понять, эти колодцы всегда служили дорогой в город... Я думаю, нам не следует возвращаться, давайте просто пройдем по холму. Но будьте аккуратны, камень хрупкий и может осыпаться. Тем более что под нами жилые пещеры.

Ребята забрались на пологий холм и теперь шли по нему. Земля действительно была очень мягкой, сыпучей, и порою, наступая на камни, Артур ощущал, что под ним, кроме тонкой прослойки земли с растениями находится пустота, и возможно, чей-то подземный дом. В такие моменты ему хотелось весить не более, чем растущая здесь повсеместно крапива. Тэнка тоже шла осторожно. Вероятно, им лучше было бы пройти вдоль подножия холма, но они предпочли более короткий путь, потому что и так потеряли много времени. Алан начинал волноваться, и на его загорелых щеках от беспокойства проступал кирпичный румянец.

Ребята шли около часа и, в конечном итоге, когда уже стало темнеть, они, наконец, оказались у второго колодца.

– В степи большие перепады температуры, – с сильным беспокойством заметил Алан. – Днем в оюне температура может подниматься до сорока градусов, зато ночью снижается так, что на траве порой образовывается иней. Помимо этого, может начаться гроза с ветром. Очень славно, что мы нашли вход в город. Мы переночуем внизу.

С этими словами рыжеволосый юноша приблизился к едва заметному колодцу, который был прикрыт плоским и совершенно гладким круглым камнем. По бокам его росла высокая трава, удачно маскировавшая проход. Казалось, западным колодцем давно не пользовались, и он, заброшенный и покинутый людьми, от безысходности завел дружбу с полевыми растениями. Плита, закрывавшая проход, была темно-коричневого цвета, что делало ее практически неотличимой от песчаных островков, которыми изобилует здешний ландшафт.

Тем временем Алан достал из своей сумы маленький драгоценный рубин, по форме напоминающий ромб.

– Ты не думай, школяр, я не богач, – хмыкнул Алан, проследив за удивленным взглядом Артура. – Это ключ, – с этими словами он прислонил камень к еле заметному отверстию в плите, напоминавшему небольшую трещину. Вдруг послышался неприятный скрип, какой издают обычно несмазанные телеги, и плита стала гостеприимно отодвигаться в сторону.

– Добро пожаловать в прекрасный град Кагилу, господа путешественники, – шутивным голосом провозгласил Алан, указывая рукой на открывавшийся проход.

Глядя на эту глубину, развертывающуюся у них под ногами, Артур почувствовал легкое головокружение. Слишком живы еще были у него воспоминания о мрачной пещере, где остался отец с Вингардио.

– Тэнка, давай пропуск. Внизу будут часовые, они церемониться не любят. Я пойду первым, вы за мной.

Тэнка протянула ему какую-то заскорузлую бумажку, и Алан, бережно положив ее к себе в карман, начал спускаться по каменной лестнице. Артур пошел следом, а замыкала шествие Тэнка.

Когда ребята только начали спускаться, клипсянину показалось, что колодец освещается красноватым, заходящим над равниной солнцем. Однако вскоре сделалось очевидным, что вовсе не солнце является главным источником освещения под землей. Гладкие стены колодца, отполированные до блеска, казалось, были выкрашены в бордовый, цветочно-желтый, серебристо-сиреневый, горчичный цвета. Однако они не только были цветными – от них еще исходило мягкое свечение, и казалось, будто за своими массивными стенами они заточили само солнце. Преломляясь и смешиваясь между собой, как в камере обскура, эти цвета окрашивали стены волшебной светящейся краской, подобно самым искусным художникам. Артуру чудилось, будто он спускается в неведомую сказочную страну, которая поражает изобилием красок и света, несмотря на отсутствие солнца. Сама радуга отпечаталась на стенах подземелья. Впрочем, спустя какое-то время эта неопишуемая красота начинала становиться надоедливой; краски больно резали глаза, мешая рассмотреть дорогу.

А тут тоже было чем восхищаться. Лестница, по которой они спускались, дышала стариной. Она поражала своей великолепной мастерской кладкой, изящной формой и удобными ступенями. Все было задумано так, чтобы ноги не скользили на гладкой поверхности; вероятность неудачного падения была сведена к минимуму. На каждом камне умелые мастера вырезали красивые узоры и какие-то инициалы, которые не повторялись ни на одной ступеньке. Возможно, то были имена самих мастеров, которые приложили руку к этому великолепию. При одном даже только взгляде на эту изящную витиеватую лестницу можно было понять, что Кагилу – город отнюдь не посредственный, а напротив, достойный звания одного из величайших рукотворных чудес.

С любопытством глаза по сторонам, Артур даже как-то не заметил, что уперся прямо в спину Алану, который почему-то замер на месте как вкопанный. Свет, исходивший от камней, причудливо окрашивал лицо рыжеволосого юноши, которое, несмотря на комичные оттенки, выражало сильную тревогу. Можно было даже подумать, что Алан побледнел, хоть это и не было заметно на первый взгляд.

– Отойди чуть назад, – грубо приказал Алан, и мальчик в недоумении подчинился.

– Что случилось? – с любопытством спросил он, тщетно всматриваясь вперед через плечо Алана. Но лестница делала крутой поворот, и Артуру ничего не было видно.

– Тэнка... ей нельзя сюда, – пробормотал сквозь зубы проводник, и Артур наконец смог понять причину, по которой они так внезапно прекратили свое продвижение.

Чуть ниже, там, где заканчивался колодец и начинался сам город, стоял стражник, прислонившись к светящейся стене. Расслабленная поза и чуть опущенные плечи могли говорить о том, что мужчина, за неимением посетителей, небрежно заснул на своем посту. Однако что-то в его позе было противоестественным, и Артур даже сперва не понял, в чем дело. Присмотревшись же повнимательнее, мальчик с ужасом обнаружил, что человек этот, по всей видимости, мертв. Ни одно живое существо не смогло выжить, если бы его голова развернулась под таким углом. Похоже, что у несчастного была перебита шея.

Алан какое-то время находился в оцепенении, в ужасе глядя перед собой, затем он резко развернулся к Артуру.

– Не дай Тэнке...

– Что там опять стряслось? – недовольно буркнула девочка, показавшись на несколько ступеней выше от ребят. – Что вы шепчетесь? – ее обиженный голос как-то слишком звонко прозвучал в пещере и эхом отозвался в ее сводах.

– Тише! – шикнул на нее Алан вне себя от увиденного. Но проводник опоздал с предупреждением. Девочка заметила охранника и вскрикнула так, что Артур на мгновение подумал, что стены колодца не выдержат такого звука и обрушатся прямо на своих незваных гостей.

– Что тут происходит? – уже шепотом перепросила Тэнка, и этот шепот выглядел еще более ужасно и противоестественно, чем крик.

– Похоже, что... Что на город напали, – предположил Алан, в волнении облизав губы. Надо отметить, что этот храбрый малый в своей еще недолгой жизни сталкивался со многими неприятностями, но именно сейчас, когда прямо на него в упор смотрела мертвая голова часового крупнейшего города людей, ему стало нехорошо. – Может... Может, нам не следует заходить внутрь? – тихо и как-то неуверенно сказал Алан Воришка, но в ответ ему было дружное «нет». Тэнка переживала за родителей, а Артур, конечно же, надеялся не найти здесь Диану, так как по всему было видно, что ей сейчас куда лучше оказаться в любом другом месте, но только не в этом злополучном городе.

– Просто... Идти вперед, вы понимаете... Это может быть слишком опасно. Мы не знаем, что убило часового, но вдруг мы сейчас с этим столкнемся? – опять забормотал Алан. Надо отметить здесь, что его поведение было вызвано отнюдь не доводами разума. Бесстрашный рыжеволосый юноша имел одну неприятную слабость: он страдал клаустрофобией. Представить хоть на секунду возможность оказаться под землей в замкнутом пространстве лицом к лицу с непредвиденными опасностями – одна только эта мысль повергала Алана в совершеннейший ужас.

– Надо посмотреть, что с часовым, – предложил Артур и, преодолевая отвращение, приблизился к почившему навсегда стражнику.

Это был мужчина лет сорока, облаченный в доспехи, которые для красоты были игриво украшены драгоценными камнями. Его голова небрежно откинулась в сторону, словно тело неожиданно усомнилось в ее надобности. Лицо несчастного выглядело смиренным и покорным своей судьбе, оно не выражало печали или страха. Казалось, сама смерть перед тем, как унести его душу, спросила его позволения, и он согласился без малейшего ропота.

Признаки тления не затронули беднягу, но виной тому была, возможно, довольно низкая температура в колодце. Мужчину могли убить когда угодно, и сложно было определить точный срок, не имея достаточных медицинских познаний в этой области.

– Выглядит так, словно совсем недавно умер, – прошептал Алан побелевшими губами. Он продолжал неотрывно смотреть на мертвеца, будто в этом был какой-то мистический смысл, доступный только ему одному.

– Пошли, – скомандовал Артур, и Алан послушно двинулся вслед за ним, словно их роли поменялись в этот момент, и ученик Троссард-Холла неожиданно сделался новым проводником.

Часовой стоял перед каменным сводом, который являлся своеобразным входом в подземелье. Когда Артур ступил внутрь, его глаза были ослеплены еще более сильным свечением, исходившим от стен, которые, казалось, были выложены драгоценными камнями.

Убранство города было прекрасным. Разноцветные пещеры, разные по величине, были нанизаны одна на другую, и, издавек обозревая эти туннелеобразные проходы, создавалось впечатление, что смотришь на яркую радугу, только появившуюся после дождя. Сталактиты и сталагмиты, сформированные естественным путем, служили жителям города украшениями и декорациями для подземных улиц. Из них местные мастера формировали прекрасных животных: большие камни явились подспорьем для создания красивых оленей, стоявших рядом и любовно переплетавшихся рогами, маленькие полевые зверьки, похожие на хомяков и сусликов, были сделаны из камней поменьше. Некоторые сталагмиты мастера превратили в настоящие сады – с яблонями, декоративными деревьями, цветами – короче говоря, во все то, что так восхищает наш взор на земле. Можно даже было понять в какой-то степени нежелание каги-луанцев покидать свой город. Конечно, он находился под землей и, возможно, не отличался благоприятным климатом, но при этом – как же он был прекрасен!

Артур шел вперед, очарованный этим местом так же, как он когда-то восхищался Беру. Главное отличие человека от животного – это то, что он не приспособливается под среду обитания, меняя оперение или сбрасывая шерсть. Человек старается все переделать под себя, чтобы

ему было удобно жить, не меняясь самому. И подобные великолепные города лишний раз показывали, насколько человек способен изменить мир вокруг себя.

Впрочем, подземелье только в первые минуты очаровывало своим роскошным убранством. Внешняя красота не могла затмить той тревожной обстановки, которая была навеяна встречей с мертвым стражником, а также неприятной пустотой подземных улиц. Кагилу был неприветливо молчалив, словно находился в ожидании чего-то страшного, и шаги путников звучали здесь звонко, отражаясь гулким эхом от сводов, немного дико и странно. Пришельцы казались лишними в торжественной обстановке почившего города, который отчего-то растерял всех своих жителей.

– Ты идешь не туда, – заметил Алан, который наконец-то овладел собой. – Нам нужно брать правее.

– Иди первый, – предложил Артур.

– Я не знаю, стоит ли нам подходить к ее дому, – шепотом произнес Алан, когда поравнялся с юношей. – Здесь произошла какая-то ужасная трагедия, и я сомневаюсь, что мы... э-э... найдем кого-либо в живых...

Но предупреждение это было напрасным, так как Тэнка обогнала ребят и решительно устремилась вперед по длинным витиеватым коридорам. Она никого не слушала, ибо ею двигало желание увидеть родителей в целостности и сохранности.

– Подожди, сумасшедшая! – в отчаянии крикнул Алан, но девчонка, не слушая его, уже неслась по давно знакомым ей проходам.

– За ней! – воскликнул Алан и побежал следом. Путешественники в данный момент пересекали проходные пещеры – чьи-то своеобразные жилища и одновременно улицы города. Эти пещеры были обставлены довольно лаконично, так как лишь немногие из бедняков могли позволить себе вещицу, более или менее украшавшую их скромный быт. Порою на стенах мелькали картины, написанные самими же жителями. Иногда встречались красивые предметы, вырезанные из камня. У каждой пещеры имелись круглые окошки, не закрытые занавесками, и проемы побольше, что служили дверьми. В некоторых пещерах потолок был так низко, что приходилось наклоняться, в других же, напротив, можно было стоять вполне комфортно, выпрямившись во весь рост.

Среди мелькавших комнат Артур узнавал гостиные, столовые и кухни. Залы были обставлены весьма скудно, но, тем не менее, их назначение легко угадывалось по разбросанным предметам. За все время своего продвижения ребятам не встретился ни один человек, который мог бы хоть сколько-нибудь объяснить произошедшую здесь трагедию.

О том, что это была трагедия, мальчик не сомневался ни на секунду. Сами стены, подпиравшие город, стонали от боли.

И вот, наконец, перед друзьями возникла пещера, где когда-то жила семья Тэнки. Девочка уже скрылась в одной из многочисленных комнат этого большого зажиточного дома. О том, что пещера принадлежала богатым людям, говорили драгоценные украшения на внешних стенах. Оконные проемы здесь были закрыты деревянными ставнями, и даже кованая дверь в этом странном пещерном доме присутствовала.

Ступив в первую комнату, Артур поразился красоте внутреннего убранства. Тут стояли резные медные сундуки, по которым были аккуратно разложены вещи и предметы обихода. Гостиная была украшена столами с красивыми каменными стульями, чьи спинки были вырезаны в виде морды какого-то дикого животного, не то волка, не то лисицы. Стол вальяжно разместился на четырех столбиках, которые также представляли собой лапы каких-то диковинных зверей. Шикарные комоды из темного дуба, расписные ковры на полу и на стенах с рисунками единорогов, резвившихся в лесу, дополняли образ этой роскошной пещеры. Стены в доме были темными, освещался только потолок, вследствие чего в комнатах не рябило так сильно в глазах, как на улицах города.

Тэнка сидела на стуле, положив голову на руки.

– Никого не нашла, – глухим безжизненным голосом произнесла она, и Артур, глядя на потухшие карие глаза смешливой девчонки, не узнал ее. Сейчас это была маленькая старушка.

– А отец... Кажется, с ним что-то случилось, – добавила Тэнка все тем же голосом и протянула ребятам какой-то лист.

Кагилуанцы писали на бумаге, используя вместо чернил разведенный древесный уголь. На листке, который Тэнка показывала ребятам, этим самым углем было начертано послание. Сложно было понять, кому оно адресовано; письмо являлось скорее посланием всем и в то же время никому. Как потом понял Артур, записи принадлежали матери Тэнки, Лейланде.

«В Кагилу начались волнения. Люди походили с ума, а рудокопы просто озверели. Мы старались не покидать дома, чтобы не участвовать во всеобщем сумасшествии, но на днях нас вынудили примкнуть к одной из группировок. Я осталась дома, а мой муж так и не вернулся. Я слышала звуки резни и боюсь, что он вряд ли когда еще переступит порог родной пещеры. Половина жителей погибла от рук своих же соседей. Я не понимаю, что происходит, и мне страшно за детей. Завтра мы постараемся выбраться из города, но, по слухам, восточный колодец уже завалили. Боюсь, сейчас даже у армутов спокойнее, чем в родном доме...»

Страшными были эти письма женщины, которая в нескольких фразах смогла передать весь ужас случившейся трагедии. Ужас, но все же не то, что на самом деле произошло. Непонятным был тот факт, почему одни жители города стали нападать на других. Какая воля побудила мирных кагилуанцев совершить подобное зло?

– Мы должны дойти до озера, – предложил Артур. Он хотел осмотреть весь город, хоть и смутно предчувствовал, что ничего хорошего увидеть ему не придется.

– Я останусь здесь, – уставшим голосом проговорила Тэнка.

– Нам лучше не разделяться, – возразил Артур. Ему было ужасно жаль подругу, но он не хотел это показывать. Ему было известно, что жалость только угнетает дух, а сейчас им всем надо быть сильными и готовыми к любым неприятностям.

– Хорошо, – безразлично подчинилась Тэнка и вяло побрела за ребятами. Она слабо понимала, что происходит и что ей следует делать. Было очевидно, что остаться в Кагилу она уже не сможет ни при каких обстоятельствах.

– Алан, где озеро? Мы должны выйти к нему, – попросил Артур, сам не зная, что он желает увидеть.

– Что ж, пошли, – ответил проводник уставшим безвольным голосом. Ему также не хотелось ничего предпринимать.

Ребята вышли на главную улицу города. Это был огромный длинный туннель, по обе стороны которого виднелись фасады неуклюжих кособоких домов-пещер. Рядом с каждой постройкой местные мастера вырезали из камня деревья, чтобы вид улицы напоминал жизнь на поверхности, вне подземелья. Наверное, в былые времена главная улица города была оживлена беспечными прохожими, черномазыми трудягами-рудокопами и веселыми ребятами, но сейчас она будто издевалась над своими неожиданными гостями, которые так беспардонно посмели нарушить ее безмолвное одиночество.

На некоторых мраморных деревьях висели плоды из камней агата размером с кулак, что наверняка раньше выглядело богато и благородно, ведь они отдаленно напоминали гранаты. Однако сейчас их неестественный ярко-красный цвет вызывал лишь негативные эмоции – он действительно ужасал, ведь казалось, что плоды до краев наполнены кровью. Были здесь и кустарники пониже, и даже фонтаны, которые сейчас уже не функционировали. Некоторые пещеры оформлялись кагилуанцами на манер лавочек и магазинов – у них отсутствовала передняя стена, и можно было увидеть каменные прилавки. На полочках лежала всевозможная снедь, которая, судя по всему, уже начала портиться, несмотря на прохладу.

Кстати, на центральной улице отчего-то было теплее, чем в колодце, где ребята нашли тело мертвого стражника. Еда, которая здесь находилась в изобилии, не внушала желания ее отведать. В своеобразных мясных лавках в беспорядке валялись беловатые склизкие личинки просперитей, источавшие невообразимый смрад.

Создавалось ощущение, что Кагилу продолжает в какой-то степени жить, но уже самостоятельно, без непосредственного участия горожан. Чудилось, что сейчас из-за угла вылетит призрак и нападет на испуганных и расстроенных путников.

– Скоро выйдем к озеру, – предупредил Алан, когда они миновали главную торговую улицу и опять стали идти через проходные дома. Артур услышал эти слова, но странное дело: еще до того момента, как Алан их произнес, мальчик каким-то немислимым образом почувствовал, что они приближаются к озеру. В его душе взвились отголоски прошлого, чего-то знакомого и неприятного. Сердце сжалось, и какой-то дикий, неконтролируемый страх овладел всем его телом.

А потом появилось странное, плохо поддающееся описанию, острое желание идти вперед. Оно как бы манило и подталкивало его, сулило необычайные наслаждения и неизведанные ощущения. Однако же, несмотря на эту манящую силу, мальчик чувствовал в своем сердце, что правильным будет собрать в кулак всю волю и не поддаваться сладкому зову. Иногда мы очень многое оправдываем своими неконтролируемыми желаниями и считаем, что не поддаться им было нельзя, ибо это противоречит нашей природе. Но сильные духом люди знают, что наша воля сильнее любых страстей мира, и если однажды вы сами захотите сказать «нет» какой-нибудь пагубной привычке, то, поверьте, вы от нее избавитесь.

Артур не осознавал еще вполне эту мудрость, но сердце подсказывало ему правильные действия. Соппротивление, которое он выказал по отношению к этому сладкому призыву, совершенно лишило его сил. Юноше стало так плохо, что он в изнеможении остановился, прилонившись к одной из пыльных стен. У него закружилась голова.

– Я... не могу, – прошептал Артур тихо и жалобно. Алан и Тэнка не проявили ни малейшего участия; более того, они даже не обернулись в его сторону, а продолжали устремляться вперед, словно ведомые какой-то непостижимой, нечеловеческого происхождения силой.

– Стойте, – слабо пробормотал клипсянин, не имея в себе достаточно сил произнести это более убедительным голосом. Действовать нужно было быстро, и мальчик, преодолевая ужасную слабость, схватил с земли первый попавшийся камень и кинул его в сторону Алана. Камень больно ударил проводника по ноге, и тот в недоумении остановился. Он словно какое-то время размышлял, откуда мог прилететь этот осколок мрамора, который причинил ему такую боль. Затем он перевел взгляд на Артура, и глаза его неестественно помутнели.

– Это ты, да? Ты! – Эти фразы Алан с ненавистью исторгал из своей глотки и представлялось, что они принадлежат вовсе не ему, а другому, неизвестному чужаку, но по какой-то немислимой причине эти слова помимо воли выходили именно из его рта. А потом случилось совсем невероятное: проводник медленно достал из-за пазухи кривой нож.

– Очнись, очнись! – в волнении шептал Артур, но тщетно.

– Кто ты вообще такой? – распалая себя Алан. Его рыжие волосы разметались по плечам, а глаза горели огнем ненависти. – Появился неведь откуда и неизвестно, куда идешь. В то время как другие должны вкалывать в поте лица ради какой-то там ничтожной ветки! Я не верю тебе, не верю, что ты ищешь своих друзей. Ты не тот, за кого себя выдаешь! Ты – мее-ерзость! – во весь голос кричал обезумевший юноша, а его выкрики эхом разлетались по пещерам.

Все эти слова напоминали бред, и действительно, Алан будто постепенно сходил с ума. Взметнув своей рыжеволосой гривой, в несколько громадных прыжков он подлетел к Артуру и хотел было ударить того ножом, и даже успел замахнуться, но между ними неожиданно встала Тэнка, загораживая собой мальчика. Смелая девчонка была в страшном гневе, ее глаза

металли молнии, и в этот самый момент она вдруг стала женственной и вместе с тем прекрасной. Девушка была готова пожертвовать собой ради того, кого она любила. Эта жертвенность остановила Алана и как-то мгновенно привела его в чувство.

Еще минуту рыжеволосый юноша с недоумением смотрел на свой нож, не понимая вполне, как это страшное орудие оказалось у него в руках, когда должно бы висеть на поясе. Потом он перевел испуганный, почти детский взгляд на своих друзей и умоляюще произнес:

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? Что вообще тут творится?

– Назад, быстрее, – сказал Артур, и ребята, чуть не падая от слабости, кинулись обратно на главную улицу. Только когда беглецы миновали несколько проходных домов, Артур ощутил, как голова просветляется, а силы восстанавливаются.

– Прости меня, школяр, – виновато проговорил Алан. – Я, право же, совсем не понимал, что делал. Безумие какое-то, честное слово!

– Я знаю, – ответил Артур. Мальчик теперь знал и еще кое-что. Голоса в школе имели то же происхождение, что и это зло, разлившееся по пещерам подземного города Кагилу: необъяснимая ярость Алана и реакция Тина на слова, произнесенные Артуром на неизвестном языке в спальном домике, были слишком похожими. У них был один источник, и это вдвойне печалило его. Дела оказывались совсем плохи. Чем быстрее он доберется до Беру, тем лучше.

От осознания того, что они могли уже быть на полпути к столице, у Артура сжалось сердце. Где-то его ждали друзья, ждала и Диана, а он здесь и по чьей вине? Его глаза заматались, ища виноватого, и взор его упал на Тэнку, глупую капризную девчонку, увязавшуюся вслед за ними.

– Я был бы уже в Беру, если бы не ты! – зло сказал юноша, чувствуя, как желчь изливается из него и заставляет говорить гадости. Тэнка удивленно посмотрела на Артура, но ничего не сказала. Она была слишком слаба, чтобы как-то на это реагировать.

– Слышишь? Я был бы уже с Дианой! Зачем ты только напророчилась с нами? Сидела бы в своей деревне! Из-за тебя, да, именно из-за тебя мы застряли в этом отвратительном городе! Ты во всем виновата! И как ты вообще могла думать, что понравилась мне, это же нелепость! – голос мальчика будто не принадлежал ему больше, в нем даже появились какие-то визгливые истерические нотки, совсем не характерные для Артура.

Тэнка остолбенело остановилась, с укором взглянула на юношу, и со всех ног побежала вперед, не останавливаясь. По ее щекам текли слезы, но она не вытирала их.

– Эй, придержи коней, иначе пожалеешь, школяр! – с возмущением воскликнул Алан, намереваясь, забыв все на свете, опять кинуться на мальчика с ножом, но тот и так уже очнулся от своего временного умопомрачения.

– Я... Нет, Тэнка, стой, – крикнул Артур. – Подожди нас, не убегай, пожалуйста. Что же я наделал! – с болью в голосе воскликнул он. – Как же я так ему поддался?

– Кому – ему? – широко раскрыв глаза, спросил Алан. Проводнику уже начинало казаться, что все вокруг поскользилось с ума, и он – в первую очередь. Ситуация была такой странной, что Алан вообще перестал что-либо понимать. Происходящее было как во сне, страшном, безумном сне.

– Ему! – опять повторил Артур и широкими шагами подошел к неработающему фонтану, выложенному мраморной плиткой. – Если я прав, то... – мальчик заглянул внутрь и стал внимательно рассматривать каменное дно. – Да, я прав, – хриплым голосом подтвердил он и указал пальцем на чашу, которая в былые времена была наполнена водой. – Ты видишь?

Алан наклонился к фонтану, все еще не понимая. И тут он разглядел на камне странные желтые лужицы. Как если бы из фонтана била не ключевая вода из подземных родников, а настоящее оливковое масло. Такая же желтая, жирная, эта мерзкая субстанция обволакивала собой камень, вызывая рвотные рефлекс у любого, кто посмотрел бы на нее.

– Что за?.. Что это? – с отвращением проговорил Алан, отшатнувшись от фонтана. Ему тут же захотелось отбежать как можно дальше.

– Я уже видел его, – задумчиво сказал Артур. – Желтое море. Только вот как оно оказалось здесь? В городе есть подземные реки, Алан? – спросил он.

– Я... не знаю. Вроде есть, но я вообще не понимаю, о чем речь.

– Мы должны догнать Тэнку! – воскликнул Артур и, ничего не объясняя, кинулся по подземным коридорам, пытаясь предугадать, куда могла побежать сумасбродная девчонка. Если бы он держал себя в руках, если бы не поддался жалости к самому себе, если бы гнев и гордость не выиграли в нем, путники никогда бы не разделились. Артур сам – сам! – позволил Желтому морю одержать над собой победу. Именно оно заставляло его говорить гадости и обижать ту, которая спасла его от ножа Алана.

Юноша чуть не плакал, ненавидя самого себя. Одна ошибка, одно послабление – и все, все идет крахом! Ребята бежали по пустынным улицам города, и мимо них мелькали пещеры с черными глазницами окон. Тэнка пропала. Ее не оказалось даже в родительском доме, и мальчиков постепенно начала охватывать паника.

– Вдруг она ушла к озеру... – взявшись за голову, стонал Алан.

– А разве к озеру ведет не единственная улица, по которой мы шли? – спросил Артур, который умудрился сохранить ясность ума, несмотря на пережитые испытания.

– Да, одна... – невнятно проговорил Алан и вдруг заплакал. И так это было жалко: плачущий юноша, не в силах совладать с эмоциями, ревел как ребенок, по-детски наивно, утираясь от слез своими же прекрасными рыжими волосами.

Артур в бессилии сел на богато украшенный каменный стул, принадлежавший когда-то родителям Тэнки, и задумался. Мальчик вспоминал слова единорога. «Мы называем их Тенями... Берегись моря... Старайся, чтобы оно не вошло в тебя...» Чего, собственно, хочет море? Или, вернее сказать, эти Тени? Им нужно освободиться, а сделать они это могут, только завладев человеческой душой. И человек сам вправе разрешить им это сделать.

«Море не заставляет нас ненавидеть... Оно позволяет нам это делать, – подумалось Артуру. «Все мерзкие качества, которые когда-либо присутствовали в каждом из нас, проявляются только в том случае, если мы сами этого хотим. И море позволяет осуществлять наши желания. Я проявил эгоизм по отношению к Тэнке, Алан же – ненависть по отношению ко мне. Все эти чувства были в нас, но они дремали. А Тэнка... Какое чувство море вызвало в ней?» – размышлял Артур. Мальчик понимал, что только это сможет помочь ребятам найти пропавшую девочку.

– Я понял! – вдруг воскликнул он, прервав жалкие всхлипы Алана. – Море вызвало в ней обиду! И она захотела убежать как можно дальше от нас! Она уже не в городе! – воскликнул он.

– Но где же она выбралась? – с недоумением проговорил Алан.

Артур уже не сомневался.

– Южный колодец. Она побежала туда.

– Ты уверен? С какой стати ей так далеко отходить от нас? Кем ты вообще себя возомнил, прозорливцем? – Алан опять начинал горячиться, но Артур подошел к нему и спокойно сказал, доверительно положив руку проводнику на плечо:

– Если хочешь найти свою сестру живой, ты должен делать то, что я тебе скажу. По моей вине она ушла, и я смогу ее найти. Но тебе желательно помочь мне, а не мешать. Мы здесь в ловушке, и море способно управлять нашими эмоциями. Все плохое, что есть в нас, вблизи этой желтой воды многократно усиливается. Ты должен верить мне и не допускать, чтобы зло входило в твое сердце.

Алан мало что понял из этой тирады, но он любил свою сестру, и это сильное чувство возобладало над остальными. Он согласно кивнул и повел Артура к южному колодцу. Теперь

рыжеволосый юноша снова выглядел как проводник, и только еще не высохшие слезы на щеках говорили о его недавних переживаниях.

Мальчики вновь бежали по городу, гонимые злыми чарами, что властвовали в подземелье. Ничто уже не останавливало их, и они совершенно перестали бояться.

Желтое море безвластно, когда мы делаем что-то ради других людей.

Несколько раз ребятам приходилось подниматься по крученым лестницам, иногда спускаться глубже под землю. Они не встретили на своем пути мертвых людей, но при этом ребята не сомневались, что большинство из тех, кто жил в этом городе, погибли. И вот наконец на их пути появилась шахта, где трудились рудокопы. Она вела напрямик к южному колодцу. Здесь-то ребятам и пришлось столкнуться с ужасной действительностью.

На полу и везде, куда только проникал взгляд, лежали люди. Все они, без сомнения, были мертвы. Кто-то стиснул в руках кирку, кто-то держал в руках оружие. По ранам на их телах можно было сделать вывод о том, что всеобщее безумие поразило их неожиданно, и многие даже не были к этому готовы. И повсюду, решительно повсюду витала смерть.

Мальчикам пришлось, сжав зубы, пройти по этим телам несчастных, от которых распространялся невыносимый, тошнотворный запах разлагающейся плоти. Кагилу отныне войдет в историю человечества, как город мертвых, где уже вряд ли когда-нибудь захочет селиться человек, так как сочтет это дурным предзнаменованием. Никогда больше не будет идти торговля, и местные мастера никогда не изготовят красивых безделушек для армутов. Все безвозвратно останется в прошлом, и это прекрасное место, в величественных залах которого должен бы по праву звучать торжественный орган, так и останется огромной могилой для этих безымянных несчастных.

Когда ребята поднимались по каменной лестнице, они не оглядывались назад. За их спинами была смерть, а впереди – жизнь. Кагилу выплюнул из своего негостеприимного желудка непрощенных гостей, которые убегали, улепетывали в страхе, но не за себя.

Двое вылезли из полумрака подземелья к свету, правда, к лунному свету, так как сейчас была глубокая ночь. И легко у них стало на душе, как бывает, когда одержишь победу над самим собой. Они справились и прошли это испытание. Теперь оставалось только отыскать Тэнку. Выйдя на поверхность, Алан помог подняться своему напарнику. Лицо у него было испуганным.

– Армуты, – только и проговорил он.

Глава 7 Или стан армутов

Потихоньку светало, и кочевой город, состоящий из людей и холеных лошадей, начинал оживать. В полотняных лавках разжигали жаровни и готовили плов с сухофруктами; торговцы открывали свои лавочки, заботливо протирая каждую вещицу от пыли, женщины принимались за стирку, и вся эта живая вереница людей и животных приходила в движение, словно неожиданно включился какой-то секретный, невидимый глазу механизм.

Кочевые поселения армутов отличались во все времена тем, что у них не было постоянной дислокации; они, подобно миражам в пустыне, перемещались в пространстве, и никогда нельзя было заранее предугадать, где встретишь подобный город. Иногда он возникал на пути у странников, страдавших от жары или нехватки воды и провизии, и тогда бедняги оказывались вознаграждены за свои страдания миской горячего плова и кувшином с розовой водой. В иной раз, напротив, какой-нибудь богач мечтал поскорее добраться до своего родного гнезда на самой высокой ветке Королевства после выгодной сделки, а тут, как нестати, ему встречался этот кочевой город армутов, в который незадачливый путник погружался как в омут и выходил оттуда уже другим, порою даже в совсем неприличном виде, то есть напрочь лишенный одежды.

Разные люди приставали у сухопутных гаваней этих призрачных, почти мистических городов, и каждый, в зависимости от положения, склада ума и фантазии, находил в них что-то свое. Это был опыт, всегда различный, и никогда нельзя было заранее предугадать исход встречи с бродячим народом. За этот различный опыт Алан и не любил города кочевников: оживленные, бестолковые, где давка и суета царили безраздельно, где путников могли облапошить за милую душу и оставить без единого венгерика в кармане.

Алан с Артуром попались в сети армутов сразу же, как только, уставшие и расстроенные, выбрались из пещер Кагилу. Кочевники расположились станом около южного выхода из подземного города, видимо, намереваясь произвести торговый обмен, и даже сбивчивый рассказ Алана не убедил их в том, что в Кагилу лучше не заходить. Часть армутов все же отправилась внутрь подземелья, спустившись по южному колодцу, и Артур с Аланом мысленно простились с этими бесстрашными, но совершенно неразумными воинами. Большинство кочевников предпочли остаться на земной поверхности.

Путникам бесплатно предоставили лошадей, но с единственной только целью – заманить их в свой передвижной город, который носил многообещающее название «Мир чудес», и, казалось, он и вправду готов предложить своим гостям всевозможные удовольствия на любой вкус и кошелек. Алан бы ни за что не согласился туда ехать, несмотря на мнимое гостеприимство смуглолицых всадников, если бы один из них не обмолвился, что не ранее как час назад они сопроводили в Мир чудес испуганную беловолосую странницу, которая отчего-то не захотела назвать свое имя.

Тэнка выбралась из Кагилу, и это радовало ребят, хотя неизвестно еще, что было опаснее: чадные переулки Мира чудес или же безжизненные туннели подземелья.

Когда лошади доставили гостей в город, солнце уже высоко поднялось и начало нещадно жарить. У кочевников не было нужды в дорогах, так как они никогда не задерживались долго на одном месте. Поэтому все пешеходные улицы были песчаными; из-за ветра, толкучки на базарных площадях или же топота сноровистых скакунов мелкий грязный песок поднимался над землей и плотной завесой обволакивал город, который загадочно выступал из него, будто бы не решаясь открыться путникам в полной красе.

Артур в первый раз в своей жизни видел такую толкучку. На улицах жарили каштаны и красные перцы; в задымленных харчевнях стояли люди, ожидая своей порции риса с фруктами, который шкварчал в глубоких чанах в булькающем расплавленном курдючном жире; повсе-

местно играла музыка, причем совершенно разнообразная, начиная с барабанов и заканчивая свирелью и бубнами; торговки зазывали клиентов в свои лавчонки, где они могли предложить товар на любой вкус; фокусники жонглировали яблоками в карамели, а жуткого вида гадалки сулили прохожим богатство и счастье. Все это скопление людей двигалось, жевало, разговаривало, от них несло потом, сдобренным ароматическими маслами. Продавцы бодро совали под нос проходящим путникам свои пестрые товары – цветные ковры, балдахины, расшитые золотыми нитями халаты, глиняные изделия и прочие, по сути говоря, либо откровенные безделушки, либо явные излишества.

– Купи ковер, купи! Красивое ожерелье, купи! Недорогой кувшин, купи! – слышалось повсюду. Если прохожий с неудовольствием воротил нос от товара, то продавец продолжал бежать за ним по улице, теребя его за полы одежды и вопя истошным голосом: «Купи, купи, купи!» Тактика торговцев была вполне понятна: несчастный прохожий будет рад расстаться с любой суммой, только чтобы приставучий крикун отвязался от него.

И вот в таком людском водовороте оказались двое удачливых странников, которые чудом остались в живых после встречи с безмолвным городом рудокопов.

Артур заметил, что улицы в Мире чудес странным образом перемещались. Иной раз идешь по одной, и вдруг прямо перед носом какой-нибудь торговец взмахнет покрывалом и закроет проход. Путник поневоле сворачивает в образовавшуюся брешь между нескончаемыми лавками, и даже не успевает опомниться, как оказывается на совершенно другой улочке, где продают другие точно такие же товары. Порою некоторые хитрецы специально делали так, чтобы прохожий шел в обход непременно через его магазин. Нет-нет, да какой-нибудь богачей и прикупит себе вещицу на память. Из-за этой особенности города найти какое-нибудь конкретное место было чрезвычайно сложно. Поэтому Артур с Аланом, ошалелые от давки и напора продавцов, просто бестолково брели по улицам, куда глаза глядят, не имея даже возможности остановиться и передохнуть.

– Я бы не отказался от плова... – заметил проводник, когда они проходили мимо какой-то неблаговидной харчевни, откуда доносились ароматы кардамона, карри и жареной баранины.

– Сперва найдем Тэнку, – покачал головой Артур. Впрочем, мальчик уже и сам начал сомневаться в том, что в сонме всех этих людей разных цветов кожи, говорящих на разных наречиях, отличавшихся по профессии и социальному статусу, можно было отыскать заблудившуюся девчонку.

– Надо спросить у кого-нибудь, не видели ли они беловолосой чужестранки. Все-таки здесь в основном смуглолицые армуты... – последнее слово Алан произнес с легкой неприязнью. Ему претила культура кочевых народов, их нравы и обычаи, ужасная манера есть жирный плов голыми руками, внешность, длинные развевающиеся одежды, мускусный запах, исходящий от их кожи, сгорбленные, как у птиц, носы – короче говоря, все, что выделяло армутов среди других народов.

В какой-то момент, когда до смерти уставшие путники проходили по узкой улочке, Артур неожиданно остановился и кинул монетку нищенке, которая скромно сидела на песке, подбрав под себя свои длинные цветастые одеяния. Это была худощавая, вполне опрятная женщина средних лет с глазами какого-то странного светло-зеленого цвета. Она вопросительно подняла голову с тяжелой копной черных маслянистых волос и изучающе посмотрела на Артура, словно желая надолго запомнить его лицо. Алан саркастически фыркнул и раздраженно сказал своему спутнику:

– Зачем ты дал ей денег? Разве не знаешь, что все они совершенные плуты?

Артур пожал плечами и ответил:

– Лучше лишний раз дать мошеннику, чем однажды пропустить честного человека, попавшего в беду.

Алан с плохо скрываемой иронией окинул взглядом юношу.

– Всем все равно не поможешь, школяр.

– Лучше сделать доброе дело хоть одному человеку, чем не помогать никому, – парировал клипсянин.

– Лучше бы думал про добрые дела, когда разговаривал с моей сестрой, – пробурчал Алан, все мысли которого были о Тэнке. Артур хотел было ответить, но его приятель уже начал беседу с господином, который, по мнению Алана, не выглядел как армут.

– Добрый день, уважаемый! Не видели ли вы случайно девушку, белокожую, беловоловую, чужестранку, низкого роста в зеленом костюме?

Незнакомец был трюкачом, и в тот самый момент, когда рыжеволосый юноша окликнул его, он занимался тем, что пытался на своем коврикe закинуть ноги за голову. Прodelывал он этот фокус с небывалой старательностью; все его веснушчатое лицо было красным от перенапряжения. Трюкач с неудовольствием смерил взглядом незнакомецeв, но вежливое обращение пришлось ему по вкусу; видно, не каждый день его величали «уважаемым», да еще таким певучим иноземным говором. Поэтому мужчина выпрямился на коврикe, вернув, наконец, свои длинные ноги в нормальное положение, и в упор посмотрел на пришельцев.

– А кем она будет, рабыня что ли?

– Нет! – в один голос воскликнули Алан с Артуром, невероятно удивившись столь дикому вопросу. В крупных городах люди уже давно забыли о таких бесстыдных вещах, как работорговля, но нравы кочевых народов коренным образом отличались.

– А что тут такого, – с недоумением пожал плечами трюкач. – В Мире чудес, господа, возможно все. Тут не действует ни один закон, и не правит ни один властитель. Если кто-либо захочет вас взять в рабство, а вы не сможете оказать должного сопротивления – то, увы, ваша участь будет незавидной.

– И в чем же интерес жить в таком городе? Где твои права попираются на каждом шагу? – спросил Алан.

– В том-то и суть, парень. Кто смел, тот и съел. Игра, постоянная борьба за выживание – разве это не добавляет огонька? – трюкач уже потерял интерес к этим не в меру благовоспитанным чужестранцам и поэтому отвернулся от них, снова пытаясь проделать на цветастом ковре свой невероятный акробатический трюк. – Если бы я искал здесь человека, я бы прошелся по Улице мотов, – с напряжением проговорил он, словно что-то вспомнив.

– А как ее найти? – поинтересовался Артур.

– Город сам выведет вас туда, чтобы вы растранижирили свои деньги, – загадочно улыбнулся трюкач, стоя на голове.

Ребята последовали его совету, который, впрочем, не показался им особенно благонадежным. Интересное дело, но искать улицу даже не пришлось, так как через какое-то время бесцельного продвижения вперед ребята сами каким-то чудом вышли на нее.

Здесь было еще более дымно и чадно, а люди с ожесточением скупали товары, высунув языки то ли от потребительского азарта, то ли от нестерпимой жары. В какой-то момент Артур чуть было не наступил на заклинателя змей, который практически распластался на песке перед коброй. И повсюду стоял гомон: «купи, купи, купи».

Невероятно, но трюкач оказался прав. Ребята действительно увидели Тэнку. Девочка стояла перед какой-то лавкой, а бабушка с длинным горбатым носом совала ей в руки расписной парчовый халат, ожесточенно при этом жестикулируя.

– Тэнка! – крикнул ей Артур.

Девочка обернулась и увидела своих друзей. Ее лицо осветила радостная улыбка.

– Я уж думала, мне придется вечность вас ждать, – ворчливо заметила она, с наигранным неудовольствием поджав губы.

Алан был невероятно счастлив; он подскочил к сестре и закружил ее в объятьях.

– Ну зачем, зачем ты убежала? Как ты могла так поступить, как? – все повторял он, а его глаза снова были на мокром месте.

Артур тоже подошел к ним, лицо мальчика было виноватым. Посмотрев в глаза девочке, он произнес:

– Прости меня. Все, что я сказал там, в подземном городе – это неправда. Я не жалею на самом деле, что мы сделали крюк, и более того, я сам этого хотел. Теперь я узнал кое-что очень важное, и все благодаря тебе.

Тэнка серьезно взглянула на друга и сказала тихо:

– И вы меня простите, ребята. Сама не знаю, что на меня нашло... Я настолько все усложнила... Что бы со мной произошло, если бы вы меня не нашли... Страшно даже представить.

– Вы будете покупать товар или нет? – бабуля беспардонно вмешалась в разговор и даже возмущенно тряхнула перед их носом пыльным халатом. – Я из-за вас потеряла потенциальных клиентов, прошу возместить убытки и купить, наконец, этот отвр... прекрасный халат! – требовательным голосом произнесла она, но ребята уже ушли, смешавшись с толпой.

– Я думаю, нам надо перекусить и все обсудить, – заметил Артур. Друзья с ним согласились, так как уже целый день ничего не ели.

Выбор их пал на харчевню, откуда доносились приятные ароматы свежесваренного кофе и мяса на вертеле.

– Поедим здесь, – кивнул Алан, и ребята ступили внутрь задымленного заведения. Они примостились с краю возле окна, так как в глубине было слишком жарко.

Многие помещения в Мире чудес выглядели как большие полотняные палатки. Их не составляло труда разобрать и собрать, что было весьма удобно при кочевом образе жизни. Эти своеобразные сооружения могли буквально на глазах менять форму и конфигурацию, подстраиваясь под количество людей. Например, изначально ребятам показалось, что харчевня, куда они зашли, довольно маленькая по размерам, но по мере того, как прибывали клиенты, она как бы все расширялась и расширялась, покуда не превратилась в огромный зал.

– Какой шумный город! – пожаловалась Тэнка. – У меня от него болит голова.

– Надеюсь, мы здесь ненадолго, сестренка, – согласно кивнул Алан.

Юноша заказал всем троим огромные кули с рисом, мясо в виноградных листьях и кувшин с напитком из плодов фигового дерева, именуемый здесь «инжировой водой».

– Я угощаю, школяр! – с улыбкой провозгласил он. – Знай, что я не только Алан Воришка, но еще и очень щедрый!

Видно было, что его настроение улучшилось. Впрочем, надо отметить, вся их компания оживилась и повеселела. Когда им принесли холодный пряный напиток в кувшине и разлили по бокалам, Алан в упор посмотрел на Артура.

– Ну что, школяр, поговорим? Сдается мне, нам нужно многое разъяснить и о многом потолковать.

Тогда Артур поведал друзьям о Желтом море. Вернее, то, что он знал сам. Тэнка слушала внимательно, не перебивая, но Алан время от времени скептически поджимал губы.

– Рассказывай все, что угодно, школяр, но я не верю в этих... Как бишь их... Теней. Это уже совсем какие-то мистические существа. Я, конечно, много всего чудного видал в лесах, но о таком никогда и слыхом не слыхивал. Не верю я, врешь ты все! – последнюю фразу юноша произнес не в обиду, это была скорее такая присказка.

Артур пожал плечами и холодно ответил:

– Ты можешь мне верить или нет, но ты ведь сам все видел в подземелье. Неужели ты думаешь, что жители Кагилу просто повздорили и перебили друг друга?

– А почему нет? – простодушно ответил Алан. – Люди часто так делают. Почему бы этому не случиться в большом городе?

– По-твоему, наше поведение в пещере было вполне закономерно? Когда ты неожиданно кинулся на меня, браво размахивая своим ножом? – скептически поинтересовался Артур, которого начинала раздражать манера Алана все услышанное ставить под сомнение.

– Я испугался, увидев мертвого часового. А потом ужасно расстроился, так как мы не обнаружили своих родственников. Не удивлен, что мое сознание в какой-то момент помутилось. Что мы, собственно, видели? Отсутствие людей, следы бойни у Южного колодца, запись Лейланды о том, что рудокопы чего-то не поделили между собой... Стоит ли придумывать этому всему какое-то сверхъестественное объяснение? Небывалые Тени, и кто они вообще такие? Не люди? Но и не животные? Тогда кто? По всем законам природы они просто не могут существовать. Я во многое верю. В силу человеческого разума, например. В сверхъестественные способности, которые, опять-таки из нашего разума проистекают. Но представить себе, что есть какие-то существа, у которых напрочь отсутствует материя? И у которых и тела-то постоянного нет? Не знаю, не знаю...

Тэнка, молчавшая во время всего этого разговора, вдруг подала голос.

– Ты говоришь чепуху, Алан. Странно, что ты видел все своими глазами, читал записи моей мамы и при этом еще сомневаешься в словах Артура. Я уверена, что все так, как он говорит. Там, в Кагилу, я ощутила сердцем присутствие этих Теней. Гадость и омерзение возникли в моей душе. Все отрицательные стороны моего характера как бы обнажились и встали передо мной во всей красе. В существовании Теней я несколько не сомневаюсь, только вот непонятно, откуда они взялись в подземном городе, когда Желтое море, по словам Артура, находится за много единомиль от Кагилу. И еще, Артур, ты не рассказал нам, откуда ты сам знаешь про Теней.

Юноша задумчиво посмотрел на Тэнку, словно взвешивая, стоит ли отвечать на этот вопрос, и все же честно сказал:

– От своего единорога.

– От твоего кого? – брови Алана поползли наверх и затерялись где-то в его объемной рыжей шевелюре. – Ты разговариваешь с единорогами? Может, с птичками и с собачками тоже беседуешь? Прости меня, школяр, но, по-моему, ты немного, как говорится, того.

– Прекрати! – возмутилась Тэнка, глядя на брата. – Хватит пороть чушь!

– Ах так, сестрица? Значит, ты во всем слушаешь нашего прекрасного принца? Но признайся, не по одной лишь, известной нам всем, причине? – Алан впервые довольно грубо намекнул на влюбленность Тэнки к Артуру, и девочка мгновенно покраснела и опустила глаза.

– Ссориться нам бессмысленно, Алан. Ты – наш проводник, и мы зависим от тебя. Можешь мне сейчас не верить – это твое право. Но ты обещал привести меня в Беру, – сухо отчеканил Артур, глядя на вальяжно развалившегося на подушках Алана. Рыжеволосый юноша чрезвычайно раздражал его сейчас, но проявление эмоций в данной ситуации было бы просто неуместным.

– Что ж, ты прав, как никогда, школяр. Мне нет дела до тебя и твоих завихрений, – добродушно проговорил проводник и долил себе инжирного напитка. – Заведение – что надо, – добавил он, причмокнув губами.

Тэнка с раздражением глянула на брата и сказала:

– Я не знаю теперь, что мне делать. Я не знаю, где мои родители, сестры и братья. Хочется думать, что они смогли выбраться... – девочка запнулась. Она понимала, что если будет развивать эту тему, то непременно начнет плакать, а делать этого при Артуре ей не хотелось.

– Мы же выбрались, – пожал плечами Алан, – не вижу причин, по которым и они не смогли бы этого сделать. Тем более что дом ваш расположен недалеко от выхода.

– Но ты видел Южный колодец? Там столько людей!

– Среди убитых я не нашел твоей матери, – сказал Алан. Юноша действительно никого не видел, но от того ли, что их там не было, или просто разум его полностью отказал, пока они находились в пещерах? Алан и сам не знал, но ему все же хотелось успокоить сестренку.

– Будем надеяться, что они живы, – сказал клипсянин, с участием глядя на подругу.

– Ты вряд ли меня понимаешь, – грустным голосом ответила Тэнка и тут же пожалела, когда увидела, как сильно омрачилось лицо Артура.

– Я видел, как умирает моя мама, – тихо ответил юноша. – И я сам оставил отца одного в пещере, похожей на Кагилу, но даже еще страшней. Поэтому я понимаю тебя, как никто другой.

– Прости меня, – прошептала Тэнка. – Я не должна раскисать. Но я просто не знаю, что делать.

– Мы уже не сможем отвести тебя обратно домой, в деревню, – заметил Алан. – Мы и так потеряли очень много времени, а я обещался быть в Беру через две недели...

– Я... Можно, я пойду с вами? – с надеждой спросила Тэнка, умоляюще глядя на брата.

– Не вижу никаких других вариантов, – ответил тот с ласковой улыбкой. Он все-таки был привязан к ней, хоть и мечтал всем сердцем оставить ее где-нибудь по дороге, желательно у родителей.

К ребятам подошел хозяин заведения и протянул счет, аккуратно свернутый в трубочку и перевязанный алой лентой.

– Ишь ты, – покачал головой Алан. – Если уж и обдирать людей, то с шиком!

Впрочем, его чувство юмора быстро улетучилось, когда он увидел цифру.

– Ты знаешь, Артур, я передумал. Каждый платит за себя, – проговорил он.

– Ну уж нет, – ухмыльнулся клипсянин. – Ты нас угощаешь, дружище.

С неудовольствием расставшись с венгериками, Алан серьезно посмотрел на своих компаньонов.

– Моя походная сума осталась в Кагилу... В спешке я забыл ее забрать. Мы лишились провизии и снаряжения. При мне только деньги, да и то немного. Мы должны закупиться, и придется нам сделать это в городе армутов. Впереди предстоит долгий переход через лес, а там уже мы вряд ли встретим людей, да и лучше было бы для нас, если бы мы никого не встретили...

– Я устала, – безапелляционно заявила Тэнка. – И у меня болит нога. Мне кажется, я подвернула ее, пока поднималась по ступенькам. Может быть, я останусь и подожду вас здесь?

– Одну я тебя не оставлю, – нахмурился Алан. – Только если школяр побудет с тобой.

Артур согласно кивнул. Он и сам порядком устал и хотел немного отдохнуть. Тем более что юноша совершенно ничего не смыслил в походном снаряжении.

– Мы закажем еще инжировой воды, – добавил Артур.

Алан кивнул и стал пробираться к выходу из чайханы. Голова его была забита тратами, которые ему предстояло осуществить. При этом он усиленно думал о том, как можно было бы поскорее избавиться от Тэнки. Не в том, разумеется, смысле, что он хотел оставить ее одну в Мире чудес. Нет, просто проводник понимал, насколько опасным может стать переход через лес для его избалованной сестры. Он сам частенько попадал в изрядные передряги, но его сестрица – тепличное растение, ни разу не бывавшее за пределами подземного города и Той-что-примыкает-к-лесу. Справится ли она с подобным переходом?

К тому же, надо отметить, Алан очень торопился. Ему действительно надо было поскорее добраться до Беру, ибо от этого зависел исход одного выгодного дельца, которое он уже давно мечтал проверить. Тэнка, несомненно, станет ему обузой. Но что делать? Нанять у армутов единорога, чтобы он отнес девочку обратно в деревню? Но тогда они лишатся всех своих денег, а они им еще понадобятся в путешествии... У Артура, конечно, тоже имелись какие-то сбережения, но Алан смутно подозревал, что слишком многого ожидать от них не стоит.

С этими невеселыми мыслями юноша опять погрузился в водоворот людей, сновавших по узким, постоянно меняющимся улицам Мира чудес.

Глава 8 Или замыслы нечестивых — коварство

Между тем, Артур и Тэнка погрузились в созерцание посетителей харчевни. Все они были совершенно различны поговору, одежде и внешности. Армутов сразу можно было распознать по смуглой коже, зеленым глазам и носам с горбиной. Молодые мужчины-армуты были красавцами с крупными мускулистыми фигурами и иссиня-черными густыми волосами. Но те, что постарше, уже теряли привлекательность. Птичьи носы в молодом возрасте могли еще добавить толику пикантности внешности, но у пожилых мужчин они смотрелись ужасно и напоминали кривые клювы.

Помимо этого, кочевники страдали полнотой и, как правило, после сорока лет любой уважающий себя армут должен был раздобреть и увеличиться, по крайней мере, раза в два, а то и три, что, конечно, отнюдь не делало его более привлекательным.

Такие вот полные, степенные господа и входили в харчевню, заказывая себе огромные миски жирного плова. Ели они его неспешно руками, а потом вытирали грязные пальцы о свои пестрые халаты, а иногда и волосы. Тэнка морщилась каждый раз, глядя на местных жителей.

– Никогда прежде не видела армутов, а ты? – спросила она.

Артур вспомнил красивое благородное лицо Даг де Вайта и улыбнулся.

– Один преподаватель в моей школе – армут.

«А еще сирена, карлик и естествознатель. Хорошая компания».

– У тебя есть свой единорог, да?

– Да, но... – Артур чуть было не сказал «был». Но мальчик все же надеялся, что Баклажанчик найдет его, как всегда было раньше. Какая сила заставила его покинуть Троссард-Холл? И тут же в голове своей он услышал ответ: «Та же, что заставила кагилуанцев воевать друг против друга».

– Я бы хотела его увидеть, – мечтательно произнесла Тэнка. – Я летала несколько раз на единороге, но он был арендованным и не особо-то обращал на меня внимание... Я и не знала, что животные могут говорить с людьми.

– Они говорят с помощью мыслей. Я слышу мысли своего единорога так же, как и он меня... Мой друг Тин называл это кадоросамой, – ответил Артур и наяву увидел оживленное лицо приятеля с длинным светлым чубчиком.

– Это его ты хочешь поведать в Беру? – с любопытством поинтересовалась Тэнка.

– И его тоже... Но я не знаю точно, где он. По крайней мере, мне известно, где живут его родители, я был у них в гостях. А что будешь делать ты? – спросил Артур, и девочка задумалась.

– Наверное, у меня не такой большой выбор. Я уйду с Аланом обратно в Ту-что-примыкает-к-лесу. И буду ждать вестей от родителей.

– Прошу прощения, драгоценные господа, не отвлекаю? – какой-то незнакомый мужчина, сидевший на подушках неподалеку от друзей, довольно бесцеремонно прервал их беседу. Тэнка с неприкрытым интересом воззрилась на армута. Мужчина был в преклонных летах, и его, как и всех армутов, ужасно портил возраст. У него было огромное брюхо, которое ходило ходуном каждый раз, когда он начинал говорить, лысая голова, некрасивый толстый, по-хищному изогнутый, нос и жиденькая бородка в три волоса. Вдобавок ко всему незнакомец был рябой, а правый его глаз немного косил в сторону. Одет он был в длинный халат с интересной вышивкой в виде диковинных птиц, а его толстые ноги едва помещались в бежевых сандалиях. Армут тяжело дышал, что, видимо, было вызвано его грузной комплекцией. Артур тоже косил на него глаза – незнакомец ему отчего-то сразу решительно не понравился. Вероятно, причина сей острой неприязни крылась в хитром лице старого мужчины, либо же юноша просто

вспомнил слова трюкача о том, что в Мире чудес следует проявлять бдительность. Как бы то ни было, но клипсянин, решив сразу же пресечь все дальнейшие попытки общения, невежливо пробормотал:

– Отвлекаете.

Впрочем, Тэнка продолжала с живым любопытством глазеть на господина, как будто он чем-то заинтересовал ее.

– Надеюсь, достопочтимые бриллианты извинят меня, если узнают, что я немного подслушал их разговор? – витиевато выражаясь, проговорил мужчина, проигнорировав нелюбезную реплику юноши. Его высокопарная речь звучала в этой харчевне неуместной, но тем не менее производила должное приятное впечатление, которое, впрочем, едва ли могло обмануть подозрительного клипсянина.

– Я слышал, дражайшие изумруды, как вы обсуждали Кагилу... Странные вести доходят из этого города. Говорят, все его жители мертвы... Но мне известно, что это не так. Несколько дней назад к нам пришла семья, которая вынуждена была в спешке покинуть подземелье... Я думал, вас могла бы заинтересовать эта информация.

Еще прежде, чем старый армут успел закончить свою фразу, Тэнка живо воскликнула:

– Да, да, продолжайте! Возможно, это мои родственники. Вы видели их?

Мужчина с искренним огорчением покачал лысой головой, и при этом его живот интенсивно затрясся, будто в припадке.

– Я – нет, но мой приятель, который содержит приют для нуждающихся, мне рассказывал о них. Он разместил семью в своем доме, так как у них совершенно не было средств.

Глаза Тэнки загорелись огнем.

– Я должна непременно с ним встретиться! – сказала она, но Артур осадил ее.

– Нет, мы должны дождаться Алана. Как он найдет нас, если мы уйдем?

Мужчина степенно кивнул.

– Юноша говорит разумно, и он, несомненно, прав. Вам лучше дождаться своего друга, так как Мир чудес – необычный город, здесь легко потеряться. Весьма жаль, но именно сегодня вышеуказанная мною семья съезжает, и куда она направляется, мне, увы, неизвестно. Возможно, они уже съехали. Если бы вы поторопились, то еще могли бы застать их в приюте.

– Артур, пожалуйста! – взмолилась девочка, чуть ли не со слезами на глазах глядя на своего спутника. – Мы не должны терять ни секунды! Вдруг они уедут!

Толстяк неопределённо кивнул головой, что могло означать все, что угодно, и отвернулся от них. Он собирался расплачиваться и уходить.

– Можно я пойду с ним? Я быстро вернусь, – начала канючить девочка.

– Тэнка, ты в своем уме? Мы не знаем этого человека, можно ли ему доверять... Тем более неизвестно, твои ли это родственники. Оставить тебя одну я не могу, а уходить отсюда просто глупо, ведь Алан, когда вернется, просто не найдет нас! – сердито проговорил Артур, пытаясь урезонить девочку, но Тэнка неожиданно разозлилась.

– Кто ты такой, чтобы командовать! – гневно сказала упрямица. – Ты мне не родитель, не брат, не парень! Почему я должна тебя слушать? Вы надоели мне, оба, со своим Аланом! Ты как хочешь, а я иду с ним!

Неприятный незнакомец расплатился большой засаленной монетой, которую он достал из своего расписного кошелька и медленно встал. Было видно, что при столь внушительной массе любые передвижения даются ему с огромным трудом. Затем тучный армут заковылял к проходу, сильно прихрамывая, так как объемный живот перевешивал то в одну сторону, то в другую.

– Подождите, подождите меня! – вскричала Тэнка и уже хотела кинуться за ним, но Артур грубо схватил ее за локоть. – Прекрати, Тэнка, что на тебя нашло, сядь!

Упрямая девчонка размахнулась и дала Артуру такую оплеуху, что тот от неожиданности разжал руки. Тэнка, ловко подобрав свою сумку, кинулась за незнакомцем.

– Чтоб тебя! Подожди! – крикнул Артур и хотел было побежать за ней, но владелец харчевни быстренько остудил его пыл, помахав ему перед носом неуплаченным счетом за инжировую воду.

– Да, да, – в страшной досаде вскричал клипсянин, пытаясь как можно быстрее достать монетки. Глаза его с напряжением следили за Тэнкой, которая выбежала вслед за незнакомцем.

«Глупая девчонка!» – про себя выругался Артур, действительно искренне жалея в этот момент, что связался с сумасбродной Тэнкой, Кагилу и прочими делами. Теперь он вынужден быть ее нянькой вместо того, чтобы находиться уже на полпути в Беру!

Расплатившись, наконец, с владельцем заведения, Артур выскочил на улицу. Ситуация была в высшей степени неразумной и нелепой. Как оставить весточку Алану, если он вдруг сейчас вернется? Артур не знал, а Тэнка уже скрылась в гуще людей. Мальчик принял решение и кинулся за ней, расталкивая потных прохожих. Люди недовольно смотрели ему вслед; некоторые даже с осуждением кричали: «Грубиян!», но его это нисколько не смущало. Главным казалось скорее догнать девчонку. Если бы Тэнка и вправду была мальчиком, что ей подходило куда больше, Артур бы с ней особо не церемонился и надавал бы тумачков, но тот факт, что она все-таки являлась особой женского пола, увы, требовал более деликатного обращения.

Торговцы протягивали к Артуру грязные руки, цеплялись за его одежду, всячески мешая продвигаться вперед. В ушах у него звенел их крикливый, надломленный голос: «купи, купи, купи». Улицы меняли свою форму прямо на его глазах, и он не всегда успевал проشمыгнуть за Тэнкой и ее сопровождающим. Толстяк, на удивление, оказался весьма проворным малым, как только вышел на улицы Мира чудес. А может, просто и его увлекла снующая толпа и понесла по своим водам как щепу куда-то вперед.

Внезапно девочка с незнакомцем свернули с оживленной дороги, и Артур оказался, наконец, в прохладе уютного дворика. Вокруг не было ни души, ибо люди со всеми своими скарбами продолжали плыть по течению главной торговой улицы. Здесь же царили тишина и уединение. В центре дворика росли два больших платана, которые и давали спасительную тень. Тэнка стояла рядом с мужчиной; они о чем-то мирно беседовали.

Артур подошел к ним, с огромным неудовольствием глядя на подругу. Она, впрочем, старательно отводила взгляд, делая вид, что не знает мальчика.

– Вот мы и пришли, – как бы для всех проговорил толстяк. – Этот шатер, что вы видите перед собой, и есть тот самый приют для нуждающихся.

Артур с недоверием покосился на полотняный дом, что возвышался прямо перед ними. Легкая, почти невесомая, парчовая ткань, из которой были сделаны стены, выглядела весьма дорого и была украшена узорами, вышитыми золотыми нитями. У входа лежал чудесный пестрый ковер с изображением орла. Возле дома журчал фонтанчик совершенно изумительной кладки, и из него текла не простая, но розовая вода! Артур, конечно, мало понимал культуру и традиции армутов, но все же юноше слабо верилось в то, что дома для нуждающихся могут выглядеть подобным образом. Это место скорее относилось к дорогим хоромам какого-нибудь знатного господина, но уж никак не к приюту для бедных!

– Сейчас я позову своего друга, будьте добры, подождите здесь, – проговорил незнакомец и проворно скрылся в недрах дома.

– Ты совсем спятила, да? – накинулся Артур на Тэнку. – Пошли отсюда быстрее.

– Я никуда не пойду, – упрямо возразила девочка, чем вызвала огромное желание хорошенько вздуть ее. – Послушай, Артур... – произнесла она уже другим, более мягким голосом, увидев его выражение лица. – Это мой шанс, понимаешь? Я буду вечно себя корить за то, что он у меня имелся, но я его упустила! Вдруг господин Ролли действительно хочет помочь...

– Кто, этот толстяк с масляными глазками? Ты его лицо видела? – взвился Артур, но тут за его спиной раздался холодный голос, не предвещавший путникам ничего хорошего.

– Не очень-то вы любезны, молодой человек, по отношению к тому, кто любезно пригласил вас в свой дом.

Артур обернулся и увидел того же толстяка, во взгляде которого уже не было притворной доброты. Сейчас его глаза были холоднее мрамора, которым были отделаны пещеры Кагилу, а толстые, жирные после плова, губы его раздвинулись в наглой усмешке. Рядом с ним стояло трое подтянутых армутов с оружием в руках.

– Схватить их, – коротко приказал толстяк, и мужчины поспешили выполнить приказание.

И Артур, и Тэнка сопротивлялись как сумасшедшие, но что они могли сделать против троих сильных мужчин? Их тут же связали, изрядно при этом поколотив, и потащили внутрь шатра.

Артур глянул на Тэнку и хотел было пробормотать ей что-то язвительное, но, увидев ее расстроенное, поникшее лицо, не стал этого делать. Юноша вновь вспомнил слова трюкача про то, что никакие законы не работают в Мире чудес, и каждый тут может делать, что хочет. Артур в бессилии закрыл глаза, а перед его мысленным взором проносились образы друзей – Тина, Дианы, Триумфии, Даниела, Тода, Антуана и других. Они словно бы прощались с ним навсегда.

Глава 9 Или возврат к первой главе данной книги

Девчонка, назвавшая себя Сури, все не осознавала своего счастья. Она свободна от издевательств старухи и вроде бы наконец принадлежит сама себе! Однако какое-то смутное, неприятное предчувствие занимало сейчас ее прелестную маленькую головку. Ей чудилось, будто она не освободилась в полной мере, и, как и раньше, зависима, но вот от кого? На этот вопрос девочка не знала ответа. У бедняжки не было семьи, но не в том, разумеется, смысле, что она не была рождена матерью, а в том, что она не знала своих родных.

Все то время, сколько Сури себя помнила, она ютилась бок о бок с чудовищной женщиной, которая практически убила ее волю к жизни. Единственной целью ее недавнего существования была свобода. И вот страдальца реализовала свои заветные мечты, но, к сожалению, когда ищешь смыслы в самой земной жизни, то понимаешь, что, раз достигнув их, бытие сразу же приобретает некую бессмысленность и ненужность, поэтому счастливы те, кто может находить суть за гранью привычного мира, где ни время, ни люди, ни обстоятельства не властны.

Сури добилась всего, чего хотела, и теперь мучилась от совершенного непонимания, что ей следует предпринять дальше. Искать свою семью она не желала, ибо уже не считала себя принадлежащей к вообще какой-либо общности людей, пусть даже объединенной кровным родством. Скитаться по свету, выставляя себя в роли нищей сиротки, казалось ей недопустимым – ведь и у пожизненных пленниц может быть чувство гордости.

Что делать и стоит ли вообще стараться? Эти вопросы, отнюдь не детские, занимали ее во время путешествия с двумя незнакомцами. Девочка все прислушивалась к себе, пытаясь уловить в душе хоть какие-то желания, сомнения, намеки. Но в разуме ее было сумрачно, как в старом домишке ведьмы, и только одна фраза каким-то таинственным отголоском звучала в ее ушах. Девочка мысленно проговаривала ее на разный лад, все более восхищаясь ее певучестью и невыразимой прелестью.

«Именем Вингардио...»

Кто такой этот загадочный Вингардио, чьим именем двое спасителей вторглись в обитель ее мучительницы? Кто был тот сильный человек (а он в представлении девочки должен был быть непременно сильным и волевым), который так легко вмешался в ее судьбу? Сури было необходимо это узнать. Поэтому она спрашивала у своих спутников про него. Ларри был как-то более расположен к девочке, чем его приятель. Этот низкорослый коренастый мужчина являлся обладателем таких огромных плеч, что они казались непропорциональными по отношению к его тщедушному тельцу.

Хозяин пушистых усиков и добрых васильковых глаз – да, он как-то сразу расположился к девочке. Тот, другой, был подозрителен и при всем обладал крайне неприятной внешностью; мужчина напоминал старого ворона с маленькими блестящими, круглыми, как венгерик, глазами и несоразмерно длинным, будто клювом, носом. Серые родниковые глаза его смотрели холодно и неприязненно, как будто он мог усомниться в чистоте намерений их новой спутницы.

«Но это он зря...» – думала про себя девочка. Она не заслуживала таких подозрений. Сколько лет она мучилась, живя у старухи! И за свои вымученные страдания она должна была еще терпеть это холодное, почти заносчивое обращение!

– Ларри, – тихо и ласково проговорила Сури. – Расскажите мне про Вингардио.

Добряк расхохотался и потер широкой ладонью свои пышные усики.

– Да что тут рассказывать, моя милая? Может, и сама с ним встретишься. Вот приведем тебя в наш город и увидишь.

– Он ваш предводитель? – настойчиво интересовалась девочка, словно от этого зависела вся ее жизнь.

– Да, что-то вроде того, – ответил коротышка. – Он не просто человек, а, как бы тебе объяснить... Естествознатель. Именно благодаря ему все мы получили возможность стать такими же...

– Естествознатель? Что это значит? – восхищенно продолжала спрашивать любопытная.

– Ну я, например, могу сделать вот так, – мужчина взял холодные озябшие руки девочки и положил себе на колени ладошками вверх. Затем он поднял свои ладони над руками Сури, и через секунду легкий пар стал исходить от них и согревать замерзшую девочку.

– Это и есть естествознание?

– Да, что-то вроде того.

Ерунда, бесполезное занятие. Ее кормилица могла сделать и нечто более удивительное. Девочке все это было не в новинку. Однако ей не хотелось обижать Ларри, который был к ней так искренне добр.

– Женщина, у которой я жила, тоже естествознатель? – напрямую спросила Сури.

– Думаю, да, к сожалению, – с грустью отвечал Ларри. – Далеко не все стали использовать приобретенные навыки во благо...

Не участвуя в их разговоре, Драгомыс то и дело фыркал и с неприязнью глядел на девочку, некрасиво вытягивая голову вперед и поблескивая в полумраке круглыми глазами. Просто сущий ворон.

– Что же ты делаешь, Ларри? Про нее еще неизвестно ничего, а ты ей все разбалтываешь. Я бы на твоём месте был поосторожнее.

Низкорослый добряк рассмеялся и потрепал своего товарища по спине.

– Да брось, друг. Она и так настрадалась, а ты так себя ведешь. Негоже при юной даме, – при этом он так залихватски подмигнул девочке, что Сури не выдержала и рассмеялась чистым детским смехом, а длинный тощий Драгомыс только с укоризной покачал головой. Но в его глазах тоже загорелись добрые искорки – он любил своего друга.

Сколько они с ним прошли и сколько пережили! Когда естествознатели только появились среди людей, многие из них уходили из деревень и селились в лесу отшельниками. Вначале сложно было объяснить это желание отделиться от других, однако потом, когда с их стороны начались бесчинства, все стало на свои места. Злодеи ушли, чтобы безнаказанно пользоваться своей силой, принося несчастье.

Именно в эти времена среди простых людей появились страшные сказки об уродливых старухах и жестоких стариках, живущих в лесу и предпочитающих вместо еды не что иное, как человеческих детей. О трясилах, где самые доблестные воины могли лишиться жизни. О разбойниках, промышляющих на купеческих дорогах. Все эти сказки, конечно, имели в своей основе нечто действительно существовавшее, и это делало их еще более страшными, чем они были на самом деле.

Дети пропадали, отправившись в лес за ягодами и случайно заблудившись. Что было тому причиной? Проказливая чаща со своими губительными топями и дикими зверями, либо же люди, чья изощренная жестокость казалась куда страшнее? Лес в народе стали называть гиблым местом. Подобного произвола, разумеется, не могли допустить естествознатели, ибо это позорило их самих, чье предназначение по слову единорогов было в наведении порядка и борьбе со злом.

Так появлялись небольшие боевые отряды, которые бродили по лесу, отыскивая таких вот отшельников, заигравшихся с силой естествознателей. Драгомыс безумно любил свое дело – он чувствовал себя врачом, который очищает организм от болезнетворной инфекции. Он не всегда был таким щепетильным в том, что касалось его работы. Этот худошавый, подозрительный до мнительности человек ставил всегда на первое место свою семью. Но однажды его собственная дочь пропала. Исчезла, будучи совсем крошкой. Может, беглые естествознатели в лесу были не причастны к тому исчезновению. Никто тогда не мог сказать наверняка. Но

Драгомыс все же поклялся изничтожить их всех. Всех, кто прячется под лесным покрывалом. Всех, кто не может жить по правилам, четко установленным Вингардио в городах. А Ларри, старый добрый Ларри, был ему как брат – друг, соратник, человек, который всегда находился рядом с ним на этих бескрайних лесных просторах.

В какой-то момент мужчины решили устроить привал. Им надо было поесть и накормить голодную девочку. Ларри на костре вскипятил воду и разлил теплый дымящийся чай в походные кружки, от которых чудесно пахло пряными травами и медом. Сури с удовольствием взяла чашку, которую ей протянул Ларри, охотник за нарушающими закон естествознателями. Она медленно потягивала напиток, причмокивая своими замерзшими губами.

– А теперь, дочка, ты расскажешь нам, как попала к старухе, – приказным тоном заявил Драгомыс. Та сразу озябла под ледяным взглядом его стальных глаз. Словно ушат родниковой воды вылился на нее.

– Я не помню... – честно сказала она. Она и правда уже запомнила. Драгомыс непонимающе сдвинул брови и отпил напиток из чашки. Ему хотелось выяснить больше фактов о незнакомке. Если бы он хоть на секунду заподозрил неладное, девочке бы не повезло, ибо для этого старого мрачного охотника за преступниками не существовало ни возрастов, ни полов, ни других условий, которые могли хоть как-то повлиять на его отношение к злодеям.

Вдруг мужчина как будто бы случайно подавился.

– Фу ты! – проговорил он, кашляя без остановки. Его кашель стал болезненно захлебывающимся: он, словно рыба, запрокидывал голову и открывал рот в поисках воздуха.

– Что с ним? – испуганно вскричала девочка, тронув Ларри за плечо. На сегодня ей сполна хватило переживаний и страха.

– В чем дело, Драгомыс! Не шути так! – обеспокоенно проговорил Ларри, быстро вскочив со своего места. Он решительно ничего не понимал. А тот все захлебывался кашлем, который душил его. Но вот спустя несколько секунд его лицо неестественно пожелтело, а глаза закатились.

– О нет, Драг! Мой брат! – возопил бедный коротышка, в отчаянии прижимая к себе голову своего приятеля. – О нет!

Голова старого вояки безмолвно покоилась на его коленях. Мужчина был мертв. Естествознатель, которому не было в их рядах равных! Что же могло так внезапно убить его?

Ларри пытался применить свою силу – но у него ничего не вышло. Дух уже вышел из тела бедного Драгомыса, который так верно служил их правому делу. Коротышка еще долго сидел на коленях около друга, не смея неосторожным движением нарушить его смертельный покой. Девочка молча плакала рядом – ей было холодно и страшно. Она уже второй раз за сегодняшний день видела смерть так близко.

Спустя несколько часов, когда костер уже начал догорать, и сразу заметно похолодало, Сури осмелилась нарушить тишину.

– Пожалуйста, Ларри... Давай уйдем из этого жуткого места, – умоляюще попросила она своего спутника.

Тот ужасно вздрогнул всем телом и непонимающе уставился на нее, словно не узнавая. Его добрые голубые глаза были ужасно отстраненными, будто и не принадлежали ему вовсе.

– Да, да, миленькая... Пойдем. Просто Драг, он... он... – Ларри все никак не мог произнести то роковое слово, которое становится поистине ужасным для того, кто потерял близкого друга.

– Почему он... умер? – спросила у него Сури.

– Я... Не знаю, – прошептал Ларри, с суеверным ужасом глядя на догорающие поленья. Что-то сегодня произошло не так, как планировалось. Совсем не так. Он глянул в чашку Драгомыса и, помедлив, будто на что-то решился.

Коротышка залпом опрокинул в себя остатки напитка, которым так неожиданно отравился его самый лучший друг. Однако смерть не захотела его забирать – он решительно ничего не почувствовал. Даже легкого покалывания в животе. С чаем все было в порядке. Странная, выходящая за рамки естественного, смерть вселила в сердце Ларри еще больший ужас.

– Я... Нам нужно немедленно уходить отсюда, Сури, – сказал мужчина, вытирая с глаз непрошенные слезы. Девочка согласно кивнула и с готовностью встала со своего места. Она была рада уйти уже в тот момент, когда неприятный грубый человек, похожий на старую ворону, принялся расспрашивать ее, не проявляя ни малейшего такта. Ну а сейчас и подавно не было смысла здесь более находиться.

Так двое побрели в город, оставив перед тлеющим костром сидеть в вечности недвижимую сгорбленную фигуру – Драгомыса, славного охотника за ведьмами.

****

Воронес, главный город естествознателей, очаровал Сури сразу же. Здесь каждая мелочь напоминала ее таинственного избавителя – Вингардио. Того, чье имя она могла произносить только с внутренним трепетом.

В город путники добирались долго. Им пришлось пройти длинный лабиринт из нескончаемых деревьев, спускавшихся в загадочную лощину. Удивительное дело, но таинственный город купался в теплых солнечных лучах, будто эти края были и вовсе не подвластны смрадно. Дикая земляника с крупными пестрыми наливными ягодками рассыпалась по оврагам и холмам, чудесные цветы, распускаясь обычно только в оюне, подставляли солнцу белые, лимонные, алые, фиолетовые лепестки. Повсюду летали бабочки-шоколадницы, кокетливо, будто веером, обмахиваясь крылышками.

Как же выглядел сам город? Было ли что-то необыкновенное в нем, за исключением его жителей и необычайно благодатного климата? Несомненно. Чистенький, аккуратный, ладный, как с подарочной открытки, Воронес предлагал своим жителям небольшие уютные домики, заросшие зелеными виноградниками или плющом, с непременно круглыми окнами – дань существовавшей тогда моде, – красной матовой черепицей и крошечными садами, изобилующими плодовыми и ягодными культурами. Но ни красота архитектуры, ни причудливость круглых входов, ни благодатные гостеприимные сады не могли в полной мере впечатлить Сури, которую, как ей самой казалось, уже сложно чем-то удивить.

Однако же одна вещь действительно поразила воображение девочки – это некая призрачность домов. Они исчезали в буквальном смысле слова – и на их месте оставался лишь беспризорный сад. Удивительные дома-миражи возникали только в тот момент, когда хозяева возвращались к домашнему очагу. А стоило им покинуть родные стены, постройки растворялись в солнечном свете, подобно привидениям.

Как впоследствии рассказал Ларри, в Воронесе естествознатели могли возводить дома каждый раз в новом месте, какое только приглянется их взору, ибо все сады были прекрасны и плодородны. Однако это вовсе не означало абсолютную анархию и самовольные беспорядочные постройки. Были определенные правила в жизни призрачного города, которым все должны были следовать. К слову сказать, не все дома носили этакий призрачный характер – многие жители предпочитали фундаментальность – и ближе к центру можно было встретить постоянные каменные постройки, так прочно уцепившиеся за землю, словно всем видом показывающие, что они куда лучше своих призрачных собратьев.

Таковой являлась и библиотека, расположенная в самом центре города; она поражала своими величественными размерами и красотой архитектуры. Именно там хранились свитки, по которым могли заниматься жители, чтобы впоследствии стать естествознателями.

На каждом доме, как правило, висела табличка, на которой была указана должность его владельца. Профессии людей были необычайно многообразны, но в целом они принадлежали к одному из четырех направлений: лекари, энергетика, исследователи и всадники.

К примеру, энергетика занимались тем, что создавали погоду над лощиной, где располагался Воронес. Порою можно было наблюдать забавные и необычные для простого человека вещи, например, на отдельных огородах один естествознатель вспахивал землю, а другой удерживал своими коротенькими руками над ним тучку, дабы оросить посеvy.

Лекари, конечно же, в основном занимались своими непосредственными обязанностями – то есть врачеванием. Впрочем, многие из них не желали оставаться в Воронесе: они уходили в города обычных людей и занимались лекарством, наживая на этом целые состояния. Кто-то отправлялся в Бери и становился там человеком, по своему могуществу сравнимым скорее с королем – ибо так было велико желание людей исцеляться.

Исследователи изучали новые территории, благополучно используя эффективную методику перемещений. Всадники же учились летать на единорогах, а также общались с этими прекрасными животными и таким образом получали новые знания.

Однако надо отметить, что к тому времени, как Сури попала в Воронес, профессия всадников в значительной мере упразднилась из-за Вингардио. Он все меньше прислушивался к друзьям-единорогам, и его все более манила мысль о распространении своего владычества и науки естествознательства.

Как правило, естествознатель мог довести до совершенства только одну специализацию, однако, тем не менее, встречались индивидуумы, способные освоить и другие направления. Это вовсе не означает, что всадник, например, не мог иметь лекарских навыков. Отнюдь. Но эти навыки вовсе не были углубленным познанием предмета. Тех, кто в совершенстве обладал всеми четырьмя способностями, было ничтожно мало. К таковым людям в первую очередь относился великолепный Вингардио.

В последнее время всадники и исследователи много путешествовали, используя все свои приобретенные способности, ведь им приходилось бороться с отшельниками. Этим же занимался и Ларри с несчастным Драгомысом.

В тот день, когда Сури пришла в город, единорогов здесь уже совсем не осталось. Единственным последним напоминанием о них была статуя прекрасного животного из мрамора, красовавшаяся на главной площади, а рядом с ней – фигура красивого молодого мужчины с пронзительным взглядом совершенно черных, как безлунная ночь, глаз.

Продолжая описывать необычный город Воронес, необходимо добавить, что здесь не было социального неравенства. Люди не знали, что значит быть бедными или богатыми, так как в целом все, что имелось в городе, в равной мере принадлежало его жителям. У людей не было необходимости приобретать дома, так как любой мог возвести жилище самостоятельно, используя при этом свою силу и фантазию, а никак не деньги. Сады давали необходимое пропитание, специально созданный лабиринт защищал от вторжения незнакомцев – город напоминал идиллию, обычно труднодостижимую в человеческом обществе. Воры не проникали в дома, а разбойники не грабили чужих садов; но не стоит обольщаться, порядок сохранялся не благодаря благочестию и целомудрию жителей, а лишь из-за отсутствия необходимости нарушать его. Ведь в целом естествознатели оставались людьми, что в значительной мере отравляло их существование.

Рядом с библиотекой высился огромный каменный постамент, на котором были начертаны правила жизни города. И вовсе не король или его наместник управлял поселением, а именно эти маленькие и такие на первый взгляд незначительные буквы, высеченные на холодном камне.

Вингардио не был руководителем в прямом смысле этого слова, но его уважали повсеместно. И его авторитет был неоспорим. Любой, послушавшийся его слова, должен был наве-

гда покинуть поселение естествознателей. Не хочешь смиряться с правилами – можешь уйти. Но обязательным условием было неиспользование своих способностей во вред людям. Если же изгнанный из города становился разбойником, такой естествознатель подлежал уничтожению.

Вингардио постоянно путешествовал по городам, созданным им самим для распространения своего знания. И везде его принимали с почестями и внимали каждому его слову. Это был поистине талантливый оратор.

Сури впервые увидела своего кумира на картине, выполненной маслом. Картина та хранилась в галерее изобразительных искусств, которая примыкала к библиотеке. Изображенный на ней человек был очень красив. Изящен. Его черные, цвета обсидиана глаза могли зажечь в любом желании следовать за ним. Густая шевелюра чудесных волнистых золотых волос, прямой упрямый рот, гладкая кожа и волевой подбородок... На картине он был изображен статным и высоким, однако в жизни все было несколько иначе.

Единственное, что портило великолепную внешность, так это его маленький рост. Вингардио был как минимум на голову ниже людей, которые жили в те времена. Однако сей факт не мешал завоевать ему всеобщую любовь и признание.

Девочка осталась жить у Ларри. Он уже помог ей однажды, и сердце его прикипело к бедной сироте. Он стал относиться к ней как к родной дочери. У него была жена, которую звали Цикория – полная, низкорослая и весьма добродушная женщина, ему под стать. Она тоже сразу полюбила девочку и разрешила ей остаться у них жить. Сури, конечно же, согласилась – ведь ей некуда было идти. В Воронесе ей хотелось оставаться только ради одного человека, вернее, естествознателя – того, чье имя она начала беззаветно повторять перед сном.

Итак, у Сури появилась новая семья. И как жизнь в этой любящей семье разительно отличалась от той, протекавшей в убогой лачужке сумасшедшей старухи! Сури ценила это невероятно и благодарила свою судьбу за такой неожиданный подарок. Ларри сперва очень горевал после смерти Драгомыса, однако любовь к жене и девочке затмила в нем всякое горе. Он слишком сильно любил своих близких, и потому горечь утраты отошла для него на второй план.

Были дела поважнее. Нужно было куда-то пристроить девочку. Здесь имелись специальные школы, где учились по программе Вингардио. Однако они предназначались для естествознателей, а Сури была чужачкой. Никто ничего не знал про нее, даже она сама. Это во многом затрудняло ее жизнь в Воронесе. Ее очень тяжело принимали, особенно ее сверстники. Девочку дразнили и дергали за волосы, мальчишки издевались над ее худобой. Иногда некоторые сорванцы оттачивали на ней навыки, приобретенные в школе.

Так, однажды Сури вернулась домой в платье с прожженным подолом. В другой раз какие-то ребята утащили и подожгли ее вещи. Девочка никогда не плакала; жизнь у старухи закалила ее в полной мере и научила не обращать внимания на подобные пустяки. В конце концов, никто, даже эти не заслуживающие внимания слабаки (ибо кто еще, если не слабаки, станет относиться к девочкам подобным образом?) не могли, даже если бы очень захотели, отвлечь ее от новой цели.

Да, Сури, наконец, определилась в том, куда ей следует двигаться. Она хотела быть ближе к Вингардио. Девочка еще не до конца понимала, зачем, но в сердце ее уже оформилось вполне это амбициозное желание.

Однажды, впрочем, и она не выдержала и спросила у своей приемной матери, едва сдерживая слезы:

– Почему естествознатели такие жестокие?

На вопрос этот сложно было как-то разумно ответить, ведь это не естествознатели были жестоки, а люди.

Однажды Ларри принес домой радостную весть.

– Ну что, малышка, – весело сказал он, обращаясь к Сури. – Ты готова к учебе? Я похатайствовал за тебя, будешь учиться со всеми наравне...

Сури с разбегу кинулась в его объятия. Вот то, о чем она всегда мечтала. Она тоже сможет всему научиться! И тогда она словно приблизится к тому, кто разбередил в ней это желание: быть такой, как естествознатели. Не то чтобы Сури ничего не умела, ведь к ней каким-то мистическим образом перешла сила старухи. Просто пройдя обучение, она словно преодолеет разрыв между ней и Вингардио.

Для себя девочка уже решила, что добьется многого. Она, в отличие от этих неразумных детей, которые, кроме пакостей, ничего больше не умеют, сможет стать кем-то. Многие подростки даже не пытаются понять, зачем им ходить в школу. Кого-то заставляют родители. Другие делают это только потому, что так принято в обществе, или потому, что там можно погорланить со своими друзьями на переменках и поиздеваться над девчонками. Но Сури отчетливо знала, для чего она идет учиться. Она будет заниматься саморазвитием, она станет гораздо умнее. Значительно умнее всех этих жалких, испорченных порочной жизнью детишек.

Глава 10 и проколет ему господин его ух шиллом, и он останется рабом его вечно

Друзей протащили сквозь полотняный дом, который оказался вовсе не домом, а своего рода искусственной преградой. Его раскидистые шатры полностью закрывали еще один небольшой садик, который, так же, как и первый, прятался в тени платановых деревьев. Это место было интересно некоей иллюзорностью, которую можно заметить, только внимательно присмотревшись.

И в самом деле, фонтаны, которые при первом беглом осмотре, казалось, были выложены из тончайшего мрамора, в действительности были собраны из каких-то легких материалов, и могло даже почудиться, что обычный картон сослужил местным мастерам добрую службу. Розовая вода была вовсе не водой, а игрой света. Звук текущей жидкости искусственно создавался некими механизмами, находившимися внутри фонтана. Платановые деревья оказались мраморными, но при этом настолько реалистичными, что можно было только подивиться искусности мастера.

Дома здесь вроде внешне и существовали, но между тем, заглядывая в одно из таких строений, становилось понятным, что это пока еще не дом, а просто некая прелюдия, забор, ограждающий другой, очень похожий садик. И так могло быть до бесконечности: огромный игрушечный мир, находившийся в самом центре призрачного города чудес.

Артура и Тэнку как бродячих собак посадили на цепь, железное кольцо которой крепилось к каменному дереву. На каждую ногу им надели нечто, похожее на кандалы. Цепь была довольно длинной, и неудачливые путники могли сделать несколько шагов в сторону, но не более двух-трех. Позади них было сооружено нечто наподобие будки: пристанища, годного скорее для собаки, нежели для человека. Внутри стояло три миски, наполненные водой, и Артур смутно предполагал, что миски оставлены здесь для них.

Армуты, проверив, что цепи держатся хорошо и не сдавливают слишком сильно ребятам ноги, ушли, вполне довольные собой. В саду воцарилась тишина, которая, впрочем, не предвещала ничего хорошего.

– Что с нами теперь будет... – глухим голосом проговорила Тэнка. Ей хотелось плакать, но у нее не было на это сил. Девочка понимала, что вина за произошедшее лежит полностью на ней. Она не только позволила обмануть себя какому-то неблагонадежному незнакомцу, но еще и втянула в эту авантюру Артура. «Как можно быть такой идиоткой», – думалось бедной девочке.

Она немного успокаивала себя тем, что встреча с Желтым морем и переживания за свою семью на какое-то время помutilи ее разум, сделали ее совсем безрассудной. Но в целом это были лишь оправдания, которыми она пыталась скрыть свою беспечность. Артур не разговаривал с ней, и она, в свою очередь, не решалась обратиться к нему. Так они и сидели в полной тишине, изредка прерываемой бряцаньем цепи, если кто из них вдруг решал встать и немного размять ноги.

Клипсянин не знал, сколько минуло времени с момента их заточения, но ему казалось, что прошла целая вечность. Он ненавидел бездействие, но также понимал, что пока это единственно правильное поведение в сложившейся ситуации. Надо было внимательно наблюдать за обстановкой, в которую они попали помимо своей воли. Мальчик заметил, что железное кольцо почти намертво прикреплено к дереву, а это означало для незадачливых путников только одно: сидеть и дожидаться, когда кто-нибудь придет и освободит их. Артур знал также и то, что, прежде чем пытаться убежать, надо было тысячу раз все продумать, чтобы своей неудачной попыткой не пресечь дальнейшие шансы на спасение. Мальчик мало надеялся на

помощь Алана, так как представлял, что найти их в этом обманчивом городе практически невозможно. Да и потом, что Алан мог сделать один, не зная даже местных обычаев? Среди армутов, наверное, считалось нормой похищать среди бела дня людей и сажать их на цепь как собак.

Таким образом, бедолаги провели весь день, не дождавшись каких-либо объяснений. Вечером, когда полуденный зной стал спадать, к ним пришел толстяк, принеся заключенным две миски с крайне неаппетитной едой: блюдо вроде не походило на суп, а скорее – на второе, но при этом было настолько жидким за счет жирного масла, что, в принципе, если не придирается, вполне сошло бы и за суп. Рассчитывать здесь на шикарный ужин было наивно.

С громким стуком поставив перед ними чаши, из которых наполовину выплеснулось масло, их таинственный враг взмахнул толстой рукой. Сразу же, откуда ни возьмись, прибежали двое молодых испуганных юношей, совсем не походивших на армутов – скорее, на жителей Бери, судя по белому цвету кожи. Они несли в своих руках какие-то приспособления, в которых Артур узнал некое подобие лежанки. Юноши, которые, вероятно, тоже являлись невольниками в этом доме, если вообще можно было так назвать это странное место, быстрыми, ловкими движениями рук разложили лежанку перед своим господином и так стремительно исчезли, что можно было подумать, что это не люди вовсе, а какие-то бестелесные существа, способные испаряться в мгновение ока.

Толстяк довольно крикнул и опустил свое большое грузное тело на лежанку, которая при этом жалостливо скрипнула, с трудом, видимо, удерживая на себе столь значительный вес.

– Господа, вы в данный момент являетесь моими гостями, – вполне миролюбиво начал он, но Артур невежливо перебил его, глядя прямо в косые маленькие глазки:

– Со всеми своими гостями вы обращаетесь как с собаками? – сухо поинтересовался он, с открытой неприязнью глядя на их поработителя. Толстяку ужасно не нравилось своеволие, он нахмурился, но спустя секунду складки на его лице разгладились и он, казалось, снова впал в весьма благожелательное состояние духа. На улице парило, и хозяин лениво достал из кармана своего безразмерного халата веер и начал легонько обмахиваться им.

– Пока вы еще являетесь моими гостями, – беспечно продолжил он, – соответственно, вам позволено разговаривать в подобном духе. Но потом, я думаю, вы сами поймете, в какой момент, эти неблагоприятные речи будут жестоко пресекаться. Надеюсь, я вполне ясно выражаюсь. Меня зовут господин Ролли, но обращаться ко мне напрямую вы сможете только тогда, когда я разрешу. Не думаю, что вам тут будет очень уж плохо, если только, конечно, вы, юноша, научитесь держать язык за зубами, что, по моему скромному мнению, не так уж и сложно. Ваш спутник, по-видимому, более смысленный в этом плане.

– Спутница! – с возмущением воскликнула Тэнка, которую чрезвычайно оскорбило заявление толстяка. Однако незнакомец не слышал или же сделал вид, что не слышит. Он продолжил:

– В этом доме я – хозяин и господин, все остальные – мои слуги. Жизнь у меня течет размеренно и спокойно, я никуда не тороплюсь. Торопятся в этом месте единственно мои замечательные работники. Вы в скором, я надеюсь, времени, также присоединитесь к ряду моих слуг. Поэтому вам небезынтересно будет услышать кое-что о правилах поведения, которые лучше не нарушать, чтобы не вызвать неблагоприятные последствия. Для каждого из вас будет отведена особая роль в моем доме, и вы должны будете старательно выполнять свою работу. От этой старательности напрямую зависит ваше состояние, как физическое, так и моральное. У вас будут свои имена, которые я вам дам. Ты, например, – при этих словах толстяк ткнул жирным пальцем в сторону Артура, – будешь Бат, по цвету твоих глаз, а он, – на этот раз палец переместился в сторону Тэнки, – он будет, пожалуй, Бел, по цвету, соответственно, его волос.

– Она – девочка, а никакой не Бел! – с негодованием воскликнул Артур. Неужели толстяк тоже обманулся и принял Тэнку за мальчика? Так или иначе, он никак не отреагировал на высказывание Артура.

– К вам будут обращаться по вашим новым именам. Старую свою жизнь забудьте, ее больше не существует для вас. Завтра мы сделаем с вами нехитрую и, надеюсь, безболезненную процедуру, – при этих словах толстяк хихикнул, не в силах сдержать свое удовольствие, – и все формальности будут, наконец, соблюдены. Отныне для вас начинается новая жизнь, советую к ней подготовиться. Все понятно?

– Понятнее некуда, господин, – саркастически проговорил Артур, исподлобья глядя на ненавистного армута. Толстяк весело улыбнулся и даже попытался потрепать юношу по голове, но тот вывернулся и с силой укусил его за руку.

Старый армут побледнел от гнева, с недоумением глядя на свою толстую руку, которая, несмотря на внушительные размеры, была очень нежной, и на ней теперь явно выделялись белые следы укуса. Казалось, мужчина не верил, что такое могло вообще произойти. Затем он сердито щелкнул пальцами, и тут же, как по волшебству, перед ним оказался слуга, преданно внимавший каждому его слову.

– Привяжи этого наглеца так, чтобы ему было неудобно, – велел толстяк, и слуга тотчас же бросился ревностно исполнять приказание. Он резко приподнял мальчика и ловким движением связал руки ему за спиной веревкой, да так, что она сильно врезалась в кожу, причиняя боль. Один конец веревки слуга прикрепил к дереву, и получилось, что Артур вынужден был стоять близко к стволу с вывернутыми руками, не имея ни малейшей возможности пошевелиться.

– А если ты захочешь есть или пить, можешь воспользоваться этим, – с мстительной ухмылкой толстяк взял миску Артура и вывалил всю еду на пол. Та же участь постигла и плошку с водой.

– Спокойной ночи, господа, – произнес их мучитель и, наконец, удалился, медленно шаркая по земле своими тяжеловесными ногами.

– Артур, я... Сможешь ли ты простить меня? – со слезами на глазах Тэнка кинулась к мальчику. – Я вела себя как последняя идиотка и эгоистка! Я знаю, что это не оправдание и...

– Тэнка, прекрати, – спокойно сказал ей Артур. Он уже давно не злился на нее. Мальчик попытался встать поудобнее, но при малейшем шевелении веревка с болью врезалась в его кожу. Как назло, он почувствовал необычайную жажду, но не хотел при этом отбирать воду у девочки. Поэтому ему оставалось лишь облизывать свои пересохшие губы и не думать о том, какое наслаждение ему мог бы доставить кувшин с розовой водой.

– Я ведь могу дать тебе попить, хочешь? – спросила девочка, необычайно точно отгадав его мысли.

— Ты, наверное, сама хочешь пить...

– Давай разделим воду и еду, так будет по-честному, – серьезно ответила Тэнка и принесла миску с прохладной, но грязноватой на вид водой. Ей приходилось поить Артура, так как он не мог и шевельнуться. Рис не вызвал у пленников никакого аппетита, но они решили все же поклевать его немного. Ребятам нужны были силы, чтобы с достоинством встретить завтрашний день, который мог оказаться для них весьма сложным.

Стемнело. Наконец-то долгожданная прохлада опустилась в сад, где сидели заключенные. Где-то недалеко протяжно и озлобленно выли собаки, видимо, тоже несогласные со своей участью. Время шло медленно, и ни Тэнка, ни тем более Артур не могли заснуть. У мальчика онемели руки, и он практически перестал их чувствовать. Вдобавок ему было тяжело стоять в одном положении, и он, прислонившись к дереву, время от времени впадал в какое-то странное оцепенение, больше похожее на беспомощность. Перед ним вставали в полный рост его отец,

мать и Баклажанчик. Все что-то ему говорили, но он их не слышал, как ни пытался различить хоть слово. Потом появилось Желтое море, которое окружило его со всех сторон.

«Если бы я мог сейчас применить силы естествознателя... – подумалось вдруг Артуру. – Если бы я только смог, я бы сжег дотла этот дом».

Но силы молчали, и он по-прежнему стоял у дерева, с тоской переминаясь с ноги на ногу. Тэнка видела его мучения, она пыталась как-то ему помочь и ослабить веревки, но не смогла сделать ничего путного.

Под утро, когда начало светать, к пленникам привели еще одного несчастного. Это был долговязый, худой мальчишка с женственным лицом. Если Тэнка и вправду походила на мальчика, то здесь ситуация была абсолютно противоположной. У пленника были аккуратные молочно-розовые губы, тонкий покаты́й нос, огромные, как у лани, карие глаза и удлиненные прямые волосы, иссиня-черные, точно у вороного коня. На его изящной шее красовалась ярко-красная татуировка в виде орла, которая не только не подходила его несколько романтическому образу, но и, несомненно, портила внешность.

Глаза пленника смотрели забито и испуганно, он все время нервно вытирал руки о свои грязные засаленные штаны. Рубашка на нем отсутствовала, и на его тощем изможденном теле виднелись страшные синяки от побоев. Мальчик даже не обратил внимания на новичков, просто с полным безразличием отошел от них в сторону, насколько позволяла цепь.

Когда ушли охранники, клипсянин решился обратиться к незнакомцу:

– Как тебя зовут?

Пугливый юноша вздрогнул всем телом, будто Артур ударил его плетью. Спустя минуту он все-таки тоненько пропищал, старательно глядя себе под ноги:

– Лэк.

По всей вероятности, фантазия толстяка ограничивалась лишь тремя буквами, которые он переставлял в зависимости от внешности человека.

– Нет. Я имею в виду твое настоящее имя.

– Лэк, – упрямо повторил мальчишка, не желая говорить ничего более этого слова, словно оно было каким-то таинственным заклинанием, способным вмиг решить его проблемы.

– Я Артур, а это – Тэнка.

Долговязый парень быстро глянул на своих товарищей по несчастью, но без особого интереса.

– Расскажи нам, пожалуйста, – попросил Артур, – что здесь происходит? Кто такой этот толстяк, что притащил нас сюда?

Мальчик неожиданно рассердился.

– Ты просто глупец, раз говоришь о нем так свободно. Или тебе нравится твое место у дерева? Ты ведь не хочешь, чтобы ее, – он кивнул на Тэнку, – замучили до смерти? Я смотрю, ты совсем не понял, где оказался.

Артур бы пожал плечами, если бы веревка не впивалась в его руки.

– Я и правда не знаю, где мы. Как ты мог заметить, мы только недавно появились здесь. Более того, мы чужестранцы и идем из другого города. Местные обычаи нам неизвестны. И было бы неплохо, чтобы кто-нибудь, вроде тебя, хоть немного просветил нас.

Мальчик смягчился и даже как-то расслабился.

– Хорошо. Только это вряд ли чем-то тебе поможет.

– Мы выберемся отсюда, – уверенно проговорил Артур.

– Нет, не выберетесь.

– А ты пробовал?

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Тогда откуда тебе заранее известно, что нам не получится убежать? Под лежащий камень, знаешь ли, вода не течет.

Долговязый пленник грустно усмехнулся, словно ему было известно нечто такое, что действительно препятствовало ребятам сбежать.

– Я не рискую своей жизнью, – просто ответил он.

– Да разве это жизнь? – встряла Тэнка.

– Хоть какая-то, – с тоской вздохнул несчастный. – Если говорить быстро и в двух словах, то мы – пожизненные рабы господина Ролли и его семьи. Он во всей округе известен тем, что не признает платную рабочую силу. Мерзавец отлавливает по всему городу пришельцев, в основном мальчиков и юношей, и использует их как бесплатных работников. Задачи у всех разные: кто-то готовит, я же чистильщик отходных ям. Хозяин сам решает, какими заданиями кого наградить. Убежать нельзя: шатер со всех сторон окружен собаками, которые почуют тебя за версту. Они кидаются на каждого, кто хоть как-то пытается выбраться за пределы внутренних помещений. Любые провинности и оплошности сурово наказываются. Это можно воочию увидеть по моей спине. Нас тут около двадцати ребят, и все мы являемся пленниками, – долговязый говорил отрывисто, резкими фразами, пытаясь таким образом хоть немного скрыть свою боль. Тебе, – он кивнул головой в сторону Артура, – скорее всего, повезет. У тебя черные волосы и ты похож чем-то на армута, только глаза у тебя голубые. Эти приметы не особенно выделяют тебя среди других. Но вот ей может прийтись несладко.

Артур с Тэнкой в беспокойстве переглянулись.

– Почему?

– У твоей девчонки белые волосы, что является большой редкостью. Думаю, она будет участвовать в Потешных боях, которые организует местная знать.

– Каких еще боях? – брови Тэнки полезли вверх. – Я не собираюсь ни в чем участвовать! Мальчик с грустью вздохнул.

– Они заставят. Им не впервой это делать. Вам, ребята, не повезло, что вы вместе попались. Будут мучить одного, чтобы заставить другого что-то выполнять. Если кого-то из вас возьмут на Потешные бои, то вряд ли он уже вернется. Впрочем, и без них тоже... У нас тут было два умника, которые пытались убежать... В итоге и того, и другого съели собаки. Так что думайте сами, что вам по душе.

– Ты давно здесь? – поинтересовался Артур, которого услышанное ничуть не обрадовало. Но юноша все же не верил в то, что совершенно нет никакого выхода. Всегда можно было что-то придумать, главное, не оставаться без действия.

– Я не помню, – глухо пробормотал пленник и отвернулся от них, всем своим видом показывая, что не желает больше ни с кем разговаривать.

– Да-а, – протянул Артур, пытаясь еще раз прокрутить в голове всю информацию. А еще он боялся за Тэнку, которую отчего-то толстяк не хотел признавать девочкой.

– На вашем месте, – гнусаво добавил Лэк, – на вашем месте я бы не показывал им, что вы дружны. Иначе, поверьте, это все выйдет боком...

– Алан нам поможет! – с ожесточением прошептала Тэнка, и Артур кивнул. Ему не хотелось расстраивать подругу. Но правда заключалась в том, что помочь себе могли только они сами.

Прошло еще несколько мучительных часов ожидания и, наконец, перед пленниками снова возник хозяин. Господин Ролли сменил вечерний халат на более легкий из атласной парчи, который немного скрывал его ужасную полноту. Он приказал своему слуге отвязать Артура. Мальчик от долгого стояния в неудобной позе не смог удержаться и рухнул на землю прямо в ноги к своему мучителю. Эффект от экзекуции необычайно порадовал толстяка. Он раздвинул полные губы в доброжелательной ухмылке.

– Право же, Бат, не надо падать передо мной ниц, достаточно просто слов извинения.

– Не дождетесь, – четко проговорил Артур и, подняв голову, посмотрел прямо в раскосые глаза своего мучителя. Толстяк какое-то время не отводил взгляд, но потом все же не выдержал, и его маленькие глазки, подобно растревоженным муравьям, забегали по сторонам. Удивительное то было дело, но в этом юноше, по возрасту годившемся ему в сыновья, толстяк почувствовал человека более сильного по духу и, возможно даже, более определившегося в своем жизненном пути, нежели он сам.

Старый армут понял, что наглый мальчишка, которого не так-то легко запугать, действительно отличается от всех этих боязливых, слабовольных и неуверенных в себе ребят, которых он с такой легкостью отлавливал на улицах Мира чудес. Очевидным было также и то, что с того самого момента, как заносчивый юноша появился в его стане, он будет бороться, даже, быть может, ценой собственной жизни.

Все эти размышления, конечно, не могли понравиться господину Ролли, относившемуся к тем людям, которые любят издеваться над слабыми в той мере, в какой эта модель поведения помогает их собственной самореализации, достижимой лишь с людьми слабохарактерными и уступчивыми. Сильные же личности, напротив, внушали отвращение старому армуту. Сейчас же толстяк сделал вид, что пропустил неприятную реплику Артура мимо ушей. Впрочем, у него в запасе имелось много средств, чтобы сломить волю любого, пусть даже и очень сильного человека.

– Сейчас у вас по расписанию утренние процедуры и момент превращения! – с наигранным весельем проговорил рябой армут. Затем он перевел взгляд на Лэка и недовольно нахмурил черные брови.

– Ты вчера плохо работал, так?

– Так, господин, – страшно бледнея, ответил долговязый паренек. От страха он сжался до такой степени, что даже стал меньше ростом.

– Но я буду милостивым сегодня и не стану тебя наказывать.

Господину Ролли ужасно нравился этот тощий, болезненного вида мальчик, вежливый и исполнительный. При взгляде на него армут испытывал полное удовлетворение.

– Проводите этих на процедуру! – тихим повелительным голосом приказал он своим сопровождающим, указывая перстом на новичков.

Слуги-армуты в два счета освободили ребят и повели куда-то в недра страшного дома. Артур старался запоминать дорогу и обращать внимание на детали. Сначала их провели по небольшому саду, затем они зашли за тканевую ширму. Казалось, там должен начаться сам дом, где жил господин Ролли со своим семейством.

Но обманчивая тканевая дверь вела в еще один садик поменьше, со всех сторон огражденный атласными тканями шатра. Аккуратный, с прекрасными клумбами желтых роз и декоративными кустами брусники, он, впрочем, также казался искусственным и не внушавшим доверия. Притворную красоту клумб портили массивные каменные деревья в центре сада с тремя железными кольцами, к которым, по-видимому, крепились цепи с невольниками. Тишина и отсутствие людей вполне характеризовали дом господина Ролли. Казалось, этот островок, лишенный свободных живых существ, находится не в шумном и гудящем городе армутов, где вся жизнь крутилась вокруг торговцев, а в каком-то другом, нереальном мире. Сады с мнимыми украшениями чем-то напоминали страшный лабиринт, который вел испуганных ребят навстречу зверю. Артур уже не мог определить, сколько таких садов они прошли. По дороге он с наслаждением растирал руки, по которым начинала бегать кровь.

Наконец нескончаемые сады, поражавшие, с одной стороны, искусностью мастеров, а с другой – ужасом, которым было пропитано это место, закончились, и невольников завели в полуоткрытый шатер, стены которого раздувало ветром, как паруса корабля. Внутри находились вполне обжитые хоромы, обставленные с большим вкусом. Видно было, что этот полотняный дом-дворец принадлежит очень богатому человеку, деньги которого позволяли приобре-

тать в несметном количестве различные безделушки, малоиспользуемые в жизни, но при этом обычно так любимые своими владельцами.

Многие богачи не понимают, что копить сокровища на земле – дело невыгодное и даже безрассудное, ибо моль и ржа уничтожают вещи, а смерть однажды заберет и самих хозяев. Эту ситуацию можно сравнить с огромным судном, которое богач с большим трепетом снаряжает в течение всей своей жизни, а потом в какой-то момент корабль выходит в плавание и тонет под тяжестью своего груза, и все, решительно все оказывается на дне моря.

Господин Ролли относился к разряду таких неразумных богачей, которые готовы были бы умереть за свои приобретения. Впрочем, стяжательство было отнюдь не единственным его пороком. Старый армут был жесток, и так как в своей семье он не мог реализовать в полной мере эту преступную склонность, он издевался над рабами, которые имелись у него в достатке.

Артура и Тэнку завели в комнату без окон, где на черной бархатной кушетке сидел седовласый мужчина с непривлекательным горбом на спине и читал какую-то старинную книгу при свете лучины. В небольшом каменном камине приятно потрескивал костер, от которого исходил жар, накалявший и без того горячий воздух. И так странно было видеть в доме, изобиловавшем безделушками, не бутафорию из картона, а единственный солидный предмет, который, впрочем, при этом казался совершенно лишним, учитывая здешний климат.

– Новые поступления, – кратко объяснил толстяк. – Вот этому, – он указал на Артура, – чтоб сполна хватило, тому можно и послабее.

Старик послушно кивнул и вежливым жестом пригласил ребят сесть на мягкие кушетки. Толстяк покинул помещение, довольно улыбаясь.

– Что это за процедура? – не выдержала Тэнка. Хоть она порою и была бесстрашна, как мальчик, но сейчас испытывала страх, и даже не за себя, а скорее за своего друга.

Старик с жалостью посмотрел на нее, но не ответил.

– С кого начнем? – спросил он.

– А есть возможность «отказаться»? – усмехнулся Артур.

Старик грустно улыбнулся.

– Тебе, парень, надо бы учиться держать язык за зубами, иначе ты не протянешь здесь долго. Давай начнем с тебя, – с этими словами он, охая и потирая спину, подошел к Артуру и, надев ему на руки железные кандалы, прикрепил их к кушетке. Затем он взял нож и разорвал рубаху и плащ, которые были на мальчике. Артур с сожалением подумал о том, что лишается сейчас последних напоминаний о школе, где он когда-то учился.

– Старое тряпье тебе больше не понадобится, – объяснил горбатый, откинув ненужные обрывки в сторону.

– Что вы делаете, оставьте его! – вскричала Тэнка и схватила нож, который был в руке у старика. Но пожилой господин ловко, как перышко, оттолкнул ее в сторону и сказал:

– Если будешь мешать, придет хозяин, и будет гораздо хуже.

– Он мне не хозяин, – буркнула Тэнка, но все же благоразумно осталась сидеть на кушетке, сжав руки и напряженно вглядываясь в манипуляции старика. А тот тем временем достал какую-то баночку с оранжевой жидкостью. – Это охра, – пояснил мужчина. Затем он взял нож и, сунув его в полыхающий огонь, стал дожидаться, чтобы металл накалился докрасна. Вот, оказывается, для каких нужд был построен камин!

– Прости, парень, но будет больно, – с сожалением проговорил старик и, достав раскаленный нож, едва надавливая, провел аккуратную полосу по шее Артура. Страшная боль пронзила тело мальчика, но он не издал ни звука, памятуя о том, что испуганная Тэнка во все глаза наблюдает за ним.

– Ты не только смел, но и терпелив. Вчера, на этом самом месте сидел паренек и орал, как раненый дикий вепрь, – с уважением заметил мастер и, отложив страшное орудие в сто-

рону, взял другой инструмент, впрочем, тоже не внушавший особого доверия и, набрав в него краски, начал медленно вводить жидкость в рану, снова причиняя мальчику ужасную боль.

– Это знак того, что ты принадлежишь теперь господину Ролли. Если вдруг сбежишь, что, конечно, маловероятно, тебя непременно узнают в городе по этой отметине и вернут обратно, – объяснил старик, не глядя на Артура. Казалось, ему совестно за действия своего работодателя.

Клипсянин вспомнил странную татуировку в виде орла на шее Лэка. Вот, оказывается, что это было такое. Жгучая ненависть поднялась в его сердце. Именно она помогла ему дотерпеть до конца процедуры, которая длилась около двух или трех часов. Ближе к завершению экзекуции его начало страшно мутить, и старик, увидев, что «пациенту» плохо, отложил свои зловещие инструменты.

– Иди отдохни, – мягко сказал он юноше, который, совершенно ошалев от боли, еле поднялся с места и, шатаясь, отошел в сторону. Возле стены на неблагонадежного вида тряпичном столике стояло зеркало. Глянув в него, Артур ужаснулся. На правой стороне его шеи сидел грозный орел, хищно держащий в кривом клюве свою жертву – змею. Он был кроваво-красного цвета из-за запекшейся крови и охры и выглядел весьма устрашающе.

В Клипсе мужчины иногда делали себе татуировки, которые показывали их принадлежность к тому или иному сословию. В высших кругах это считалось даже модным веянием, пришедшим, как полагали сами клипсяне, с бродячими кибитками оборванцев и армутов, путешествующих по всему свету. Артур же всегда считал подобные манипуляции со своим телом довольно нелепым и глупым способом изуродовать внешность.

Какое-то время юноша с болью смотрел на свое отражение, думая о том, что позорная отметина навсегда останется с ним, как вечное напоминание об этих ужасных днях.

– Ты привыкнешь, – попытался успокоить его старик.

– Я вижу, вы вполне привыкли делать это с беспомощными людьми, которые не далее, как час назад считались свободными, – сухо ответил Артур.

Старик нахмурился. В принципе он был неплохим человеком, но подобное ремесло действительно требовало неких моральных уступок с его стороны, на которые он научился закрывать глаза. Прямолинейные слова незнакомого юноши всколыхнули в его сердце давно заснувшую совесть.

– Это моя работа, – отрезал он и посадил перед собой Тэнку. Опытный глаз его смог сразу же распознать, что перед ним девочка. Этот факт его удивлял, так как господин Ролли предпочитал иметь работников мужского пола, которые в целом были выносливее и здоровее. Старик не хотел повторять подобную экзекуцию с девочкой, поэтому он с грустью вздохнул. Обычно жалость редко касалась его сердца; нельзя сказать, чтобы мастер гордился своим родом деятельности, но, надо отдать должное, и не стыдился его. Жизнь среди армутов научила его попираť нормы морали, когда ему это было выгодно или удобно.

– Я сделаю тебе кое-что другое, – ласково сказал мастер Тэнке, глядя, как она дрожит всем телом, поджав под себя ноги, как воробушек. Он взял лист пергамента и нарисовал на нем орла, но чуть поменьше. Затем он добавил к охре странную вязкую прозрачную жидкость, по-видимому, необходимую для завершения процедуры. Наконец, он прислонил к шее девочки лист, подержал около получаса и медленно отклеил его. Очертания орла теперь были четко выведены на тонкой, хрупкой шее девочки.

– Мой тебе совет, – сказал старик. – Когда будешь мыться, не скреби шею особенно сильно.

– Мне так не могли сделать? – раздраженно поинтересовался Артур.

– Прощайте, господа свободные люди, – только и сказал мастер и три раза хлопнул в ладоши, что должно было означать, что процедура благополучно завершена. Толстяк уже пришел и ждал их в коридоре, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу.

– Какая красота и изящество, какой стиль! – неподдельно восхитился он, глядя на шею Артура. Ему уже не в первый раз доводилось видеть, как мастер своими руками превращает людей в его игрушки, но каждый раз созерцание победоносной птицы на тонких шеях вызывало в нем невыразимое удовольствие.

– Вы можете отдохнуть и поесть. Завтра приступите к работе. Бат будет заниматься обустройством территории, ну а Бел... Пока займется готовкой, – толстяк сделал особенный акцент на слове «пока», отчего Артур внутренне содрогнулся от страха за свою подругу.

Как бы он хотел применить силу, чтобы стереть с губ старого армута эту ехидную, довольную усмешку! Но сейчас, будучи в кандалах, он мог только высокомерно промолчать, всем своим видом давая понять, что толстяк непременно заплатит за все те унижения, которые он им причинит.

Глава 11 Или за свою свободу бороться надо с собой

На следующий день Артура и Тэнку разделили, погнав каждого выполнять обязанности, предписанные господином Ролли. По какой-то причине старый армут предпочел дать Тэнке более простую работу, чем Артуру, однако клипсянина этот факт отнюдь не успокаивал, ибо после разговора с Лэком он понял одно: девочку впоследствии собираются отправить на какое-то другое, более сложное испытание, поэтому ее стараются не мучать с самого начала.

Артур же с первого дня прочувствовал все прелести выматывающих работ в шатре, ведь обязанностей было бесчисленное множество. Рабы переносили на себе тяжелые ящики с товаром, который господин Ролли выставлял на продажу, тщательно убирали территорию, начищали фонтаны, переносили в огромных ведрах питьевую воду, чтобы на кухне всегда имелся запас для готовки, обслуживали семью Ролли и выполняли множество других заданий, которые непрерывно сменяли друг друга. К концу дня мальчики изматывались так, что, почти не чувствуя своих ног, приползали к месту ночлега и, даже не дождавшись пока на их натруженные руки наденут кандалы, проваливались в глубокий сон. В суровом распорядке дня этих несчастных юношей существовал лишь один кратковременный перерыв на отдых, когда рабы могли выпить стакан молока, заменявший им скудный обед.

Господин Ролли сам очень часто наблюдал за работой, строго контролируя качество ее выполнения; старый армут вел праздный образ жизни, и у него вполне хватало времени на подобное созерцание. Мужчине чрезвычайно нравилось смотреть, как на его глазах, подобно гигантскому муравейнику, растет его империя. Хозяин внимательно оценивал каждого мальчика и прикидывал, насколько эффективен тот или иной работник. Армут также решал вопрос о наказаниях, если ему казалось, что допущены какие-то грубые нарушения или проявлена халатная небрежность к своему труду.

Впрочем, бедные юноши не знали такого понятия, как небрежность, ибо она каралась слишком сурово. Даже секундная остановка или промедление стоили им удара плети, которыми их лениво одаривали надсмотрщики, являвшиеся рабами, но более высокого ранга, если так можно выразиться. Удивительное дело, но эти, тоже, в общем-то, бесправные люди без всякого понимания и милосердия могли истязать своих подчиненных, считая их ниже себя. Рабская философия проявляется не только тогда, когда ограничена личная свобода человека, но еще и тогда, когда он сам начинает видеть в других таких же рабов и относиться к ним соответственно.

Господин Ролли иногда любил сам раздавать еду своим рабам. В эти моменты он разговаривал с каждым, делал замечания и давал какие-то советы. Мужчине нравилось общаться со слугами, ибо в этих разговорах он неизменно чувствовал собственное превосходство. Сегодня старый армут особенно внимательно наблюдал за новичком: Артур вроде бы и выполнял свою работу, однако без должного рвения, и даже, как показалось господину Ролли, с каким-то легким оттенком пренебрежения.

Более того, дерзкий юноша совершенно не откликнулся на новое имя и, когда армут обращался к нему, наглец упорно делал вид, что не слышит его. Старый армут мечтал наказать мальчишку, чтобы тот, наконец, осознал, в какое положение он попал. Но пока для серьезного наказания на его счету имелось маловато оплошностей. В настоящий момент армут ограничивался лишь тем, что давал юноше самую тяжелую работу, какую только мог придумать его изощренный ум.

Наконец, наступило долгожданное время обеда, и рабы стали робко подходить к господину Ролли, желая получить свою обеденную порцию. Когда Артур брал стакан с молоком, его руки так сильно дрожали от непривычного перенапряжения, что он едва не разлил весь свой и без того скудный обед.

– Как тебе рабочий день, Бат? Утомительно? – с издевкой поинтересовался армут, насмешливо глядя на свое новое приобретение. Однако дерзкий юноша наглым образом проигнорировал эту фразу, сделав вид, что ничего не слышит. Господин Ролли добродушно улыбнулся. Мужчина понимал, что рано или поздно он все равно сломает строптивца, приближать же этот момент смысла не было. Одинаковые раболопные физиономии своих подопечных порою сильно раздражали его, особенно когда ему хотелось разнообразия. С этим же новым рабом он вполне может поиграть до тех пор, пока забава ему не надоест. Впрочем, хозяину все равно хотелось наказать его за дерзость, и этот момент вскоре наступил.

Один из рабов, Лэк, отличился, ибо совершил непростительную небрежность, разбив фарфоровую тарелку с гербом мануфактуры Ролли. За этот возмутительный проступок армут приказал надсмотрщику дать ему пять ударов плетью. При этом хозяин как обычно, громко ругал мальчика. Это было необходимо по нескольким причинам: во-первых, внушение для других рабов, во-вторых, наука для самого наказуемого. Господин Ролли краем глаза заметил, что во время гневной брани Артур прекратил работу и остановился, пристально глядя на сжавшегося в совершенном испуге Лэка. И было в его глазах нечто такое, что сразу натолкнуло старого армута на мысль о том, как можно, наконец, проучить нового раба. Господин Ролли вразвалку подошел к юноше и сказал:

– Слушай внимательно, Бат. Лэк только что совершил непростительный проступок и должен получить справедливое наказание. Я бы хотел, чтобы его осуществил ты. Возьми плеть и накажи Лэка. Таким образом, ты поймешь, насколько важно неукоснительно следовать всем моим приказам.

Артур с каким-то удивлением посмотрел на старого армута, словно в первый раз осознав, что обращаются именно к нему.

– Давай же, Бат, не заставляй меня ждать, – ворчливо проговорил господин Ролли, видя, что юноша замер в нерешительности.

– Я не буду этого делать, – наконец сухо произнес Артур.

Господин Ролли довольно ухмыльнулся, так как раб прямоком угодил в ловушку, специально для него подстроенную.

– Вот как, и почему же? – с наигранным любопытством поинтересовался старый армут, с наслаждением вглядываясь в лицо своего строптивного слуги. Юноша презрительно молчал, не считая нужным что-либо пояснять. Понимал ли он, что армут нарочно его испытывает? Да, в некоторой степени Артур это понимал. Но тем не менее он не мог перешагнуть через себя и ударить или унижить другого человека. Он считал, что лучше ему самому перенести наказание, чем подвергать испытанию своего друга.

– Хорошо, Бат, как хочешь. Мы не будем наказывать Лэка, но тебе следует кое-что уяснить. Мои приказы обычно выполняются беспрекословно. Ты только что нарушил это простое правило, за что должен ответить.

Господин Ролли видел, как остальные рабы в страхе озираются на своего хозяина; они понимали, что последует за этими его словами и, возможно, втайне жалели новичка. А может, просто боялись оказаться на его месте, как знать.

Артур же безразлично пожал плечами, словно вполне принимал такое положение вещей.

Господин Ролли лениво щелкнул пальцами, подзывая другого раба.

— Принеси охотничий кнут, обычной плети этому наглецу, видимо, недостаточно!

Раб тут же испарился, стараясь как можно быстрее выполнить приказание.

– А ты... Долой рубашку, быстро! – тихо велел армут, в упор глядя на Артура. Юноша постарался придать своему лицу безразличие, когда нарочито медленно снимал с себя рубашку. Клипсянин хорошо понимал, что последствия от кнута будут гораздо более плачевными, чем от плети, которую использовали надсмотрщики. Страх на секунду возобладал над ним, затуманив сознание. Что если он не справится, покажет свои страдания, не сможет сдер-

жать слез? Не легче ли было выполнять все приказы беспрекословно, вести себя, как другие, не лезть на рожон? При этом юноша отчетливо понимал, что только выказывая безразличие и бесстрашие, он психологически побеждал своего мучителя. Для него это было важнее боли, которую ему придется претерпевать.

– На землю! – вновь отчетливо скомандовал господин Ролли. Артур медленно подчинился приказу, предусмотрительно положив рубашку под лицо, чтобы мучитель не видел его глаз во время истязания. Хотя, может, это будет не так уж и больно, как ему кажется... Однако когда в воздухе просвистел хлыст и опустился на его голую спину, бедному юноше показалось, что кожу прожигают каленым железом. Он не смог сдержать тихого стона и дрожащими руками вцепился в рубашку, словно она могла хоть как-то спасти его от боли.

Клипсянин чувствовал, что кнут нанес ему глубокую рану, из которой сразу же хлынула горячая кровь, заливая благоустроенную дорожку. А потом было еще много вспышек боли, резких и оглушающих, когда его тело сильно вздрагивало и тут же замирало, в изнеможении. Несчастному казалось, что пытка длится вечно, и он уже не верил в то, что дотянет до конца. Сознание то уходило от него, то вновь возвращалось, подобно морским волнам; ему мерещилось, что он захлебывается в воде, ему нечем дышать, а потом коварное течение вновь прибывало его на берег, и он приходил в себя, совершенно измученный и обессиленный. Из его глаз струились слезы, которые он был не в состоянии сдержать. Наконец, воцарилась какая-то странная зловещая тишина, и удары прекратились. Песок под ним был залит его собственной кровью.

– Раны глубокие, их теперь надо зашивать, – нерешительным голосом произнес раб, который все это время наносил тяжелые удары. В глубине души ему было жаль юношу, подвергнувшегося такому суровому наказанию. Теперь у бедняги может начаться лихорадка, раны будут рубцеваться и чесаться, причиняя невыносимые страдания, и он, вероятнее всего, на время будет отстранен от общественных работ.

Господин Ролли удовлетворенно хмыкнул, глядя на строптивца, беззащитно лежавшего на земле. Медленно приблизившись к Артуру, мужчина грубо перевернул его на бок острым носком своей туфли. Лицо раба было белее снега, несмотря на сильный загар, а голубые глаза блестели от слез.

– Прости, Бат, но это еще не все, – с деланным сожалением проговорил старый армут, с полным безразличием глядя на избитого юношу.

– До вечера ты будешь прикован кандалами к дереву, а все остальные будут смотреть на тебя и набираться ума и послушания. Вечером тебя отведут к врачу; он же даст тебе воды.

Так как Артур продолжал молчать, никак не отреагировав на данную тираду, господин Ролли лениво ударил его ногой в живот, заставив юношу сжаться от новой вспышки боли. Затем мужчина, подумав, что и так уже достаточно наказал наглеца, хлопнул в ладоши, подзывая надсмотрщика. Как и обещал старый армут, Артуру надели кандалы на руки и поставили у дерева в центре небольшой площади, где в основном трудились другие рабы. Обессиленный мальчик не мог стоять на ногах, поэтому он просто беспомощно повис в кандалах, закрыв глаза. Он чувствовал, как по его спине стекает кровь, а полуденное солнце обжигает кожу и накаляет железные кандалы на его руках. Кажется, мимо него тихо проходили другие несчастные узники шатров, однако они не решались поднять на него глаза.

Бедному мальчику ужасно хотелось пить, а когда солнце уже достаточно нагрело ему спину, жажда стала и вовсе невыносимой. В какой-то момент он не выдержал и взмолился у проходящего раба о глотке воды. Однако юный слуга, услышав его просьбу, в испуге отпрыгнул от несчастного, словно боялся, что его тоже могут наказать. Все это не укрылось от господина Ролли, который лениво поглядывал на наказанного раба. Старый армут приблизился к Артуру и с нескрываемым удовольствием посмотрел в его замутненные от боли глаза.

– Если ты чего-то хочешь, Бат, можешь вежливо попросить у меня, и я выполню твою просьбу, – с грубым смешком проговорил мужчина. Ему было интересно, в какой момент, наконец, непокорный раб примет его правила игры. Юноша с трудом приподнял голову и с безразличием взглянул на своего врага. Жажда страшно мучила его, но, тем не менее, он не сказал ни слова.

Армут лишь пожал плечами и отошел в сторону; мальчишка еще не знает, насколько сурово может караться подобное упрямство.

Ближе к вечеру Артура, наконец, освободили. Впрочем, бедный юноша об этом не узнал, так как был без сознания. Тогда-то он в первый раз оказался в комнате местного врача, чрезвычайно уважаемого человека, господина Лыгинкиса. Покои доктора были практически такими же роскошными, как и хоромы четы Ролли. Из всего обслуживающего персонала именно господин Лыгинкис пользовался особым доверием и уважением господина Ролли, ведь от этого искусного врача зависело здоровье всех обитателей шатра. Старый армут был весьма неглупым человеком, поэтому он понимал, что лекарь на самом деле является куда более полезным, чем любой из его наемных работников, и посему должен обладать особыми привилегиями. Господин Ролли, не жалея средств, вкладывался в развитие медицины; он отчетливо осознавал, что и ему самому рано или поздно придется воспользоваться помощью врача.

Достопочтенный лекарь занимал несколько просторных, роскошно обставленных комнат, отделенных друг от друга раздвижными ширмами. Когда рабы внесли Артура в покои господина Лыгинкиса, тот передернул плечами и брезгливо сморщил крючковатый нос.

– За что вы их так разрисовываете? – раздраженно поинтересовался старик у вошедшего господина Ролли. Тот добродушно пожал плечами.

– За непослушание.

– Таким манером у вас не только непослушных, но и вообще рабов не останется, – брызгливо продолжал старый врач.

Удивительно, но этот маленький человечек, пожалуй, был единственным в шатрах, кому позволялось подобным образом разговаривать с господином Ролли. Врач даже мог бы влиять на некоторые решения старого армута и защищать рабов, чего он, впрочем, не делал. Сострадание было чуждо его характеру.

– Что с ним? Он уже давно без сознания. Неужели обычная порка дала такой эффект? – озабоченным голосом поинтересовался армут.

Врач склонился над юношей, которого заботливо положили на пуховые подушки. С лица господина Лыгинкиса не сходило брезгливое выражение. По правде говоря, доктор ненавидел больных всем сердцем.

– У него степная лихорадка, – наконец, безапелляционно заявил он, продолжая рассматривать пострадавшего.

– Это серьезно?

– Я уберу проявления болезни. У меня есть необходимые медикаменты. Завтра от нее не останется и следа. Однако она может вернуться при подобном обращении... В ближайший месяц его нельзя наказывать и заставлять перерабатывать. Иначе лихорадка вернется, и тогда она может стать опасной для его жизни. И кормить его надо получше. Фрукты и овощи обязательно должны присутствовать в его рационе.

Армут поморщился.

– Все настолько плохо? – пробормотал он себе под нос.

Врач пожал плечами.

– Все зависит от того, насколько вам дорога жизнь этого работника.

Господин Ролли еще раз взглянул на юношу. Все тело больного сотрясала крупная дрожь, черные волосы его были мокрыми от пота, а лицо – белее подушек, на которых он лежал. Губы старого хозяина исказились в мстительной усмешке.

– Откровенно говоря, мне наплевать на его жизнь, – безразлично проговорил толстяк. – Однако Бат меня забавляет больше других. Тем более он новичок. Поэтому полечите его, насколько это возможно. После необходимого ухода прикажите привести его на свое место.

Господин Лыгинкис кивнул головой и довольно бесцеремонно указал своему работодателю на выход, всем видом давая понять, что задерживаться в его хоромах более нет смысла. Господин Ролли послушно вышел, оставив врача наедине со своим пациентом.

Врач принялся за дело. Он основательно промыл раны на спине и, зашив их посеребряной нитью, смазал специальными травяными мазями, которыми славится подземный город Кагилу. Затем он сделал больному несколько инъекций, а когда тот пришел в себя, напоил лечебным отваром и молоком с инжиром, после чего юноша провалился в исцеляющий сон.

На следующее утро у Артура, как и обещал врач, полностью спала лихорадка. Однако в целом, несмотря на чудодейственные обезболивающие мази кагилуанцев, даже незначительные передвижения давались юноше с огромным трудом, ибо при ходьбе раны на его спине начинали болеть с удвоенной силой. Помимо этого, мальчик чувствовал ужасную слабость, как бывает после затяжной болезни, и когда он преодолел вроде бы небольшое расстояние от комнат доктора до своей тюрьмы, то почувствовал себя настолько уставшим, как будто шел без отдыха целый день.

Лэк и Тэнка пока еще были здесь; они невероятно обрадовались, увидев своего друга живым. После того, как армуты надели на мальчика кандалы и ушли, Тэнка кинулась к Артуру. Ее глаза были красными от слез; Лэк не рассказывал девочке, что произошло. На то было несколько причин. Во-первых, мальчик не хотел расстраивать свою подругу по несчастью излишними подробностями. А во-вторых, инцидент произошел в какой-то степени из-за него самого. Ведь Артур должен был его наказать, но не стал этого делать.

Этот факт немало смущал честного юношу, который, откровенно говоря, пока еще не понимал, как ему следует относиться к этой безумной выходке: как к проявлению героизма или же как к невероятной глупости. И пока, надо отметить, мальчик склонялся ко второму. Впрочем, ему хотелось сперва поговорить об этом с Артуром наедине. И когда Тэнку отвели на кухню, мальчику представилась такая возможность.

Лэк подошел к Артуру, неловко звеня цепями. Тот сидел возле конуры, прислонившись к ней головой. Глаза его были закрыты, словно он спал.

– Бат... – проговорил мальчик, надеясь привлечь его внимание. Однако когда Артур открыл глаза и в упор посмотрел на Лэка, то он вздрогнул, и его бронзовое лицо по-девичьи залилось краской, ибо мальчик понял, что по трусости своей сказал бестактность. – То есть я... Хотел сказать – Артур, – шепотом добавил юноша, с опаской озираясь по сторонам. В эту минуту он напоминал дикого оленя, которого вспугнул охотник.

– Я хотел поговорить с тобой. Почему ты это делаешь? – наконец пробормотал он, с напряжением глядя в лицо своего собеседника. Артур вопросительно приподнял брови; он не совсем понял, о чем идет речь.

– Ну, я имею в виду... – Лэк в нерешительности замялся, не зная, как лучше следует вести разговор. – Почему не подчиняешься Ролли?

– С какой стати я должен ему подчиняться? – хриплым голосом ответил Артур.

– Ну, в этой ситуации... Разве не лучше для тебя самого притвориться на какое-то время... Что ты его слушаешь? Тогда ты будешь избавлен от многих неприятностей, в том числе и от трепки.

– Разве было бы лучше, если бы я избил тебя плетью? – с удивлением спросил Артур.

Лэк пожал плечами.

– Рано или поздно меня все равно избыют. И, честно говоря, мне абсолютно все равно, кто именно осуществит наказание. У нас здесь нет никаких прав, понимаешь? Так что я, конечно, благодарен тебе за то, что ты не захотел... Нет, на самом деле я вовсе не благодарен

тебе! – вдруг неожиданно раздраженно закончил Лэк. – Ты только привлек на меня внимание хозяина. Теперь в будущем мне не избежать трепки куда более страшной, чем ждала меня вчера.

Артур расстроено опустил голову.

– Прости меня, Лэк. Я не хотел навлечь на тебя беду. Просто я... Не могу ударить беззащитного человека. Это выше моих сил. Я считаю это недостойным поведением даже в нашей ситуации... Я могу выполнить работу – какую угодно, мне все равно, но унижать слабого... Это другое.

– Но ты мог бы пойти на компромисс с самим собой ради того, чтобы тебя не наказывали! – запальчиво воскликнул Лэк.

Артур ласково улыбнулся новому другу.

– Знаешь, есть одна фраза... Я не очень хорошо ее помню, но вроде она звучит таким образом: «Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом...» Нельзя перейти на сторону врага на какое-то время; можно быть либо на его стороне, либо против него. Нельзя на какое-то время предать самого себя, свои убеждения и совесть, а потом убедить себя в том, что никакого предательства не было и в помине. Ничто не проходит бесследно. Мне противно то, чем занимается Ролли. Мне противен его образ жизни, и я не собираюсь следовать ему только потому, что боюсь наказания. Если бы он сказал, что накажет Тэнку вместо меня, тут нет вопросов; в этом случае я сделаю все, что он прикажет. Но здесь речь идет только обо мне и о нем. Я хочу показать другим несчастным ребятам, попавшим в шатры Ролли, что нельзя просто так смиряться со своим положением, всегда необходимо бороться. Если таких, как я, будет несколько, то этого уже хватит для того, чтобы можно было убежать.

– Ты все еще надеешься убежать?! – изумленно воскликнул Лэк. Его большие карие глаза с безотчетной симпатией смотрели на Артура. Хотя, надо отметить, в разуме своем Лэк все же полагал, что сумасбродный новичок спятил окончательно.

– Я убегу, – уверенно произнес юноша, как человек, который вполне готов нести ответственность за сказанные слова. – Это лишь вопрос времени.

– До этого момента, боюсь, тебе не дотянуть с твоими принципами, – с неприкрытой жалостью произнес кареглазый мальчик. Артур насмешливо хмыкнул, но ничего не сказал.

Через какое-то время пришли армуты и забрали Лэка на работы. Артура же на целый день оставили в покое. В обед ему принесли прекрасный спелый арбуз, у которого была настолько сладкая мякоть, что, казалось, его кто-то специально начинил сахарным сиропом. Юноша хотел поделиться лакомством со своими друзьями, однако армуты унесли остатки арбуза, словно догадавшись о его благочестивых намерениях. Мальчик много спал и восстанавливался; когда действие лечебной мази заканчивалось, его посещал врач и вновь обильно обрабатывал ему спину.

Ближе к вечеру мимо заключенного на носилках пронесли какого-то молодого парня. Бедняга лежал без движения, и Артур, с ужасом глядя на его неподвижное, будто каменное лицо, подумал, что юноша, возможно, мертв. Шатры жестокого армута походили на логово дикого зверя; похоже, выбраться из них можно было только, увы, подобным образом – на носилках. Артур так засмотрелся на эту грустную процессию, что совсем не заметил, как к нему, мягко ступая по земле, приблизился сам хозяин.

Господин Ролли с удовольствием обнаружил безотчетную тоску во взгляде своего раба. Ему бы хотелось, чтобы эмоции чаще появлялись на лице непокорного слуги, однако Артур, как только заметил врага, сразу же закрыл глаза, делая вид, что спит.

– Сегодня приятный, теплый вечер, Бат, – тихим мурлыкающим голосом проговорил господин Ролли. – Надеюсь, тебе понравилась твоя сегодняшняя еда.

Видя, что юноша упорно продолжает молчать, армут добавил, кивнув в сторону столпившихся вокруг носилок слуг.

– Запомни, мой мальчик, все люди делятся на две категории: те, кто хоронит, и те, кого хоронят.

Артур открыл глаза и с удивлением покосился на старого армута.

– Ты можешь мне ответить, я не буду тебя за это наказывать, – понимающе усмехнулся мучитель.

Артур не желал вести светские беседы с человеком, при одной мысли о котором его бросало в дрожь, однако юноша подумал, что если он ответит, возможно, господин Ролли оставит, наконец, его в покое.

– Границы между этими категориями весьма размыты; и оглянуться не успеете, как окажетесь во второй, – насмешливо произнес мальчик. Старый армут неожиданно разразился добрым смехом. Ему чрезвычайно понравился ответ слуги.

– Ты так прав, Бат. Именно поэтому я сделаю все возможное, чтобы подольше побыть в первой. А вот ты, мой дорогой, близок к тому бедняге как никогда, уж прости.

Артур смерил мужчину презрительным взглядом, но ничего не сказал. Тогда господин Ролли продолжил свою мысль:

– Врач сказал, что у тебя была степная лихорадка. Вполне распространенная хворь для тех, кто впервые попадает в наши равнинные земли. Заболевают люди в основном со слабым иммунитетом. Болезнь эта очень коварна, если ее не лечить, то она может привести к летальному исходу. Я не такой жестокий человек, как ты, наверное, про меня думаешь. Поэтому я даю тебе, то есть человеку несвободному, выбор линии поведения. Ты можешь полностью подчиниться мне, но в этом случае тебе надо безропотно исполнять мои приказы. Любые. В этом случае я не буду наказывать тебя, а в твоём рационе всегда будет сносная еда. Думаю, если ты на это согласишься сейчас, то тебе будет гораздо легче. Есть и второй вариант: ты отказываешься подчиниться моим приказам, продолжаешь не реагировать на свое имя и ведешь себя, как капризный избалованный мальчишка, которого в детстве отец никогда не наказывал плетью. Что ж, в этом случае пеняй на себя, жизнь у тебя будет совсем не такой сладкой, как сегодняшний арбуз, который тебе принесли на обед. А главное: в конце ты все равно сломаешься, хоть ты пока еще об этом не знаешь. Над тобой будут издеваться все, даже рабы, а твоя болезнь при таком исходе, скорее всего, вернется. Видишь ли, я предельно честен с тобой, ибо рассказываю все, как есть; этим своим поведением я проявляю уважение, хоть ты и не равен мне по статусу. Теперь ты можешь ответить, какие у тебя соображения на этот счет...

Артур внимательно выслушал все, что говорил ему господин Ролли. Проницательный юноша догадывался, что эти разговоры – не что иное, как еще один способ изощренно издеваться над ним. Что бы там ни твердил армут о своей мягкосердечности, на самом деле он был безжалостным, уродливо жестоким до такой степени, что сам, возможно, этого даже не осознавал.

Мальчик также понимал, что если он выберет первую линию поведения, то, скорее всего, за этим последует незамедлительный приказ армута совершить нечто гнусное, противное всей его натуре. Это будет такое распоряжение, которое Артур все равно не сможет выполнить. По сути, у юноши выбора не было. Но неужели слова насчет болезни – правда? Клипсянин не знал. Может, это лишь еще один прием, чтобы лишний раз помучить его? В любом случае, ему надо было бежать отсюда, и как можно скорее. Но как это осуществить? Пока побег казался неисполнимым предприятием.

– Сложный выбор, не так ли? – с издевкой проговорил господин Ролли, заметив проблески нерешительности в голубых глазах своего раба.

Артур, не отвечая, отвернулся от господина Ролли. Да и что он мог ответить? Все, что разыгрывал здесь старый армут, напоминало скверную театральную постановку.

– Хорошо, – вполне благожелательным голосом ответил хозяин. – Я тебя понял, Бат. В таком случае скоро ты приступишь к своим новым обязанностям – будешь способствовать

обучению моей дочери, – с этими словами грузный толстяк побрел прочь, оставив, наконец, раба в одиночестве.

Несмотря на страшные угрозы старого армута, строптивного клипсянина не трогали в течение нескольких дней. Его продолжали лечить и кормить разнообразными армутскими деликатесами, но Артур особенно не обольщался на этот счет, ибо хорошо понимал, что передышка, увы, кратковременна, а за ней последуют испытания, еще более тяжелые, чем те, что ему уже довелось пережить.

Проницательный мальчик оказался прав, и по прошествии нескольких благодатных дней его вновь повели в глубину шатров выполнять новую работу. Так Артур впервые встретился с семьей старого армута.

Жена, госпожа Ролли, была таких же необъятных размеров, как и ее муж. Плохой обмен веществ вкупе с малоподвижным образом жизни превратили молодую и, в общем-то, привлекательную женщину в толстую старуху. При всей своей неприглядной внешности она была настоящей модницей и очень любила всякие женские побрякушки. В ее шкафу, сделанном из тончайшего, но при этом крепкого дерева, имелось около тысячи разновидностей шелковых платков – предмета ее особой любви и заботы.

Каждое утро начиналось с того, что госпожа Ролли доставала все свои платки из шкафчика и подолгу их рассматривала, поочередно примеряя то тот, то этот. Иной раз можно было даже подумать, что данный предмет женского туалета гораздо милее ее сердцу, чем родной муж и дети. Как настоящая дама, она любила переодеваться, красить свои пухлые лиловые губы и подолгу расчесывать красивые, смазанные оливковым маслом, черные волосы – наследие армутов, которое, пожалуй, было единственным украшением в ее теперешней внешности.

Госпожа Ролли не любила читать, считая книжки в частности и любые науки в целом премудростью дураков. Зачем тратить время на бесполезные занятия, когда есть нечто более интересное, например, созерцание себя в большом зеркале с драгоценными камушками – изящная работа подземных мастеров из Кагилу. Мужа своего она глухо презирала за его огромный живот, мерзкие страстишки и даже манеру ходить – вразвалочку, шаркая ногами.

Единственное, что действительно привлекало госпожу в супруге и что она ценила в нем безмерно, это деньги. Несметное количество венгериков, благодаря которым семейство Ролли могло позволить себе любую прихоть, любое безумство, в пределах, разумеется, их города – Мира чудес.

Вседозволенность и безграничные возможности кажутся чем-то желаемым только тем людям, которые еще ими не обладают, для других же, счастливых богачей, они становятся такой обыденностью, что очень быстро надоедают. Вот так и госпожа Ролли, с одной стороны любила деньги мужа и ценила его способность одаривать ее подарками, но с другой, женщина томилась от скуки и никто, даже родная дочь и сын, не могли развеять эту хандру.

Господин Карм Ролли-младший имел тридцать смрадной от роду. Странное дело, но он совершенно не походил на армутов, так как был обладателем длинного тощего тела, лишеного каких-либо мускулов, и бледной кожи, что уж совсем нехарактерно для степного народа. Болезненный на вид, даже чахлый, юноша (который, впрочем, только по внешности выглядел юным, а на самом деле он являлся уже вполне взрослым мужчиной) был достаточно образованным и, по меркам армутов, даже мог бы сойти за мудреца. Молодой человек мечтал покинуть Мир чудес; невыносимая жара и грубые манеры вызывали у него тошноту, равно как и местные традиции вкупе с общей безграмотностью. Ему не нравилась его семья, которую он терпел сквозь зубы; молча презирая, но не отваживаясь, однако, на открытый бунт.

В своих мечтах Карм занимал достойные высокооплачиваемые должности в древесном городе Беру, имел гнездом на самой престижной ветке, жену и детей. Однако время шло, а он продолжал оставаться под крылом у родителей, не имея в себе достаточно сил, терпения и воли, чтобы начать жить самостоятельно. Молодой человек был очень щепетилен к своему

здоровью; единственно эта тема его необычайно трогала и была способна хоть как-то всколыхнуть дремавшие в нем чувства.

Когда у Карма спрашивали о его самочувствии, он весь оживлялся, и на его бледных щеках от удовольствия появлялся едва заметный румянец. Юноша тогда начинал старательно выискивать причины, чтобы поговорить об интересном предмете подольше. «Вчера были такие сильные сквозняки, что у меня появился насморк...» – слегка гнусава, говорил он. Затем добавлял: «А когда я вечером сидел в саду, ко мне подлетел москит... Право же, не люблю я этих насекомых. А если сразу занесут?» – и разговор мог продолжаться до бесконечности. Господин Ролли-младший много мечтал, но в целом его мечтания не выходили далее пределов его сознания. Любые действия требуют неких усилий, а Карм совершенно не желал что-либо предпринимать.

Каждое утро начиналось у него с омовения розовой водой, затем обильный завтрак, непременно с сухофруктами. Потом отдых, ведь и прием пищи требует немалых усилий. До обеда во время самой жары юноша возлежал в тени платанов на подушках, покуда его обмахивали с двух сторон опахалами, чтобы он, чего доброго, не перегрелся. Тогда Карм и предавался сладостным мечтаниям. Он плохо понимал, что перед тем, как самостоятельно добиться успеха в жизни, ему следует начинать с малого. Порою нужно претерпеть трудности и лишения на низкой непрестижной ветке, чтобы потом, в какой-то момент, попасть повыше. А этому мечтателю же казалось, что стоит ему только захотеть, как сам король примет его к себе на службу с распростертыми объятьями.

Так Карм и размышлял до обеда, потом – опять еда, отдых, а после, стало быть, подходило и время ужина. День пролетал за днем, знания, полученные когда-то улечивались из его головы, оставляя только смелые фантазии, сменявшие одна другую, накатывавшие как волны и сразу же отступавшие, предаваясь забвению.

А что же из себя представляла дочь господина Ролли?

Это была девочка, смрадной пятнадцати от роду, вполне симпатичная, с такими же длинными черными волосами, как и у матери, смуглой кожей и миндалевидными зелеными глазами. В целом ее можно было назвать прехорошенькой, если бы не пустое выражение глаз, без проблеска единой мысли и идеи. Да и какие бы там могли быть идеи, когда дети являются отражением своих родителей? Конечно, преподаватели усердно работали с ней день и ночь, пытаясь донести до ее ушей разные науки, но все безрезультатно. Госпожа Тиллитта просто не могла сосредоточиться на чем-то одном; разрозненные мысли порхали в ее хорошенькой головке совершенно произвольно, подобно свободным птицам в голубом небе, и она редко когда могла действительно услышать и понять своих многострадальных учителей.

Вот и сегодня, сидя за партой, с двумя милovidными косичками, она внимательно смотрела на пожилого учителя, чья неблагозвучная фамилия немало смущала последнего. Его звали господин Волосатинс, но, как это часто бывает, подобная фамилия ни в коей мере не отражала реальное положение вещей, ибо на голове у вышеуказанного господина волос уже давно не наблюдалось. Вся растительность, которая по праву должна была неплохо себя чувствовать на макушке, почему-то ушла в длинную, но довольно жиденькую бородавку, которая, впрочем, была, несомненно, очень дорога ее обладателю.

Господин Волосатинс не являлся армутом; он был пришельцем и чужаком в Мире чудес. Однако большой жизненный опыт и неплохое беруанское образование дали ему возможность весьма хорошо устроиться в передвижном городе. В его арсенале имелось очень много знаний, абсолютно не интересовавших госпожу Тилли. Все объяснения мудрого учителя представлялись девочке весьма сложной и практически непостижимой для ее разума материей. Помимо прочего, девочку жутко раздражала странная жестикуляция преподавателя; казалось, пожилой мужчина надеется таким образом лучше донести суть сказанного. Добавим ко всем перечисленным достоинствам господина Волосатинса тот факт, что его потешная козлиная борода

интенсивно тряслась каждый раз, когда достопочтимый ученый начинал размахивать руками. Это было довольно забавно, но Тилли не смеялась, ибо томилась от скуки и жары. Перед ней стояла изящная глиняная кружка с розовой водой, и девочка время от времени отпивала по чуть-чуть, пытаясь хоть как-то развлечься.

– Госпожа Тилли, несравненная, повторите, что я сказал! – со слабо прикрытым возмущением проговорил старый преподаватель, видя, что внимание девочки принадлежит вовсе не ему.

– Вы сказали... Вы сказали... А что вы сказали, повторите, пожалуйста, я не очень хорошо расслышала, – скучающим голосом протянула Тилли, подперев кулачком голову. Преподаватель терпеливо повторял, но в этот момент звук будто отключался в голове у девочки, и она опять решительно ничего не воспринимала. Приблизительно таким образом и проходил урок: вроде бы и, несомненно, полезный, но в то же время, абсолютно безрезультатный.

Но сегодня все изменилось: в комнату привели юношу, одетого в кандалы. Для дома семейства Ролли это не было новостью, и девочка довольно хорошо знала пристрастия своего папы. Все уважающие себя беруанские богачи имели собственных слуг, но ни одна семья не могла похвастаться таким большим количеством бесплатных работников. Тилли никогда не сочувствовала им и относилась к рабам с не большей жалостью, чем, например, к новым ленточкам и платьям. Да и какая, собственно, между ними была разница? Когда платье рвалось или пачкалось, она выкидывала его без сожаления, так как знала, что в ее гардеробе тут же появится новое.

Приблизительно те же чувства армутка испытывала и к этим мальчикам, которые то появлялись, то исчезали из ее окружения. Так было с самого детства, и иной жизни испорченная девочка, увы, не знала. Тем более что эти мальчики по своему поведению не многим отличались от предметов мебели – от стула или же от стола – так как просто безмолвно выполняли свою работу, для которой, как казалось Тилли, они и были предназначены. Разве вы будете испытывать жалость к стулу из-за того, что на нем постоянно сидят люди? Нет, он просто выполняет свою необходимую функцию, вот и все. Если бы девочка начала размышлять, она, несомненно, поняла бы разницу между стулом и человеком, но так как в целом никакие мыслительные процессы не были ей свойственны, то и постичь это немаловажное различие она, увы, не могла.

Вот и сейчас Тилли довольно равнодушно посмотрела на вновь прибывшего слугу и даже намеревалась зевнуть, но что-то, однако, привлекло ее внимание. Парень был чудо как хорош собой, несмотря на отвратительную татуировку на полшеи – страстную любовь ее папаши. В целом перед глазами девочки мелькало много вполне симпатичных ребят, которые никогда не заинтересовывали ее по-настоящему. Тут, однако ж, было что-то такое, чего она себе даже не могла объяснить, но взгляд ее зеленых узких глаз дольше допустимого задержался на его гибкой сильной спине, черных, как и у всех армутов, волосах, ярких серо-голубых глазах, похожих на отполированные драгоценные камни, принадлежавшие самым лучшим кагилуанским мастерам. В общем, вполне посредственная внешность, если сравнивать с другими, ранее бывавшими в этой комнате рабами. Но тут было что-то еще. Девочка пытливо всматривалась в лицо незнакомца, но никак не могла отгадать эту загадку.

Юношу посадили за другую парту, поблизости, и он, усевшись на стул, поднял, наконец, на нее свои удивительные глаза. Госпожа Тилли вздрогнула, так как почувствовала волну презрения, исходившую от этого ничтожного слуги. Наглец, несомненно, презирал ее, несмотря на ее красивые волосы, стянутые в косички и хорошенькое, как ей казалось, лицо. Просто немислимо! Впервые в жизни Тилли покраснела, как будто и правда сделала нечто постыдное.

– Повторите, пожалуйста, что я сказал, – проговорил профессор, и девочка переключила свое внимание на занудного преподавателя. Какая же это была скука – учиться! Тилли даже позавидовала тому наглому рабу, который развалился за партой и с насмешливым, презритель-

ным видом разглядывал ее, ничуть не робея. Те, другие, с которыми приходилось сталкиваться девочке, имели привычку смотреть в пол, но уж никак не на нее!

– Я не понимаю ваши расплывчатые объяснения! – сердито ответила госпожа Тилли и вдруг (совершенно немислимо!) услышала, как слуга язвительно фыркнул. Невероятная выходка!

– Что он здесь делает? – недовольным, капризным голосом поинтересовалась она, в первый раз в жизни стыдясь того, что не усвоила урок. Преподаватель кинул изумленный взгляд на свою своевольную питомицу.

– Госпожа Тилли, этот молодой человек способствует вашему образованию и усвоению материала.

– Вот как? И каким же это образом? Может, он и учиться будет вместо меня? – гневно произнесла девочка.

Преподаватель потупился, испытывая некоторую неловкость. Затем он сказал:

– Вы же знаете, блистательная госпожа, чьи очи подобны зеленому омуту, что вас запрещено наказывать за невнимательность и небрежное отношение к учебе?

– И что с того? – фыркнула девочка, представив на миг себе эту нелепость – наказывать ее!

– Так вот, наказывать за вашу нерадивость мы будем, по приказанию господина Ролли, этого молодого человека. Ваш отец полагает, что жалость к отроку будет способствовать лучшему усвоению информации в вашей прекрасной головке.

Девочка еще раз удивленно посмотрела на красивого горделивого юношу. Это было какое-то новшество, болезненная прихоть ее папаши. Она, конечно, безразлично относилась к рабам, но представить, что кого-то будут наказывать за нее – одна эта мысль даже в ее испорченной голове показалась странной и чудовищно несправедливой. Преподаватель увидел изумление и смутное подобие жалости, которое промелькнуло в глазах его госпожи, и воспрянул духом, надеясь, что новейший метод наконец-таки прославит его методику преподавания и поможет ему обучить необучаемого. Это сулило ему огромную награду от своего работодателя, что не могло не обрадовать достопочтенного учителя, чьи труды в этом доме до сей поры были напрасны.

Весь следующий час господин Волосатинс с усиленным рвением и с необычайной жестикуляцией объяснял своей подопечной правила. Мужчина заметил, что мальчишка слушает его с особенным интересом, и это так вдохновило достопочтенного учителя или, вернее будет сказать, окрылило, что он благосклонно добавил к уроку еще полчаса.

Затем в класс неспешно вошел господин Ролли, которому хотелось посмотреть, как учится его девочка. Заметив хозяина, учитель поторопился задать Тилли простейший вопрос, на который мог бы ответить, по его скромному мнению, даже человек совершенно несведущий в этой области. Преподаватель с надеждой смотрел на ученицу, уже чувствуя, как венгерники обильно сыплются в его тощий кошелек.

Госпожа Тилли растерянно посмотрела на отца, потом на учителя. Черноволосая девочка опять решительно ничего не поняла, но единственно потому, что наглый раб насмешливо наблюдал за ней на протяжении всего урока, откровенно насмехаясь. Ничего не ответить ей казалось стыдным.

– Ну давай же, дорогуша, расскажи нам, что ты поняла, – ласковым голосом подбодрил ее отец, который был без ума от своей, такой красивой, дочери.

– Я все поняла, – быстро ответила девочка, и учитель, холодея от страха, повернулся к ее отцу и, раболепно улыбаясь, сказал:

– Ну вот видите, она все поняла. Думаю, нет смысла более мучить ребенка.

– Давай, малышка, ответь на вопрос, – настойчиво попросил старый армут, которому показался подозрительным туманный ответ Тилли.

– Мы говорили... говорили про армутский язык! – радостно воскликнула девочка, будто вспомнив что-то. В этом она, разумеется, была права, ибо урок так и назывался «Грамматика и лексика армутского языка». Название урока также было коряво выведено в ее тетради.

Господин Волосатинс в страхе схватился за голову, старый армут нахмурился, и в этой самой многозначительной тишине послышался негромкий, но возмутительно-обидный смех, исходивший со стороны их раба. Артур не смог его сдержать, как ни старался. Юноша в первый раз сталкивался с подобным невежеством. Справедливости ради надо отметить, что в Троссард-Холле тоже были ученики, обделенные способностями к наукам, были и лентяи, но даже они, наихудшие ученики его школы, казались куда умнее этой высокомерной девицы, которая не могла и двух слов связать.

Старый армут в гневе посмотрел на блистательного педагога.

– Если за неделю не появится результат, я буду вынужден отказаться от вас.

Учитель поклонился до земли; слова хозяина привели его в совершеннейший ужас. Когда кто-нибудь из богачей отказывался от услуг того или иного работника, он, как правило, навсегда терял возможность хорошо устроиться в Мире чудес. Уходить из города и владеть бедственное существование достопочтимому учителю, вполне уже раздобревшему и привыкшему к комфорту, не хотелось.

– А ты, дочка, внимательно посмотри на нашего слугу Бата, он вынужден будет претерпеть за тебя наказание, – поучительно сказал девочке толстяк, впрочем, про себя улыбаясь от удовольствия. Он сладко предвкушал момент, когда спесь сойдет с наглого лица мальчишки, на котором так и не появились признаки покорности и смирения.

Артура вывели в центр класса прямо перед девочкой, которая испытывала смешанные чувства; с одной стороны, ей стало стыдно за свою тупость и неспособность учиться, с другой – она чувствовала, что слуга унизил ее и должен претерпеть наказание. Тилли высокомерно глянула на него, как бы говоря: «И поделом тебе». Но Артур не удостоил ее взглядом. Он гордо выпрямил спину, вызывающе глядя на своих врагов. Храбрый мальчик не знал, какое испытание его ждет, однако в мыслях он уже поставил перед собой три задачи: не опускать глаз, не показывать страх, держаться на ногах во что бы то ни стало.

Толстяк хлопнул в ладоши, и в класс забежал один из его слуг, держа в руках разные инструменты для наказаний. Немного поразмыслив, хозяин выбрал длинную, гибкую трость с отделкой из кожи лучших армутских скакунов.

– Вы должны осуществить правосудие и наказать юношу за нерадивое отношение к учебе, – веско сказал он учителю. Тот с какой-то неловкостью взял в руки трость. Ранее никогда хозяин не заставлял его применять силу на своих уроках. Господин Волосатинс неуверенно глянул в лицо Артуру, словно пытаясь прочесть в нем одобрение на последующую экзекуцию. Юноша смотрел преподавателю прямо в глаза, и от его честного и смелого взгляда мужчине сделалось не по себе.

На самом деле господин Волосатинс вовсе не был жесток. Почему-то, когда старый армут сообщил ему об Артуре, он подумал, что мальчика будут наказывать другие рабы, но никак не он сам. Ему не хотелось самолично в этом участвовать. Одно дело смотреть на преступные действия со стороны, зная, что все равно не можешь им помешать, и совсем другое – когда эти действия напрямую зависят от твоей воли. Все-таки разница здесь очевидна. Мог ли он отказаться? В принципе да, ведь он не являлся бесправным рабом господина Ролли. Однако его слишком волновала собственная судьба, чтобы он еще снисходил до жалости к другим. Поэтому преподаватель легонько стукнул Артура тростью по руке.

– Вы издеваетесь, господин Волосатинс? Вы кого наказываете, свою бабушку? – недовольно проговорил старый армут. Достопочтенный учитель в голосе своего работодателя почувствовал угрожающие нотки, которые могли стоить ему места. Поэтому второй раз он замахнулся без сожаления и промедления, пытаясь выслужиться за свой недавний промах.

Мужчина с силой ударил мальчика по лицу тростью, оставляя на его щеке красную полосу. От боли Артур пошатнулся и одну руку по инерции прижал к лицу.

– Свяжите ему руки за спиной! – приказал господин Ролли, и слуги тотчас же кинулись исполнять распоряжение хозяина.

– Можете продолжать, – армут повелительно кивнул, и господин Волосатинс принялся безжалостно бить стоявшего перед ним беззащитного юношу по груди, плечам и рукам, оставляя на теле наказуемого явные следы ударов.

Господин Ролли пристально всматривался в лицо Артура, надеясь прочесть в нем то, что он обычно находил в лицах других его рабов. Но тщетно. Мальчик побледнел, и по всему было видно, что трость причиняет ему сильную боль, но ни единого звука не вырвалось из его плотно сжатых губ, ни единого раскаявшегося взгляда!

– Еще, еще! – в ярости кричал старый армут, совершенно взбешенный невероятной терпеливостью нового слуги.

– Нет, хватит! – неожиданно крикнула Гилли. Впервые в своей жизни она почувствовала, что происходящее не только безумно и нелепо, но еще и совершенно недостойно. Впервые девочка ощутила укол совести, которая до сего момента дремала в ее сердце.

Толстяк согласно кивнул, так как в своей семье во всем слушался дочь и жену. Ему подумалось, что, может быть, и вправду такая методика получения знаний окажется эффективной, и его девочка наконец-то сможет постичь все науки. Эта мысль несколько развеселила его, и, отдавая приказ увести пленника, он даже улыбнулся.

С этого самого момента у Артура началась сложная жизнь. В то время как Тэнка весь день пропадала на кухне, помогая приготовить изысканные блюда для своих господ, он вынужден был часами сидеть в опостылевшем до дрожи классе и наблюдать за глупой, напрочь лишенной мозгов, богатой девчонкой. Затем неизменно следовало наказание, всегда разное, в зависимости от изощренной фантазии господина Ролли.

Порою девочке удавалось что-то ответить, и тогда у Артура появлялась хоть какая-то спасительная передышка. Но чаще она была рассеяна на уроках, совершенно не слушала учителя и проявляла возмутительную тупость и неспособность хоть немного подумать. Тогда старый армут злился и вымещал всю свою злобу на Артуре. В такие дни бедолага едва приползал к месту своего заключения и совершенно без сил падал на солому, которая служила невольникам подушками.

Полная апатия завладела всем его существом, и все его прежние заботы, как в дурмане, уходили прочь, а в сознании оставались только часы сидения в классе и неизбежное испытание, которое следовало после. Помимо прочего, господин Ролли стал проявлять удивительную непоследовательность в предоставлении пищи; несколько раз он как будто забывал покормить Артура, и тогда бедный юноша вдобавок ко всему мучился от голода.

Тэнка и Лэк, как могли, старались облегчить ему жизнь. Тэнка промывала и смазывала ему раны заживляющей мазью, которую смогла добыть где-то на кухне, Лэк делился своей порцией воды и еды. Никому из них не приходилось так тяжело и ни на ком так не отыгрывался старый армут, как на своем строптивом работнике, который, как и прежде, отказывался просить пощады. Друзья никогда не мешали ему отдыхать и даже переговаривались шепотом, но в целом все их слабые попытки оказать ему помощь не имели успеха – с каждым днем Артур все больше погружался в омут беспомощности, откуда уже не было возврата.

Несколько раз во время особо жестоких экзекуций он от боли терял сознание, но его неизменно приводили в чувство, с ног до головы окатывая холодной водой. Бедному юноше даже мечталось как можно чаще терять сознание, поскольку это хоть ненадолго вырывало его из лап той мучительной боли, которая сковывала все его тело. Он чувствовал эту боль, пока лежал на своей соломе, равно как и когда сидел в классе, безучастно слушая объяснения учителя. Потом к этой глухой незаживающей боли прибавлялась новая, и он опять терял сознание

и забывался. Однажды, лежа на соломе возле своего временного пристанища, он как во сне услышал следующий разговор.

– Бедняга, – говорил Лэк. – Боюсь, он не протянет долго. Хозяин жирного живота совсем озверел.

Надо отметить, что Лэк стал чуть храбрее; например, он уже не боялся отпускать в адрес господина Ролли нелестные эпитеты и прозвища. Поведение Артура, его смелость и несгибаемая воля положительно сказались на этом испуганном, забитом мальчишке, который уже без страха высказывал свое мнение.

– Нет, не говори так, я запрещаю тебе! – воскликнула девочка и заплакала. Она приходила в ужас каждый раз, когда видела Артура, возвращавшегося после своих дневных экзекуций. Она мечтала о том, как расправится с толстяком и всей его свитой, но пока это были лишь мечты. Девочка не знала, как помочь своему другу, прекрасному принцу, который был для нее, конечно, больше, чем просто друг. Она не расспрашивала юношу о том, что происходит в классе, где училась госпожа Тилли, так как видела, что эта тема мучает его.

Всю информацию Тэнке удавалось узнавать в основном от других слуг, которые так или иначе в течение дня могли пересекаться с Артуром. Они также поведали ей, что госпожа Тиллитта – очень красивая девочка, отчего Тэнка мучилась еще сильнее, переживая, что ее Артур проводит с соперницей так много времени. Бедняжка уже и думать забыла про далекую и таинственную Диану, которая стала для нее не более чем бестелесным призраком. Ей казалось, что Артур уже давно позабыл ее. Но это, конечно, было неправдой. Мальчик вспоминал Диану каждый день; образ стройной сероглазой девушки иногда даже появлялся перед его мутным воспаленным взглядом, когда он смотрел, как Тилли отвечает свой урок. Тогда он был вполне счастлив, и загадочная улыбка появлялась на его бледных губах.

В такие моменты госпожа Тилли недоумевала, ведь совсем недавно слуга испытывал к ней лишь презрение. Неужели он наконец по достоинству оценил ее качества? Неужели он больше не будет смеяться над ней? Но взглянув в его мечтательные глаза, она вновь чувствовала отчуждение, граничащее с ненавистью.

В чем-то Лэк, несомненно, был прав, когда говорил, что из шатров нельзя выбраться. Время текло монотонно, дни проходили один за другим, и ничего не менялось в жизни несчастных путников, по воле злого рока попавших в призрачный Мир чудес, город хитрецов и обманщиков, пороков и грехов.

Артур явственно понимал, что, если он не придумает, как выбраться отсюда в ближайшее время, то он уже не сделает этого никогда. Силы постепенно оставляли его, и он чувствовал себя скорее игрушкой, набитой перьями, но никак не живым человеком. У него двоилось сознание, и порою он был неспособен отличить реальность от фантазий, что было, несомненно, плохим предзнаменованием. Иногда, лежа на соломенной подстилке, юноша ощущал сильную лихорадку, и его тело начинало колотиться в ознобе. Ему было жутко холодно, хоть на улице даже ночью стояла невыносимая жара. Неужели то были проявления той странной болезни, о которой однажды обмолвился господин Ролли?

В любом случае, надо было срочно что-то придумывать, так как с каждым днем все становилось только хуже. С другой стороны, мальчика всюду сопровождали под конвоем, и пока он бесконечно долго выслушивал учителя, руки его все время были накрепко связаны. После уроков, ближе к вечеру, его приводили на спальное место и грубо кидали на солому, будто мешок с картошкой. Здесь его удерживали кандалы, но и не только они являлись препятствием к побегу. Мальчик к вечеру чувствовал себя настолько истощенным и морально, и физически, что у него были силы лишь на то, чтобы провалиться в беспамятство до того момента, как слуги толстяка вновь придут за ним.

Однако вскоре произошло одно обстоятельство, которое, несомненно, положительно сказалось на всей ситуации. Артура привели в класс еще до того, как пришли учителя и оставили

сидеть наедине с госпожой Тилли. Юноша аккуратно сел за свой стол, морщась от боли. Теперь даже сидение на одном месте доставляло ему невыразимые мучения, так как на его теле уже не осталось ни одного живого места, не тронутого плетью, палкой или просто кулаком.

Артур посмотрел на девочку, неестественно прямо сидевшую перед ним. Она зачем-то нацепила на себя выходное платье и выглядела в принципе неплохо, но Артур до такой степени презирал ее, что этот нарядный и не вполне уместный вид вызвал в его душе не что иное, как волну глухой неприязни.

– Не надоело строить из себя идиотку? – язвительно поинтересовался он у девочки, надеясь вызвать в ней ответные реакции. Госпожа Тилли дернулась, как от удара и незамедлительно покраснела. Затем она обратила свои прекрасные зеленые глаза на мальчика.

– Не надоело подставлять спину хозяевам? – так же язвительно ответила она. Артур безразлично пожал плечами, в то время как внутри у него все содрогнулось от жестокости ненавистой ему девицы.

– У меня нет выбора: подставлять спину или нет. Но у тебя есть – ты можешь начать учиться. Причем не из-за меня, не из-за учителей, которые готовы разбиться перед тобой в лепешку, не из-за твоего чокнутого папаши-садиста, а просто для самой себя. Неужели тебе никогда не хотелось узнать больше, чем ты знаешь о мире, в котором ты живешь? – Артур старался говорить пренебрежительно, но в разуме своем он понимал, насколько тонко ему надо вести эту игру, не спугнув и при этом не оттолкнув девчонку.

Госпожа Тилли какое-то время молчала, явно обдумывая свой ответ. Артур внутренне сжался, так как от этого ответа, возможно, зависела в какой-то степени его судьба.

– Учиться так скучно... – наконец доверительно сказала она ему, причем в ее голосе не было гнева, либо же неудовольствия. Артура возликовал.

– Скучным может оказаться любое занятие, если к нему подходить как к чему-то скучному и ненужному. А ты подумай о том, что каждый урок – это дверь, которая приведет тебя в неизведанное место. Но только от тебя зависит, сможешь ли ты найти ключ и открыть ее.

– По-моему, ты просто печешься за свою жизнь, – вспыхнула девочка, впрочем, оказавшись недалеко от истины. Артура мало заботила ее образованность.

– Как и любое живое существо, – пожал плечами мальчик, грустно улыбнувшись. Он сам не осознавал в полной мере своего влияния на девочку, которое являлось, без преувеличений будет сказано, колоссальным.

По какой-то неизвестной причине госпожа Тилли всем своим сердцем устремилась к этому несчастному заключенному, как, наверное, любое растение тянется за первыми лучами солнца. Девочка чувствовала в нем источник некой живительной силы, которой у нее самой не было. Незнакомец, каждый день сидевший рядом с ней и претерпевавший за нее наказания, имел в себе некий духовный стержень, о чем весьма смутно догадывалась госпожа Тиллитта.

Люди, всю жизнь ее окружавшие, делились на две категории: одни были безразличны к ее судьбе, другие же, напротив, так сильно завидовали, что готовы были ненавидеть только из-за одной этой зависти. При этом все они были одинаково мелочны, эгоистичны, хитры, злы, жадны, гневливы, трусливы и порочны. И весь этот круговорот жалких людей вокруг госпожи Тилли никогда не прекращался и был ее маленьким миром, который казался ей настолько же естественным, насколько были для нее естественны ее собственные руки или же ноги.

У нее совершенно не было друзей, да и она едва ли понимала значение этого слова. И вот теперь перед ней сидел человек, гораздо выше ее в моральном и духовном смысле, и девочка это сразу же почувствовала. После родилось чувство стыда, хотя пока еще смутно очерченное и неопределенное, словно размытый после дождя песок. И все же это были благодатные ростки чего-то нового и хорошего, внезапно появившегося в ее сердце. Однако сперва госпожа Тилли подумала, что влюбилась.

– Я постараюсь сегодня все понять и ответить, – неожиданно пообещала девочка и, надо отдать ей должное, вполне сдержала свое обещание. Оказывается, когда даже самый неспособный и нерадивый ученик захочет чему-то выучиться – он это сделает, ибо нет необучаемых, но есть много безвольных лентяев. Господин Волосатинс был доволен как никогда: его козлиная бородка подрагивала от радостного предвкушения своего вознаграждения. Действительно, его манера с особым рвением истязать слугу возымела свои плоды, и госпожа Тилли наконец-то стала способной ученицей!

Когда девочка в точности ответила отцу урок, тот радостно захлопал в ладоши. Толстяк был так счастлив, что даже не испытывал больше ненависти к Бату, напротив, он настолько расщедрился, что приказал вызвать доктора и осмотреть многострадального слугу. Этот счастливый день Артур провел в тенистой прохладе платанов, лежа на мягких кушетках цвета куркумы, набитых гусиным пухом, а достопочтенный господин Лыгинкис осматривал и залечивал его страшные раны и только в негодовании цокал языком.

– Вам следовало бы несколько дней находиться у меня, – заметил врач с осуждением в голосе, будто это Артур сам был виновен во всех своих злоключениях.

– С удовольствием соглашусь с вами, – вежливо, но с едва ощутимой иронией заметил мальчик. Невероятно, но больше всего на свете изможденному бедняге хотелось сейчас находиться здесь, в тени сада, чувствуя, как обезболивающая мазь снимает воспаление с кожи.

После всех проведенных манипуляций врач предложил своему пациенту напиток – то был чудодейственный эликсир, вероятно на базе алкоголя. Артур выпил его с неприкрытым отвращением, так как не переносил вкус спирта. Однако после ему заметно полегчало и захотелось спать. Господин врач оставил пациента на кушетках, снабдив также сытной едой, и Артур с наслаждением закрыл глаза, решив немного отдохнуть.

– Невероятная жара сегодня, а ветер прохладный! Немудрено и простудиться! – вдруг послышался над ним чей-то гнусавый возмущенный голос. Артур лениво приоткрыл глаза и увидел перед собой долговязого худощавого юношу с такой бледной полупрозрачной кожей, что, казалось, сквозь него можно было смотреть словно в окно.

На незнакомце был теплый байковый халат, в который вышеуказанный субъект был завернут с невероятной тщательностью и даже какой-то маниакальной педантичностью. Халат доходил ему до самых пят, а тощие бледные кисти торчали из рукавов так несмело и боязливо, словно их обладатель опасался нечаянного соприкосновения с воздухом. Чудилось, что будь это только возможным, юноша с головой бы обмотался своим одеянием, что, конечно же, казалось удивительным при такой жаре. Незнакомец разговаривал сам с собой, и по всему было видно, что он даже не обратил внимания на лежащего на кушетках мальчика.

– Нет, кажется, у меня озноб... Уже весь дрожу... – продолжал озабоченно повторять странный субъект. Артур сразу понял, что перед ним один из представителей замечательного семейства Ролли. Иначе и быть не могло. Об этом говорил дорогой с прекрасной вышивкой халат, холеные руки, которые не имели ни малейшего понятия о тяжелой работе, удобные сандалии, похожие на те, что носил старый армут...

Клипсянин с интересом наблюдал за этим странным юношей, который с озабоченным видом ходил по саду. Тот продолжал болтать всякий вздор, однако в какой-то момент он увидел, наконец, перед собой Артура и нахмурился. Надо сказать, что Карм презирал такой феномен в армутском обществе, как рабство. Он находил это негуманным и весьма устаревшим. Ему казалось, что всякий мало-мальски образованный человек должен ненавидеть любые ограничения свободы так же сильно, как и он сам.

Однако, недолюбливая рабство как категорию, Карм все же благосклонно воспринимал тот факт, что в течение дня кто-то должен обмахивать его опахалом, причем совершенно безвозмездно. Такие лицемерные люди часто встречаются в нашем обществе; они с гордостью провозглашают себя сторонниками справедливости, но при этом живут так же, как и те, с кем

они борются. Со словами «как можно так бесчеловечно относиться к единорогу» они тем не менее способны отведать его на ужин в качестве основного блюда, и это нисколько не будет противоречить их идейным принципам. Карм ненавидел пристрастия папаши, но и не отвергал их, считая вполне приемлемыми, когда дело касалось лично его персоны.

Артур привстал на своих подушках и безо всякого стеснения насмешливо разглядывал долгоязого хилого юношу. Мальчика изумляло странное желание армута закутаться в свой халат в самом разгаре оюня на южной пустынной равнине, где климат был куда жарче и засушливее, чем, например, в Клипсе или в Троссард-Холле.

Незнакомец с отвращением покосился на спину мальчика, которая была сейчас покрыта толстым слоем лечебных мазей, и изящным движением руки достал из кармана платочек. Он поднес его к губам, словно ему вдруг сделалось дурно. Юноша даже немного пожелтел лицом.

– Все в порядке? – участливо осведомился Артур у незнакомца. Карм несколько секунд смотрел на мальчика. Казалось, он задумался. Сам того не подозревая, клипсянин задал правильный вопрос с правильной интонацией.

– Нет, не в порядке, – ворчливо заметил юноша, который, как потом выяснилось, оказался вовсе не юношей, а вполне себе солидным мужчиной. – Очень плохо. Все ужасно. Меня уже второй день лихорадит, и мне кажется, что я страшно болен. Вчера я выпил крепкой настойки от лихорадки, но мне не особенно это помогло.

Артур вспомнил, как в Троссард-Холле ребята начинали утро тем, что ходили делать зарядку и закаляться.

– Нужно поменьше лежать, а по утрам обливаться холодной водой, – заметил мальчик нравоучительно, но не без язвительности, с трудом представляя, как этот худой бледный юноша расстанется со своим теплым халатом. Удивительно, но Карм схватился за эти слова, как, наверное, утопающий схватился бы за веревку.

– Да, да... Я где-то читал про эту методику... Обливаться водой... Это правда помогает? – с искренним интересом спросил он, чуть приблизившись к Артуру. Было видно, что слишком близко он подходить не хочет, вероятно, из-за боязни подхватить какую-нибудь инфекцию. При этом интерес его повысился до такой степени, что Карм даже вытянул вверх шею, немного освободив ее из ворота халата.

– Очень помогает. А еще лучше поможет, если вы сами будете обмахивать себя опахалом, а того мальчика отпустите отдохнуть, – язвительно добавил Артур, кивая в сторону раба в кандалах, который следовал за своим тщедушным хозяином, пытаясь хоть как-то уменьшить мучения господина.

Карм надменно поднял брови:

– Забываешься, молодой человек, ты не в том положении, чтобы делать мне замечания.

– Что вы, какие замечания, я просто дал совет. Ведь если вы сами будете мало двигаться, то и кровь не будет бегать по венам, и вам все время будет холодно. Отсюда и лихорадка, на которую вы жалуетесь.

– Гм... Трезвые речи. Даже невероятно, что я говорю со своим невольником! – воскликнул Карм, который при этом все же не рассердился и не ушел. Напротив, он еще ближе придвинулся к Артуру, со все более возрастающим интересом его разглядывая.

– Так ты что же, умеешь врачевать?

Артур пожал плечами. В принципе, он умел врачевать, хоть никогда особенно не любил уроки профессора Листа. Впрочем, мальчик был естествознателем, и если бы его былая сила хоть изредка давала о себе знать, то он, наверное, мог бы стать неплохим лекарем. Как его отец.

– Да, я начинал учить эту науку, – немного туманно ответил он. Карм воодушевился еще больше. Ему это так понравилось, что его бледные щеки даже окрасились легким румянцем от возбуждения.

– Как тебя зовут? – в нетерпении спросил он.

– Артур, – ответил мальчик.

Карм ухмыльнулся.

– Это ведь твое настоящее имя, да? Бунт?

Надо отметить, что тщедушному юноше чрезвычайно понравился Артур. Во-первых, новый раб не был похож на прежних работников. Мальчик отвечал открыто, без утайки, глядя прямо в глаза собеседнику. Во-вторых, видно было, что его не испугать даже самыми изощренными пытками папаши, а это было очень и очень приятно для сына, который презирал собственного отца.

«Он может мне быть полезен... Хоть с кем-то я смогу пообщаться по интересующим меня вопросам...» – думал Карм. Тридцатилетний бездарь был одинок; со слугами разговор всегда был короткий, а с родителями разговаривать ему не хотелось. Родная сестра внушала презрение, так как была крайне ленива и неспособна к учебе. Карм, будучи сам ленив и пассивен, интуитивно стремился к своим антиподам – личностям, которые могли бы хоть как-то расшевелить его безвольное амебное тело. К сожалению, в стане армутов таких людей он пока еще не встречал.

– Мы могли бы иногда беседовать... Мне было бы небезынтересно поговорить на темы, связанные с лекарской наукой, – почти робко предложил Карм. Артур насмешливо улыбнулся.

– Боюсь, с моей занятостью у меня не останется времени на разговоры.

Карм согласно кивнул головой и заметил:

– Думаю, работы будет меньше. Учítывая, что Мир чудес вновь отправляется в путь...

– В путь? – переспросил Артур, не совсем понимая. Карм рассеянно пожал плечами.

– Обычное дело. Когда торговать больше не с кем, армуты уходят. Говорят, в Кагилу пусто, а нам нужны покупатели.

– Куда мы отправляемся? – спросил Артур с деланным безразличием. Эта информация могла оказаться очень важной для него и Тэнки.

– Куда, куда... Мне без разницы. Надоели эти переходы, сквозняки, трудности... Боюсь, что место следующей стоянки – Полидекса, а это очень далеко от Беру.

– Какая разница, Беру или Полидекса? – небрежно поинтересовался Артур, внутренне сжимаясь. Он лихорадочно думал о том, как бы во благо употребить полученные от Карма знания.

Карм недоуменно посмотрел на мальчика.

– Как это какая разница? Город мечты и город рабов – такое уж маленькое отличие?

– Мечты тоже имеют своих рабов, – философски изрек мальчик, прикрыв глаза. Он понял, что у него с Тэнкой есть всего-навсего один шанс. Клипсянин задал еще один очень важный вопрос:

– Когда мы уходим?

– Через два дня, а что? – теперь уже заинтересованность Артура показалась Карму подозрительной.

– Думаю, за два дня мы вполне сможем облегчить вашу лихорадку, – как ни в чем не бывало ответил новоиспеченный слуга.

Глава 12 Или не украл, так взял, а вором стал

В тот день, когда Артур с Тэнкой на свою беду последовали за господином Ролли, Алан, ничего не подозревая, отправился искать нужную лавку с провизией и снаряжением для похода.

Юноша был чрезвычайно недоволен и раздосадован; во-первых, ему приходилось иметь дело с армутами, которые, как известно, хорошие дельцы, но нечестные продавцы. Во-вторых, Алан сетовал на самого себя и на свою рассеянность и забывчивость. Право же, как мог он оставить замечательную, вместительную суму в Кагилу? Но не возвращаться ведь теперь за ней в город мертвецов... И хоть скептически настроенный юноша и не верил в существование мифических теней, тем не менее, идти вновь под землю, где разыгралось поистине трагическое действие, ему весьма не хотелось. И наконец, Алан переживал за семью Тэнки. Впрочем, насчет последнего он был настроен более или менее оптимистично, так как всем сердцем надеялся, что Лейланде с детьми удалось выбраться. Возможно даже, они идут сейчас в Беру или в Ту-что-примыкает-к-лесу.

Юноша брел по улице, надеясь не забыть месторасположение харчевни, где он оставил своих спутников. Водоворот Мира чудес сводил его с ума и раздражал невероятно. Более всего ему не нравилась манера местных жителей громко общаться. Действительно, казалось, что все армуты глуховаты, вследствие чего они старались кричать во все горло и одновременно, задыхаясь при этом от невозможной жары. Продавцы орали на своих покупателей, а те, в свою очередь, не отставали от первых и, яростно жестикулируя, выкрикивали что-то в ответ.

Казалось, что даже животные, обитавшие в этом хаосе, ведут себя куда громче своих сородичей, живших в других местах. Ослы недовольно кричали под ездоками, лошади поминутно ржали, сетуя на свою судьбу, облезлые кошки вопили от голода, тощие собаки облаивали прохожих. Шум, пестрота, запах масел, потные тела, горелая еда, грохочущие повозки, толкучка, повсюду палатки, преграждающие дорогу, навязчивая трескотня торговков, песчаный ветер, сбивавший с ног – решительно все чувства обострялись у того, кто попадал в Мир чудес. Человек словно бы внезапно прозревал, начинал осязать и слышать так, как никогда ранее.

Алан долго искал необходимое. Сперва его не устраивала цена, в другой раз он ушел из лавки только из-за того, что торговка слишком навязчиво предлагала ему свой товар, что действовало ему на нервы. Наконец он смог купить вяленого лошадиного мяса, огниво, нож, крючки и леску для рыбалки, несколько пестрых ковриков, которые можно было использовать в качестве матрасов, лучину, крепкую веревку, горшок для приготовления пищи. Также ему чудо как приглянулась фляга для воды с красивым изображением орла, державшем в своем клюве добычу. Однако продавщица, торговавшая флягами и специями, оказалась крайне несговорчивой. Она запрашивала целых три золотых за свой товар.

– Это же грабеж среди бела дня! – возмутился Алан.

– Э-э, нет, мой хороший. Я сейчас все объясню. Что ты видишь на этой фляге?

– Ну... Орла, – не понимая к чему она клонит, произнес юноша.

– Орел этот на свободе, не так ли? – с лукавой улыбкой проговорила торговка. У нее было узкое лицо, напоминавшее хищную мордочку куницы, острые проворные руки и некрасивый нос с горбинкой, как и у всех армутов.

– Ну так... – озабоченно подтвердил Алан.

– А за свободу надо платить... Она просто так не дается. За это один золотой. Смотрим дальше. Что у орла в клюве?

– Еда, которая просто так на земле не валяется, я полагаю? – воскликнул юноша.

– Вот видите, мой хороший, вы начинаете прозревать, – обрадовалась торговка. – Еда тоже стоит денег. Далее. Орел летит по небу – место, куда все стремятся, но далеко не мно-

гие туда попадают... Но все же, небо – благочестивый символ, стало быть, за него еще один золотой.

– Вы-то уж вряд ли туда попадете, так как благочестием, похоже, не отличаетесь – так обдирать покупателей! Просто бессовестно! – простонал Алан в изнеможении, мечтая как можно скорее закончить свои покупки. Мир чудес обошелся ему слишком дорого.

Торговка ничуть не обиделась на заявление Алана – вероятно, в душе она с ним полностью согласилась. Однако ж цену понижать не стала.

– Мануфактура господина Ролли – лучшая в Мире чудес, – заговорщицки прошептала она Алану. – И ее изделия можно встретить даже на рынках Бери... Эта информация чего-то стоит?

Алан скептически смерил глазами торговку.

– Передайте своему господину, что цены у него грабительские.

Юноша взял также мешочек с пахучим кардамоном, трубочку корицы, стручок ванили и немного золотистого карри. Продавщица была так довольна, что, прощаясь со своим покупателем, она грубо обняла его и расцеловала в обе щеки, отчего Алан скривил лицо и незамедлительно покинул лавочку с навязчивой торговкой. Как же ему претили эти дикие манеры армутов, их постоянное желание проникнуть в твое личное пространство, возмутительные выходки, которыми они сопровождали общение!

Алан уже подходил к харчевне, где должны были ждать Тэнка с Артуром, как вдруг его слух, обострившийся до болезненности, уловил едва знакомый, но такой манящий стук, который можно услышать, когда два кубика, вырезанные из суставов копытных животных, легонько сталкиваются между собой. Алан вытянулся, принялся, будто заправская гончая, и глаза его заметались, пытаясь в пестроте красок отыскать искомый источник звука.

– Продаю мибесинский кувшин, продаю, – заунывно канючил загорелый армут, надеясь, вероятно, своим жалобным голосом растопить сердца покупателей.

– Красавчик, рыженький, купи бальзам для своих кудрей, они станут еще прекраснее! – кричала полная армутка, которая была настолько объемной, что могла вполне сойти не за одного, а за целых трех торговцев. Где-то вдалеке резвились ребятишки возле своей мамы, нелепо развалившейся на земле и просившей милостыню.

«Все не то, не то...» – бормотал про себя Алан. И вдруг он увидел то, что искал. Прямо перед его глазами выплыла яркая лавчонка, в которой было так накурено, что седые пары огромными клубами вылетали из многочисленных отверстий меж полотняных стен. Над входом висела многообещающая вывеска, которая тоже была окружена облачком дыма. Вот что на ней было написано: «Игорный дом».

Алан задержался на пороге лавочки чуть дольше обычного. Надо сказать, что у этого, на первый взгляд благоразумного юноши, была одна существенная слабость, которая могла вмиг исказить его сильную смелую натуру и превратить в бесхарактерного и совершенно безвольного человека. Алан на свою беду был азартен.

Игры в кости – обычное занятие для прожигателей жизни, манящее, но весьма сомнительное развлечение, которое зародилось именно в армутских городах, а затем, подобно заразной болезни, распространилось и на другие людские поселения. Алан узнал об этой игре от беруанцев, которые никогда не брезговали кинуть кубики разок-другой под стаканчик винотеля, приправленный трубкой с фирменным табаком.

Чем страшны азартные игры? Тем, что порою они бессовестно деформируют нашу волю, делают господ рабами. Игроки безвольно приползают в игорные дома и уползают почти на коленях, как ничтожные пресмыкающиеся, в пух и прах проигравшиеся, по уши погрязшие в долгах, но, несмотря на все это, с безумным огоньком в глазах, твердящие лишь одно – «еще, еще...»

Неумение остановиться, бросить, отказаться, освободиться – этим и страшна любого рода зависимость. Она всю жизнь человека переделывает под свои прихоти, нужды и требования. Она ставит ему условия, словно капризная жена, желающая властвовать над мужем. И горе тому, кто попадет под ее паразитическое влияние!

Алан был весьма удачливым игроком. Юноша даже научился жульничать, и частенько, прибегая к различного рода уловкам, ему удавалось обкрадывать других, чуть менее ловких игроков. Отсюда он и получил свое прозвище – «Алан Воришка», которое следовало за ним позорным шлейфом всюду, куда бы он ни пошел. В Той-что-примыкает-к-лесу жандармы особенно тщательно следили за подозрительным юношей, который вечером мог вполне обдуривать их в кости, а днем, как ни в чем не бывало, с надменной физиономией бродить по деревне.

Вот и сейчас Алан не смог устоять. Никакие здравые рассуждения не помешали ему, не остановили и не предупредили. Мысли о Тэнке, Артуре и вообще об их походе как-то растворились вместе с дымом игорного дома. Недолго думая, юноша шагнул в чад полотняной лавчонки и с наслаждением втянул ноздрями воздух: дым и пот возбужденных игроков – что может быть отраднее для ловкого азартного хитреца?

Алан намеревался применить здесь парочку своих мудреных приемов, чтобы возместить деньги, потраченные в Мире чудес. Дело в том, что у него в кармане находился талисман – кубик со свинцовым наполнителем. Когда Алан играл в кости, он, благодаря ловкости рук, подменял кубики, а его утяжеленный талисман неизменно выбрасывал требуемое число очков.

Надо сказать, юноше не всегда удавалось безнаказанно подменить кубики. Порою кто-нибудь из внимательных игроков обнаруживал мошенничество и тогда незадачливого обманщика выгоняли, не забыв снабдить его напутственными тумачами. Впрочем, Алан прибегал к своему талисману только в случае крайней нужды; его уж больно увлекал процесс, ему нравилось рисковать. Раззадоренного игрока манила даже сама возможность проиграть и потерять все – от какого-нибудь мало-мальски серьезного имущества до собственных штанов.

Сейчас, однако ж, Алан не хотел рисковать. Победа казалась ему весьма соблазнительной – тем более, над нелюбимыми им армутами.

Когда он вошел в заведение, почти никто не обратил на него внимание. Игроки, захваченные азартом, – жалкое зрелище. Они не видят ничего, кроме полета магического кубика, который, в какой-то степени, решает их судьбу. Завороженные, будто заколдованные, в дыму стояли эти люди, разных возрастов и полов, но преимущественно все же мужчины, глядя в одну точку перед собой. Алан потихоньку присоединился к ним и даже сам не заметил, как быстро оказался во власти игры, которая захватила все его существо.

Вначале он играл наравне со всеми, чтобы не привлекать внимание. Ему даже удалось немного потратиться, что он сделал без особых сожалений. Спустя несколько часов, когда солнце стало двигаться к закату, юноша все же решился применить свой трюк. Игроки уже устали, измучились от ожидания выигрыша, концентрация внимания слабела и многим, в общем-то, становилось безразлично, одержат ли они верх в этой битве или нет. Тогда-то Алан и пустил в ход свой талисман.

Он выжидал, будто хищный зверь в засаде, и наконец без сожаления кинулся на своих врагов. Юноша поразил их в сердце, начав забирать самое для них дорогое – деньги. Золотые венгерники с приятным звоном опускались в его карманы, и тогда-то его и заприметили. Мутные, тяжелые, полубезумные взгляды уставились на него, как на какую-то заморскую диковинку.

Среди игроков было немало армутов, но также хватало пришельцев и иноземных купцов. Кем они были? Беруанцами или просто путешественниками, беглыми каторжниками с Полидексы или честными трудягами из Гераклиона? Алан не мог ответить на эти вопросы, хоть ему и доводилось встречаться со многими людьми во время своих путешествий. Но в Мире чудес, этом странном причудливом городе, размывались все границы, которые отделяли

каторжника от честного гражданина. Здесь все были своими и вместе с тем – чужими, добро-совестными и ворами, красивыми и уродливыми. Казалось, этот город, увешанный полотняными ширмами, для того и создавался – чтобы скрывать настоящие имена, настоящих людей, настоящие поступки.

Алан неплохо заработал в тот вечер. Победа опьянила его и окончательно лишила здравого рассудка. Он даже умудрился забыть о том, с какой целью оказался в этом городе. Он забыл про своих спутников. Его новая кожаная сума через плечо была набита выигранными монетами, и этого ему вполне хватило для осознания полной удовлетворенности. Помимо монет он также получил халат одного из проигравшихся, который сидел на корточках перед игорным столом, тупо уставившись в пол. Это был почтенный, седовласый господин, прикрытый сейчас одним только платком, невероятно жалкий и несчастный. Увы, страсти одолевают в течение всей жизни, и почтенный возраст отнюдь не защищает нас от пороков и растления.

Алан без малейшей жалости обернулся в свое пестрое приобретение; диковинный халат полностью скрывал его одежду и делал чрезвычайно похожим на армута, который зачем-то покрасил волосы в рыжий цвет. Юноша не понимал, что нечестным путем добытое имущество не принесет много пользы. Не осознавал он также и того, что деньги, полученные в награду за тяжелый, но честный труд, куда приятнее для души, нежели эта сума, доверху набитая золотыми, но при этом представлявшая собой ценность не бóльшую, чем груда мусора. Сума, разорившая одних, но обогатившая Алана. Молодой человек не жалел незадачливых игроков, но отнюдь не потому, что был напрочь лишен сострадания. Просто ему казалось, что в подобных заведениях нет честных людей, а нечестных, стало быть, обманывать не зазорно.

Когда он, вполне довольный собой, вышел из игорного дома, на улицах Мира чудес уже стемнело. Город окунулся в невиданную тишину: закончилась торговля, а вместе с ней прекратилась и жизнь. Шатры медленно покачивались на ветру, отбрасывая причудливые тени. Весь город погрузился во тьму, и ни в одной захудалой лавчонке, ни в одной таверне не горели лампы. Сейчас улицы были прямыми, свободными и широкими, так как уже никто не завешивал их своими покрывалами, по ним не сновали люди и животные. Пряные дневные ароматы поспешно уходили, позволяя свежести рассеять смрад кочевого города.

Выйдя на улицу, Алан лицом к лицу столкнулся с довольно хорошенькой на вид армутой. Она была молодой, с тонкой талией и такими длинными густыми волосами, что кончики их подметали песчаные улицы города. Узкие, казавшиеся черными в ночи глаза, беззащитно глядели на Алана. Тот остановился, смутившись. Он всегда немного робел перед прелестными женщинами.

– Красавчик, не угостишь меня чашечкой кофе? – ласково промурлыкала она, и Алан, не в силах побороть волнение, кивнул головой. Она весело расхохоталась, грациозным движением откинув назад свои роскошные волосы. – Тем более что деньги, на которые ты будешь брать мне кофе, мои! – добавила она лукаво. Алан в замешательстве оглянулся. Ему показалось, что кто-то незаметно подошел к нему сзади. Потом был удар, едва слышный, аккуратный, профессионально исполненный, и незадачливый юноша, как мешок опилок, обернутый в цветной халат, повалился на землю.

Глава 13 Или мойте иногда за шкафами: там можно найти много любопытных вещей

Сури постоянно училась. Она с неумемной любознательностью вбирала в себя науки. Ее любимым занятием было чтение. Девочка умудрялась за день освоить несколько свитков естествознателей, не забыв при этом побаловать себя и какой-нибудь научной литературой на ночь. В результате столь быстрого поглощения информации ей стали известны многие процессы и закономерности естествознательства.

Впрочем, учебные свитки давали лишь узконаправленные знания, но при этом не помогали разбираться в простых бытовых ситуациях, и, что самое досадное, не давали никаких нравственных ориентиров. Сури, например, с легкостью могла отличить траву бериноски весмисткой от полявки, хоть растения внешне очень походили друг на друга, но при этом она бы затруднилась сказать, в чем разница между хорошим и плохим человеком и какие же существуют критерии для оценки нравственности.

Вскоре, по уровню своих знаний Сури стала превосходить учителей, однако, несмотря на начитанность, девочке с трудом давались практические уроки. Она знала названия необходимых растений, чтобы вылечить лихорадку или поставить на ноги после тяжелой болезни, но самостоятельно исцелять без помощи медицинских средств не могла. Девочка досадовала на свою беспомощность, тысячу раз перечитывала одни и те же свитки, однако безрезультатно. Она чувствовала себя инвалидом, лишенным способности ходить или же пользоваться своими руками, которые во время практических семинаров казались ей такими немощными. Все умения, которыми могла бы похвастаться Сури, относились к какому-то другому источнику и совсем не зависели от естествознательства.

Более того, с годами Сури с ужасом начала понимать, что ее внутренняя сила весьма похожа на ту, которой пользовалась злая старуха, ее кормилица. Несмотря на отсутствие навыков к естествознательству, девочка все же оставалась лучшей ученицей, которая всегда знала ответы на все вопросы.

Однако же, как это бывает порой у людей, которые полностью посвящают себя науке в общем или узкой отрасли в частности, она не могла посмотреть на явления, происходящие в обществе, более широко и всеобъемлюще, чтобы сделать для себя хоть какие-нибудь выводы. Обычно заботливая мать своим примером учит детей доброте и жертвенности, но, к сожалению, Сури не знала родителей. Хорошие художественные книги тоже могли бы сослужить ей эту службу, но девочка презрительно отвергала их, считая бесполезной тратой времени.

Учителя-естествознатели также должны были бы просвещать и учить отнюдь не только различным естествознательским премудростям; однако в то время, когда Сури попала в семью Ларри, в школьной среде стала прослеживаться одна тревожная тенденция: преподаватели не хотели брать на себя лишнюю ответственность и учить детей чему-либо, кроме как своим естествознательским наукам. Они были правы и неправы одновременно; осуждать их в этом нежелании с формальной точки зрения было нельзя, ибо, выполняя свою работу, они не обязаны были делать что-то сверх своих задач.

Однако, конечно, с человеческой точки зрения это было громадным упущением, так как учителя большую часть времени проводят со своими подопечными, знают их характеры, привычки и действительно могут чему-то их научить, что пригодилось бы им в дальнейшем в повседневной жизни. Наконец, добрый поступок Ларри – спасение Сури и ее удочерение – являлся одним из тех мощных факторов, которые могли бы повлиять на становление характера девочки, но, увы, и это не сработало.

Добряк Ларри не восхищал Сури, не был ее кумиром, на которого она хотела бы быть похожей. Его жена Цикория, милая, но совершенно недалекая женщина, вряд ли могла удовлетворить тягу девочки к познанию. Доброта других людей также оставалась без внимания, ибо Сури, считавшая себя образованней и умнее других, привыкла замечать не достоинства окружающих, а только недостатки или пороки.

Во всем этом была одна немаловажная деталь. С тех самых пор, как девочка занесла осколок стекла над своей мучительницей, она ощутила в душе появление какой-то направляющей силы, которая впредь стала контролировать все ее поступки. Порою Сури хотелось отплатить добром своей приемной семье, приласкаться к Цикории и заварить травяной чай Ларри, когда тот возвращался после тяжелой работы домой. Однако эта странная сила внутри нее словно бы говорила, с укором покачивая головой:

– Доброта – это удел слабых. Будь сильной!

Иногда Сури сталкивалась с по-настоящему хорошими людьми, но научилась их не замечать, так как надоедливый голос без умолку твердил: «Они просто глупы, но ты ведь умна и все понимаешь». Так и получилось, что девочка стала видеть вокруг себя только негативные качества окружающих, такие как жадность, вспыльчивость, стремление к наживе и эту невероятную заостренность в собственном эгоизме. Люди напоминали девочке окаменевшие раковины, совершенно обездвиженные, обескровленные, безнадежные в своей испорченности. Ничто, как ей казалось, не было способно смягчить эти каменные сердца и заставить их хоть чуть-чуть позаботиться о других.

Таким образом, Сури, будучи талантливой и способной в одном, оказалась обделенной в другом, более важном – нравственной сфере. У нее совсем не было друзей, так как в целом она привыкла обходиться без них. Единственным ориентиром в ее жизни был Вингардио. В своей душе девочка чувствовала непреодолимое влечение к этому человеку, который, как ей казалось, смог бы удовлетворить все потребности и мечтания, пока еще дремавшие в ее сердце.

Однажды, совершенно неожиданно для себя, Сури обнаружила один ранее скрытый талант, который, очевидно, также передался ей по наследству от кормилицы. Здесь надо отметить, что бедняжка довольно часто подвергалась осуждению со стороны других подростков-естествознавателей. Причина эта крылась, возможно, в ее нежелании ни с кем общаться и в излишнем высокомерии, а может, и в том, что она, по сути, являлась чужачкой в здешних краях.

До этого дня Сури никогда не противилась такому положению вещей, ибо слабо понимала, что необходимо делать в подобных случаях. Она со стойким великодушием терпела поджигание своей одежды во время занятий, презрительные перешептывания девчонок за спиной, язвительные шуточки мальчишек в свой адрес, а порой просто холодное игнорирование со стороны ребят.

Однако этим вечером чаша ее терпения была переполнена. Сури возвращалась домой, нагруженная драгоценными книгами, которые сейчас наполняли смысл ее существования. Смеркалось, но Ларри позволял девочке прогуливаться до поздней ночи, так как не сомневался в благоразумности своей приемной дочери. Да и потом, если уж где-то на земле и был город, достойный звания самого спокойного и безопасного, то этим городом являлся Воронес.

Призрачные домики появлялись прямо перед ее взором, но Сури не видела ничего, так как была погружена в свои мысли. Вдруг резкий удар заставил книгу упасть прямо на мостовую. Красивая берестяная обложка слегка повредилась. Такая мелочь неожиданно глубоко взволновала Сури. Ее мучители могли делать все, что угодно с ней самой, но не с книгами, которые действительно представляли огромную ценность! Она в совершенной растерянности посмотрела на преследователей, которые окружили ее со всех сторон наподобие того, как волчья стая окружает свою жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.